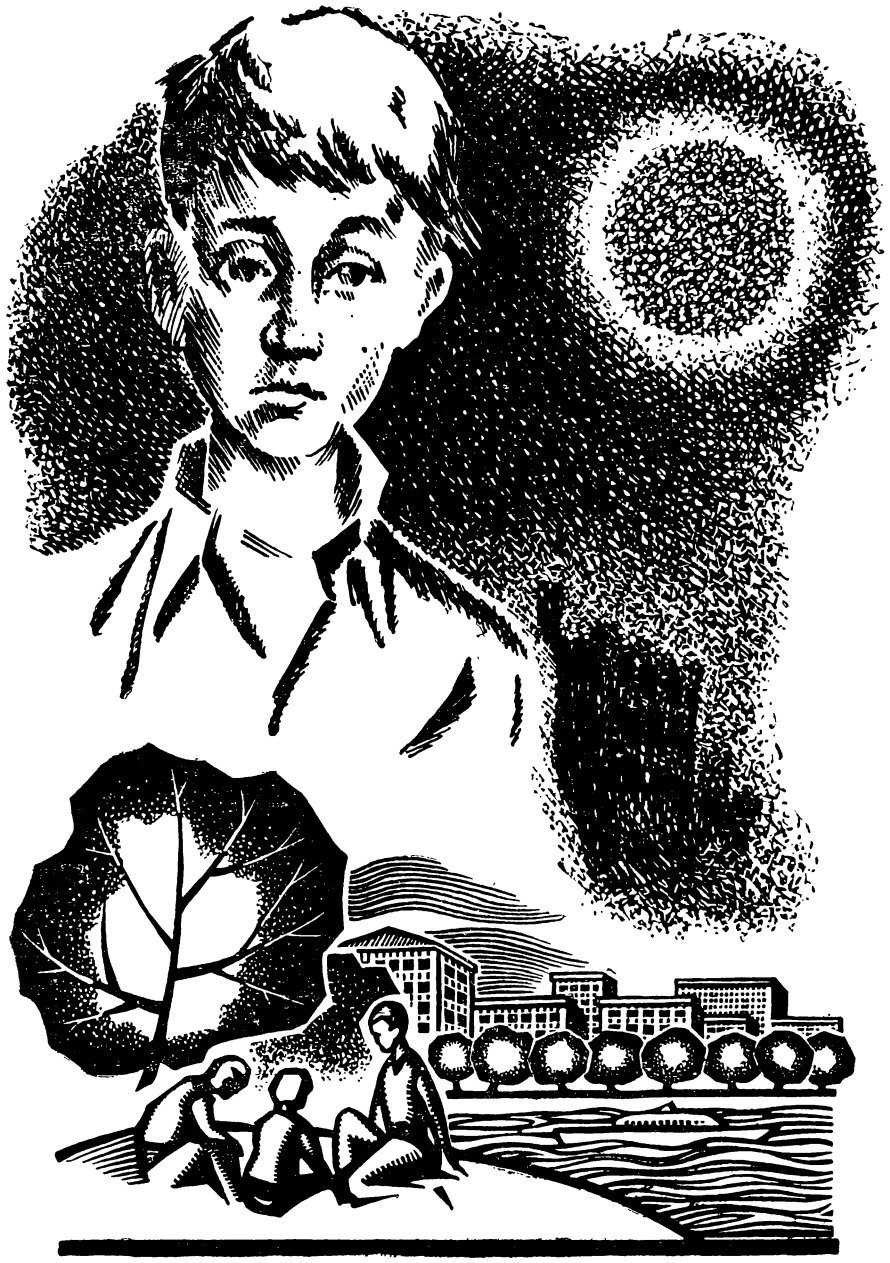

НИКОЛАЙ ТЕРЕХОВ

ДВА
МАЛЬЧИШЕСКИХ
ЛЕТА

НИКОЛАЙ ТЕРЕХОВ

ДВА
МАЛЬЧИШЕСКИХ
ЛЕТА

П О В Е С Т И

Нижне-Волжское книжное издательство, Волгоград, 1972

Николай Терехов родился в 1928 году в хуторе Андреевновке Алексеевского района. Работал в колхозе, служил в Советской Армии, работал на заводе «Красный Октябрь» слесарем.

В 1965 году закончил литературный институт им. Горького. В том же году вышла его первая книга для детей. Он автор сборников рассказов: «В Бронькиных владениях», «Тайфун «Флора»; повестей: «Соколиная дорога», «Только про девчонок», книги «Расскажи мне про Данко».

Произведения, над которыми сейчас работает писатель, предназначены также для вас, ребята.

ВАДИКУ И ЛЮДЕ ПОСВЯЩАЮ

Румба

ПЕРВЫЕ ТРЕВОГИ

воровая собака Румба обеспокоена. Какая-то непривычная и непонятная жизнь пришла в город. По улицам ходили люди в серых шинелях, за плечами у них винтовки, шагали большими колоннами рабочие с кирками и лопатами в руках. Инстинкт подсказывал Румбе опасность, и она, увидев людей с винтовками, пряталась в конуре.

Румба не знала, что происходит. И когда во дворе появлялись хозяйка с хозяином, настороженно заглядывала им в глаза. Глаза их были такими грустными, что ей хотелось выть. Она садилась около конуры и, приподняв длинную морду, издавала протяжные и печальные звуки, напомиравшие завывание зимнего ветра в печной трубе. Потом голос ее креп и она тянула густым басом.

— Румба! Не смей так! — кричала хозяйка.

Румба виновато отводила в сторону взгляд, и, положив голову на вытянутые лапы, замолкала. Но ей было так грустно, что скоро она забывала строгое приказание, начинала снова.

Ее не покидало тяжелое предчувствие беды. Оно появилось от того, что люди говорили непривычно тихо, исчезли с лиц улыбки, хозяева, прежде добрые и заботливые, стали забывать о ней, не всегда давали поесть. Даже хозяйский сын Венька, который обычно не расставался с ней, и тот стал холоднее.

Однажды он обнял ее за шею и сказал:

— Война, Румба. Не до тебя. Вот кончится она, и мы с тобой снова заживем. Будем ходить в степь, сусликов гонять.

Румба в ответ ласково вильнула хвостом.

— Только мы, наверное, скоро отсюда уедем. Но ты не бойся, Румба. Я уговорю папу, и ты поедешь с нами.

В небе загудело. Летели самолеты. Венька крикнул:

— Мама! Бомбовозы летят!

Хозяйка выскочила во двор, схватила Веньку за руку, и они побежали в узкую щель, вырытую за домом.

Раньше Румба не понимала, что гудящие в небе самолеты несут опасность. Но однажды этот гул захватил ее во дворе бойни. В небе вдруг послышался нарастающий свист. Земля содрогнулась, взметнулась черными столбами. Неслышанный грохот заставил Румбу взвизгнуть и стремглав побежать со двора бойни. Но ее настиг ураган, приподнял и бросил на поваленный дощатый забор. Она перевернулась несколько раз и, поджав хвост,

понеслась домой. Бежала не разбирая дороги, с налета ворвалась в дом, забилась под кровать. И долго потом ее не могли оттуда выманить.

Румба видела после, как люди, заслышав гул самолетов, прятались в щели. Пересидев однажды с ними в укрытии, она поняла, что ей делать, и теперь первой пряталась от опасности.

Румбе предстоит еще многому научиться у людей. А пока она смотрит, как хозяйева укладывают домашние вещи, и скулит.

— Прекрати, Румба! — хозяйка сердито топнула ногой. — Веня, привяжи ее. Не то она поплетется за нами.

— Мама, не надо ее оставлять, — просит Веня.

— Ты не видел, что делается на переправе? — спросила мать сына. — Народу битком, не до собак. Не разрешат нам переправиться с ней.

— А я ее в мешок. Можно, а?

— Нет, Веня. Привяжи, так будет лучше, — тихо ответила мать.

Венька понимает, что мама не хочет брать Румбу на ту сторону Волги не из-за жестокости. На самом деле, все баржи перегружены. Тысячи семей живут в рабочих поселках Сталинграда и почти в каждом дворе есть собака. Что получится на переправе, если каждый на баржу полезет с собакой? Да и куда ее потом повезешь? Не повезешь же за сотни километров. Все равно придется оставлять за Волгой. Так пусть уж они остаются дома. Венька согласился с матерью, но расстаться с собакой оказалось нелегко. Румба покорно подошла к конуре, подставила шею. Венька застегнул брезентовый ошейник. Хотел сказать что-нибудь ласковое на прощание, заглянул в глаза собаке. Но сказать не мог. В глазах у Румбы были слезы. Ему стало стыдно, будто его уличили в предательстве. Дрожащими руками сорвал с Румбы ошейник и забросил на соседний двор, чтобы мать не нашла его. У Веньки появилась маленькая надежда на то, что Румба не отстанет от них. Она и Волгу сможет переплыть — собаки отличные пловцы.

Ко двору подкатила грузовая машина. В кузове — люди с улицы, на которой жила Румба. Из кабины выскочил хозяин.

— Быстрее собирайтесь! — крикнул он хозяйке. — Немцы десант высадили за Мечеткой!

Они быстро бросили узлы в кузов, туда же забрались сами, и машина понеслась к Волге. Венька чуть слышно позвал собаку.

Румба бросилась вслед машине. Впереди толпами шли люди с узлами, тянули груженные тележки. Гремели колесами конские телеги, звенели ведра, кастрюли. Румба обгоняла подводы, тыка-

лась носом в чьи-то ноги, испуганно шарахалась в сторону и снова насканивала на кого-то. Однако на нее никто не обращал внимания. В этой людской сутолоке собака быстро потеряла из виду машину. Она поднимала нос по ветру, старалась уловить привычные запахи хозяев, которые исчезли неизвестно где. Но ветер дул с другой стороны, и нес он с собой запахи гари, порохового дыма.

Румба утратила надежду найти своих, и, петляя между людьми и повозками, потрусил туда, куда шли все. Неожиданно дорогу ей перегородила собака. Румба хотела огрызнуться, взъерошила шерсть на загривке, чуть подняла уши, но узнала знакомого пса Туза. Подставив запыленный бок (видно только что побывал в собачьей свалке), он повернул к ней высоко поднятую голову, что означало «здравствуй». Румба опустила шерсть на загривке, тихо взвизгнула, и это было ответом на приветствие. Туз наострил стойкие уши: «Куда идешь?» Румба совсем опустила свой — она не знала, куда идет.

Весной (хорошее это было время!) Венька и Женька, хозяин Туза, ходили в загородную степь выливать сусликов. Там отчаянный Туз дрался с хорем и победил его.

Туз — хороший пес. Румба относилась к нему с особой собачьей доверчивостью. Но при встрече с ним, она всегда оглядывалась по сторонам: нет ли поблизости Женьки? Женьку последнее время она стала побаиваться. Он поссорился с Венькой и не упустил случая, чтобы обидеть Румбу: то камнем в нее запустит, то из рогатки стрельнет. Она и сейчас внимательно огляделась по сторонам и доверчиво повильяла хвостом, Туз понюхал Румбу около глаз, ушей. Потом позволил ей обнюхать себя. Это у них вместо разговора. Туз унюхал запах бойни и догадался, где недавно была Румба. А Румба уловила запах пороха. Значит Туз успел побывать там, где утром слышались взрывы. Вот так переговорив, они вместе побежали вслед за нескончаемым людским потоком.

РУМБА! КО МНЕ!

На переправе пахнет смолой, мокрой осиной, гарью. Народу — как муравьев в муравейнике. Люди толпятся, кричат:

— Граждане! Товарищи! Соблюдайте спокойствие. Всех переправим. Но прежде позвольте посадить раненых бойцов.

— Осторожно!

— Позвольте, позвольте!

По тесному людскому коридору идут санитары. Вслед за ними бойцы несут раненых.

— Товарищи! Пропустите детдомовцев!

По живому коридору торопятся на баржу ребятишки.

Румба пробирается меж людских ног и нюхает обувь. Где-то здесь в этой адской неразберихе должен быть Венька.

Вот пронесли раненых, прошли детдомовцы, людская масса сомкнулась и захлестнула собаку, пытавшуюся проскочить по коридору. Люди потянулись по гнущимся сходням на баржу. На сходнях кто-то наступил ей на лапу. Она завизжала.

— Пошла вон! Не до тебя тут!

Сердитый старик столкнул собаку в воду. Румба плюхнулась и заработала лапами. И тут она услышала знакомый голос:

— Румба! Румба! Ко мне!

Румба резко повернулась и увидела на барже Веньку. Вместе с толпой он боком двигался вдоль борта и смотрел на собаку. Румба подплыла к барже, поскребла передними лапами смоленые доски и поплыла к берегу.

Отсюда она видела, как Венька, нетерпеливо жестикулируя руками, о чем-то просил отца. А тот стоял молча, будто не слышал сына и пристально глядел вверх крутого яра.

Она не сразу поняла, что баржа надолго увезет Веньку. Ведь много раз было вот так: хозяева садились на баржу и переправлялись на другую сторону реки. Однажды взяли с собой и Румбу. Там они с Венькой купались, валялись в песке, ходили по лесу. А к вечеру вернулись домой. Так было только раз. Как правило, Румба на переправе оставалась одна. Может быть, и сегодня хозяева скоро вернуться? Но эти слезы вместо смеха, который слышался тогда, печаль в глазах людей, и, наконец, отчаянный крик Веньки: «Румба! Румба! Ко мне!» Румба догадалась, что ее бросают одну. Глядя на Веньку, она вдруг залилась таким просительным лаем, что идущие мимо люди обратили на нее внимание. Кто-то пожалел:

— Бедная собачка. На погибель остается.

— Что поделаешь,— сказал кто-то другой.— Их на Русской Деревне много, почти в каждом дворе.

Баржа отчалила медленно, почти незаметно. Среди множества голосов Румба ясно слышала голос Веньки:

— Румба! Плыви, Румба!

Она долго металась вдоль берега, не решаясь броситься в волны. Но вдруг чуткое ухо уловило далекий и зловещий гул. Нужно прятаться в щель, но она далеко. А хозяева уплывают. Румба кинулась в реку.

Ее обгоняли лодки, груженные узлами, мешками. Ей мешали идущие катера, от которых разбегались крутые волны. А гул все нарастал. Но он еще не мог заглушить Венькиного голоса. Собака слышала его, и это придавало ей силы.

С баржи донеслась пулеметная стрельба, а с неба давил на слух ненавистный нарастающий вой бомб. Один за другим выросли впереди столбы воды. Румбу накрыло доской от разбитого катера. Она окунулась в воду, а вынырнув, повернула к берегу. Сил у нее больше не было.

Может и не доплыла бы. Ее уже тянуло ко дну, когда позади послышался голос.

— Товарищ командир, собака тонет.

На лодке к ней подплыли люди с винтовками, те самые, которых она избегала на улицах города.

— Тащи ее,— сказал командир.

Румба позволила себя взять.

Здесь же, на дне лодки, запахнутая в солдатскую шинель, привалившись спиной к борту полулежала девочка. Она глядела широко открытыми глазами поверх береговой кручи, где виднелись летящие самолеты, и дрожала. Молодой лейтенант хлопал ее по плечу, успокаивал:

— Не дрейфь, малышка. До вечера пробудешь с нами. Как немного поутихнет, отправим за Волгу.

Девчонка вдруг вскочила, сбросила с себя шинель и едва не свалилась за борт. Лейтенант поймал ее за рукав и потянул к себе.

— Не хочу я без мамы за Волгу,— сквозь слезы проговорила она.— Я боюсь через Волгу... Я хочу домой.

— Нельзя, девочка. Нам приказано всех до одного эвакуировать.

— Я не поплыву через Волгу,— закричала девчонка.— Я боюсь, дяденька!

— Все будет в порядке, не бойся. Мы отправим тебя на военном катере.

Сидя на дне лодки, Румба, озираясь, глядела на солдат и дрожала от охватившего ее страха. Немного освоившись, посмотрела в глаза солдату с рыжими усами. Людей трудно понимать, но ей нужно было знать о человеке немного: всего лишь добрый он или нет. А это она узнавала по глазам и по голосу.

— Ну, что, Рыжуха? — обратился к ней солдат и почесал у собаки за ухом.

И голос, и глаза солдата располагали к доверию.

Румба опустила голову. Он подставил пахнущую махоркой

ладонь, подняла собачью голову, и теперь сам, пристально заглядывая в ее глаза, заговорил как с человеком:

— А ты, Рыжуля, не бойсь. Держись около нас. Вместе будем бить гансов. И паек дадут.

Румба лизнула его руку и, осторожно, стараясь не обрызгать солдат, стряхнула с себя воду. Командир, кивнув на собаку, спросил:

— Любишь собак, дядя Захар?

— А как же. Я всю жисть с ними. В наших краях нельзя без них.

— Леса у вас?

— Тайга. Ходить по ней опасно. Хозяин иногда забредает.

— Медведь, что ль?

— Он самый. Собака тут как раз и нужна. Две у меня остались дома. Залом и Найда. На любого зверя пойдут.

Дядя Захар погладил Румбу и, словно между прочим, заметил:

— Опять появились.

Над городом плыли вражеские эскадрильи.

Гребцы налегли на весла. Румба забеспокоилась, стала передними лапами на борт. И, как только лодка шаркнула днищем по береговой гальке, прыгнула в воду.

А над рекой нарастал вой. Румба спряталась под лежащую вверх днищем лодку, притаилась. Вздрогнула, всколыхнулась земля, по днищу лодки гулко загремели камни и комья земли. Не вытерпела собака, выскочила прямо под бомбы. Воют бомбы, взрывы вокруг, Румба стелется по земле, бежит к знакомому убежищу, где не так страшно. Выбежала на кручу и увидала впереди девчонку, которая только что сидела в лодке. Она бежала, падала, вскакивала и снова бежала. А вокруг ни души. Только взрывы и среди них они, девчонка и собака. Румба в несколько махов обогнала и оставила девочку позади себя.

Русская Деревня горела. Но дом, к которому устремилась собака сквозь бешеный бомбовый грохот, стоял целым. Румба с налета ударила калитку лапами и вбежала во двор.

Забившись в темноту бомбоубежища, свернулась в клубок, и тихо поскуливая, лежала, вздрагивая при каждом близком взрыве.

Гудение не прекращалось долго, земля тряслась, сыпалась, а потом будто лопнула, со страшным треском упала глыбой, едва не придавив Румбу.

Не хватило у собаки терпения, метнулась к выходу, но тут же вернулась: разметанный по двору, дом горел.

НОЧНОЙ ГОСТЬ

С темнотой притихает в городе. Только слышатся одиночные винтовочные выстрелы, где-то рыкнет автоматная очередь, да и то редко. К ним собака привыкла. И ко многому уже она привыкла. Даже днем, во время налетов не шарахалась, как прежде, не скулила, терпеливо переждала, пока стихнет. Только к голоду не могла она привыкнуть. Были отрыты все кости, куски хлеба, когда-то спрятанного впрок. Голод заставил идти на поиски еды.

Осторожно пробираясь от пепелища к пепелищу, Румба обнюхивала места, в которых могло быть что-то съестное. К неожиданной радости набрела на Туза. Он лежал в чьем-то дворе и, зажав в лапах, грыз краюху хлеба. Краюха была сухая, плохо поддавалась собачим зубам, с хрустом откалывалась кусочками.

Увидав Румбу, Туз предусмотрительно зарычал на нее. Румба хотела обойти Туза стороной. И уже пошла дальше, но ее остановил запах сухого хлеба. Она остановилась, да так больше и не сдвинулась с места. Глядя на своего дружка, прилегла в ожидании: должен, наконец, он поделиться с ней добычей.

Туз долго и яростно грыз хлеб, потом, облизываясь, поднялся, взял зубами кусок, видимо, хотел запрятать на всякий случай, но передумал, бросил и снова лег рядом.

Инстинкт подсказывал Румбе, что она не имеет никакого права на эту добычу. Но ведь голодно... Настороженно, и вместе с тем просительно глядя на Туза, она подползла к хлебу.

Хороший друг все-таки этот Туз. Он повил хвостом и этим, как бы подсказал, что разрешает Румбе догрызть кусок.

До боли в зубах собака вгрызлась в хлеб каменной твердости. Испытывая и боль, и, хоть небольшое, но все-таки удовлетворение, тихо поскуливала и ворчала.

Какая веселая, да хорошая после этого стала у них жизнь! Туз вдруг ни с того ни с сего толкнул грудью Румбу. Румба ухватила его зубами за ухо, потрепала и побежала по двору, приглашая догнать ее. И он, как когда-то в загородной степи бросился за ней, в несколько прыжков догнал, еще раз толкнул. Она притворно кувыркнулась через голову, притворно зарычала и снова поймала его за ухо.

Довольные тем, что встретились, что наелись, что затихли выстрелы, что, наконец, ночь тихая, лунная, наигравшись, они побежали в жилище Румбы.

Вдвоем куда как лучше! Она закрывала глаза, старалась забыться. Но уснуть ей не удавалось. Уж слишком беспокоен был сон у Туза. Пес то сладко сопел, то вдруг начинал рычать,

дергаться — будто одолевала его икота. Звуки, похожие на икоту, переходили в глухой неумный лай. С кем-то воевал задирстый пес!

Чуткий слух Румбы уловил металлический стук. Ей показалось, что звякнула калиточная щеколда. Радостное чувство охватило собаку: неужели возвращаются хозяева? Румба открыла глаза и вышла из щели. Никого нет. И калитки нет.

Луна уже давно села. Отчетливо мигают языки пламени горящих домов. А вокруг темно. Где-то снова послышался осторожный стук. В глубине щели зарычал Туз. Он проснулся и дал знать Румбе, что слышит кого-то. Румба ответила тихим рычаньем и прижалась к земле. Туз вылез из щели и прилег рядом. Их зоркие глаза увидели в темноте человека. Он шел, крадучись, прямо к ним. Кто это — собаки не знали. Но инстинкт подсказывал: если человек крадется, то это чужой и его надо прогнать.

Характер у Румбы коварный — нападала молча. Туз тоже не издал звука. Вихрем налетели они на пришельца. Румба вцепилась зубами в твердое голенище кожаного сапога. Пришелец ударом ноги отбросил ее, вскинул автомат и, дико вскрикнув, дал очередь. Но в Румбу не попал, помешал Туз. Он ухватил автоматчика выше колена и вырвал клок шароваров. Второй очередь автоматчик насмерть прошил Туза. На миг Румбу ошеломила повисшая над двором ракета. Стало светло, как днем. Она увидела солдата совсем непохожего на тех, которые встречались в городе. Солдат тоже растерялся и кинулся в тень за остов печи, оставшейся на пепелище после бомбежки. Румба, завидя его трусость, бросилась за ним.

Послышались голоса. Двор окружали солдаты.

— Эй! Ганс! Хенде хох! — раздалось неподалеку.

Румба узнала по голосу того самого дядю Захара, который вытащил ее из воды.

— Гитлер капут, — отозвался робкий голос из-за печи.

— Ком, ком*, выходи, — пригласил немца дядя Захар и крикнул на собаку. — Да пошла ты! Вот привязалась.

Румба отошла в сторону.

Солдаты обезоружили пришельца. Дядя Захар посветил фонариком вокруг. Белый пятачок задержался на погибшем Тузе.

— Э! Да тут есть жертвы, — сказал дядя Захар. — Жестокая была схватка. — А увидев Румбу, приятно удивился. — Да это ты, Рыжуля! Погляди, командир!

Командир поглядел и узнал.

* Ком — иди (нем.).

— Молодчина,— сказал он.— Не зря тебя дядя Захар спас. Дядя Захар полез в карман, порылся в нем и вытащил сухарь.

— Вот тебе награда. Ну, ком, ком,— крикнул дядя Захар пленному.

Румба осталась на пепелище. Подошла к сухарю, понюхала, вкусно пахнет, но взять не решилась: Венька никогда не разрешал ей брать еду от незнакомых людей. Однако с тех пор, как она осталась одна и сама добывала еду, чувство осторожности притупилось. Она лежала в убежище, снова пыталась заснуть, но сухарь не давал ей покоя. Опасаясь, что сухарь подберет другая собака, Румба вышла, подняла кусок, отнесла под яблоню. Вырыла яму и старательно засыпала сухарь землей.

СВОИ И ЧУЖИЕ

Начались холода. Ночами шли дожди, дули зябкие ветры. А хозяева все не возвращались. Румба привыкла к одиночеству, но еще жило в ней чувство, которое подсказывало, что в один из налетов, когда засвистят вражеские бомбы, к ней в убежище ворвется Венька. Потому и не покидала разрушенный хозяйский двор. Однако налетов стало меньше. Но стрельба подкатывалась все ближе и ближе. Однажды во двор пришли солдаты в серых шинелях. Румба набросилась на них, но, угадав, в одном своего спасителя, дядю Захара, сконфуженно отступила. Солдат пригляделся к ней и, тоже угадав собаку, начал стыдить.

— Экая ты неразбериха. На своих кидаешься, как очумелая.

Он хотел погладить ее, протянул руку, но у Румбы дернулась губа и обнажился белый клык. Солдат не испугался и руку не убрал. Нахохленная Румба отошла от солдата. Не любит она, когда ее ругают.

— Хорошая собака,— похвалил Румбу солдат.— Не сразу дается в руки. Зато как привыкнет, верней не сыщешь.

Солдаты установили у самого входа в убежище пулемет. Закурили не торопясь. Румба не знала, что ей делать. Надо бы уйти. Но куда уйдешь? Везде горит, везде стреляют. Дома, вроде бы лучше. Она отошла к закопченному остову печи и легла. Солдаты развязали вещевые мешки, достали из них консервные банки, хлеб. Румба проглотила слюну, облизала губы. Солдаты открыли банки, и на нее нахлынул мясной запах, от которого больно свело голодный желудок. Ей очень захотелось попросить еды. Но тут же сразу вспомнился Венька. Когда ее пытались

угостить, он сердито кричал: «Нельзя, Румба!» Собака подчинялась. Сейчас ей даже почудился его голос: «Нельзя, Румба». Она огляделась. Кругом солдаты. Из-за печки ей видно, как на соседнем дворе копают землю и бросают ее впереди пушки. И дальше виднелось, как взлетают и падают комья земли.

Тем, что попали во двор Румбы, повезло: есть готовое убежище. И они едят. На собаку не обращают внимания. Румба облизнула сухие губы и неожиданно для самой себя тявкнула. Не хотела, а тявкнула. Солдаты оглянулись. Дядя Захар пригласил ее:

— Ну, иди. Оближи банку. Голод — не родная тетка.

— На хлеба,— предложил другой солдат.

«Нельзя, Румба!» Она понимала, что нельзя. Стыдилась своей слабости и потому не шла за подачкой, а тихо ползла на животе, стараясь не глядеть в глаза солдату.

Тщательно вылизала банку, съела хлебную корку и, продолжая лежать, бесстыдно лаяла, выклянчивая еду. Солдат пожалел и отломил еще хлеба.

— Шла бы ты отсюда, собака, — посоветовал он. — Гут сейчас такая каша заварится.

— Уже заваривается, — подсказал дядя Захар. — Вон, гляди, перебегают к железнодорожному полотну.

Оба солдата пристально вгляделись в насыпь, на кото-

рой лежали скрученные в бараньи рога рельсы. Румба насторожилась и увидела, как за полотном, между развалинами домов пробежал человек в темно-зеленой шинели. Ей показалось, что это пробежал тот ночной гость, убивший Туза. Она злобно зарычала. А один из пулеметчиков заметил:

— Пооди ж ты. Собака, а понимает, что это враг.

Немцы вдруг выросли на насыпи и покатались вниз. Вот они ближе, ближе. Замерли солдаты у пулемета и пушки.

И вот заварилась каша. Залихорадил пулемет, заухали пушки, защелкали винтовки, автоматы. А с той стороны — пьяный рев и автоматный треск. Пули густо летят над головой, врезаются в землю.

Румба забеспокоилась. Она привыкла к стрельбе, к взрывам, которые слышались вдали. А чтобы вот так, рядом... Ее снова одолел страх, и она подползла к пулеметчику, прижалась к его ногам.

Пуля врезалась в лежащий рядом камень и с визгом отскочила в сторону. Кусок отбитого камня больно ударил Румбу. Она, завизжав, нырнула в убежище.

Румба долго лежала в темном углу, зализывала рассеченную камнем кожу. Она слышала, как гулко протопав ботинками, ушли со двора солдаты. Потом стало тихо.

Через час, а может два Румбе захотелось выглянуть наружу. Подтягивая раненую ногу, подошла к выходу и остановилась. Прямо у входа в убежище стоял солдат, похожий на того, который стрелял в нее ночью. Румба попятилась. Солдат, услышав шорох, крикнул что-то непонятное и вскинул автомат, пустил очередь в убежище. Земля заплясала перед Румбой. Она собрала все силы и молча выскочила из убежища. Пробежала двор, улицу, перепрыгивала через мотки колючей проволоки, поваленные и стоявшие заборы. Бежала туда, где не было стрельбы.

ТАМ, ГДЕ НЕ СТРЕЛЯЮТ

Как найти в этом городе место, где бы не стреляли, где можно было бы спокойно жить? Несколько дней Румба искала выход и не могла найти. К Волге пробраться невозможно: в заводских цехах засели наши солдаты. А за городом, где начинается степь, можно дойти только до железной дороги. За ней — враги. И там, и тут опасно. И только между заводом и железной дорогой, где совсем недавно был рабочий поселок Русская Деревня, относительно тихо. Сожженный поселок никому не нужен: в нем нельзя

укрыться от мин и снарядов. Все это: и пули, и мины, и снаряды с посвистом, с воем пронеслось над головой и падало, взрываясь, за железной дорогой и в заводе. Падали они и в Русской Деревне, но значительно реже, и потому Румба стала искать себе пристанище здесь, на **нейтральной полосе**.

Рыская неподалеку от оврага, где было менее опасно, Румба забрела в развалины кирпичного здания. Присела за большим обломком стены, больная, голодная и уставшая. С трудом дотянувшись до саднящей раны, полизала ее. Боль немного поутихла. Румба легла и, закрыв глаза, успокоилась.

— Румба! — вдруг послышался чей-то знакомый голос.

Она резко подняла голову, вскочила. В развалинах дома, около обвалившейся стены, стоял знакомый мальчишка Женька, с которым было пережито много и радостей и неприятностей. Это был тот самый Женька, что жил на одной улице с Венькой и часто ссорился с ним.

Последний раз мальчишки поссорились из-за своих же собак. Случилось это на Волге. Ребята купались, собаки бегали по берегу, догоняли друг друга, возились, кувыркались, кусались, и притом так ворчали, что со стороны можно было подумать, что они дерутся. Туз, конечно, не хотел обидеть Румбу, но нечаянно больно прикусил ей нос. Румба взвизгнула и в свою очередь куснула пса за ухо. Игра кончилась небольшой потасовкой. Увидев собачью драку, Венька выбрался на берег и подсказал:

— А ты нарви ему уши, Румба!

— Он ей так нарвет, что будет бежать без оглядки, — стал на защиту своего Туза Женька.

— Видали мы таких храбрецов, — урезонил Женьку Венька.

— Туз! — крикнул Женька. — Взять ее! Узы!

Туз вскочил, Румба тоже. Навострила уши, уставились глазами один на другого.

— Взять ее, Туз! — приказал Женька.

Туз драться не хотел. И тогда Женька схватил в руки гальку и ударил Румбу. Венька бросился на Женьку, толкнул его по боксерски в скулу. Женька ответил тем же... Их остановила какая-то женщина.

— Вы с ума сошли! Разве можно сейчас драться? Эх вы! Отцы с немцами, наверно, воюют, а вы между собой.

— Воюют, да не все, — мрачно сказал Женька, намекнув на то, что Венькин отец не на фронте.

— Все равно нельзя так. Пока война идет, мы должны жить дружно. Будем ссориться — гитлеровцам это на руку.

И Женька, и Венька понимали, что все произошло очень

глупо. Подрались-то не из-за чего. Вскоре они помирились, но наступили такие времена, что было не до игр и встреч. Женька ушел с матерью за город рыть противотанковые рвы. С тех пор Румба его не видела.

И вот они встретились. Румба сделала движение, чтобы сбегать. Женька заметил это, снова окликнул собаку:

— Румба! Иди ко мне!

Она не убежала лишь потому, что уловила в Женькином голосе что-то неожиданно мягкое, ласковое. Так кричат люди, когда радуются неожиданной встрече.

Румба пристально поглядела Женьке в глаза и заметила в них добрую радость.

— Ну, иди, иди ко мне,— протягивая к ней раскрытые ладони, звал Женька.

Румба пошла к Женьке, поджав хвост.

Женька опустился перед ней на колени и обнял собаку за шею обеими руками так, что она ткнулась ему холодным носом в подбородок. Теперь она совсем хорошо видела его глаза. Ну конечно же, в них ничего не было от прежнего Женьки, который стрелял в нее из рогатки. Это был добрый Женька, такой же, каким она видела его в загородной степи. Только взгляд у Женьки грустный. Но это ничего. Ведь и ей, Румбе, сейчас тяжело. Невеселая у них жизнь. Ах, если бы она могла рассказать Женьке о ее нелегкой жизни без хозяев, без Веньки. И все-таки она могла кое-что сказать по-своему, по-собачьему, но понятно для Женьки. Например, о том, что она простила ему давнишние обиды, что она будет предана ему так же, как и Веньке. Все это она высказала тем, что лизнула Женьку в подбородок. Она не могла рассказать о жизни. Зато Женька мог. Он сел на обломок кирпичной стены. И глядя ее голову, как лучшему другу жаловался.

— Один я остался. Маму в бомбежку убило. И Туз пропал. (Очень жаль, что не может Румба рассказать о Тузе. Так и не узнает Женька, как его пес помог задержать фашиста).

— И солдаты меня не принимают,— продолжал жаловаться Женька.— За Волгу хотят отправить. А мне туда никак нельзя. Мне фашистам отомстить надо... за мамку...

Рассказывая, Женька вдруг вспомнил:

— Там, в подвале, Верка лежит. Заболела. Тоже одна осталась. Переправлялись за Волгу, да бомба в катер угодила. Мать с бабкой потонули, а ее спасли.

Глядя заскорузлыми, обветренными ладонями голову Румбы, Женька задумался. И потянулись из недалекого прошлого одна картина за другой, а в этих картинах больше виделась мать.

Я ПОЙДУ С ТОБОЙ, МАМА!

В тот день, когда между Женькой и Венькой произошла небольшая потасовка на берегу Волги, Женька пришел домой мрачный и пристыженный. Чего ради он ударил Румбу? И сам не знает. Просто был не в духе. Да и Венька хорош — сразу по скулам. Тоже — боксер нашелся.

Женькины размышления прервала мать. Встретив сына во дворе, она взяла его за плечи и, стараясь быть веселой, спросила:

— Жень, сколько тебе лет?

От этой материнской веселости у Женьки защемило в груди. Чего это она вдруг решила спрашивать? Будто сама не знает. Но все же ответил:

— Двенадцать, мама.

— Ну вот. Ты всегда мне говорил, что ты уже не маленький. Теперь и я вижу. Почти взрослый, сам сможешь приготовить себе поесть. Я, Жень, ухажу строить оборонительные рубежи. Будь умницей. Из дому далеко не исчезай. Я иногда буду приходить.

Женька сначала растерялся и ничего не сказал в ответ.

Собираясь, мать рассказывала сыну, где лежат продукты и что можно из них сделать. Женька не дослушал, сказал так, как мог бы сказать решительно и твердо взрослый человек.

— Я пойду с тобой, мама. Я тоже буду работать на рубежах. Удивленная мать остановилась посреди комнаты.

— Нет, Жень. Дом бросать нельзя.

— Можно, — заупрямился Женька. — Вон соседи оставили. И мы, давай закопаем барахло, и пойдем.

Ну, конечно же, ей не хотелось оставлять Женьку одного. Да она там, на рубежах изболелась бы сердцем, истосковалась по нем. И потому с радостью воскликнув: «Женька, да ты и в самом деле взрослый!» — принялась укладывать на большую клеенку одежду, платья; фарфоровую посуду спрятала в деревянный ящик.

Яму выкопали в дровнике, сложили небогатое добро, засыпали землей, замаскировали на всякий случай яму древесным мусором, забили окна досками. Забросили на плечи сумки с харчами, взяли лопаты и отправились за город.

А там, за городом, народу не счастье.

Мать отыскала свою бригаду. Бригадир — знакомая тетка из уличного комитета — привела их к начатому участку.

— Вот это нужно сделать за день, — сказала она и, глядя на слабые руки Женькиной матери, посочувствовала: — Тяжело, ну, да у тебя вон какой помощник. Управитесь.

— Управимся,— заверила мать и спросила: — А начинал кто, заболел, что ли?

— Налет вчера был,— ответила бригадир.— Ранило женщину. Увезли. Может будет живая.

Жарко. Встревожная людскими ногами полынь, сдабривала застоявшийся воздух густым, горьковатым ароматом. У Женьки от воздуха, настоенного на полыни, слегка кружилась голова. Он испытывал какое-то особое приподнятое состояние и, глядя, как работает мать, старался глубже вогнать лопату, не растерять уместившуюся на ней землю, бросить дальше, как велела бригадир. Вскоре он устал. Как все легко было вначале. А теперь заломили кисти рук, заболела нога, заныла спина, горели ладони, словно он нечаянно прислонился ими к раскаленной скорородке.

Равномерно, не зная устали, кланялась земле мать. Казалось, что земля у нее мягче и усилий она прилагает меньше — земляной ком, будто сам, слетает с лопаты.

Женьке хочется упасть в полынь и полежать. Но он видит, как впереди по рву двигаются мокрые, запыленные красной глиной людские спины. Никто не лежит, не сидит, даже не стоит — мелькают над крутыми стенами противотанкового рва красные комья, клубится пыль. Все работают. Женька опять налегает ногой на лопату.

Наконец мать разогнула спину.

— Ну, как, устал, сынок?

— Да нет, не очень. Вот только руки.

Мать глянула на ладони Женьки и чуть не заплакала от боли, которая вдруг передалась ей от Женьки. На ладонях бугрились прозрачные, туго налитые водяные пузыри.

— Как же это я, старая, не доглядела?

Теперь Женька делал вид, что ему в общем-то не очень больно, изобразил на лице подобие улыбки. Но это нисколько не успокоило мать.

— Не улыбайся. У самой были мозоли. Знаю.

Она сняла с себя платок, вытряхнула пыль, оторвала от него край, забинтовала Женькины руки.

— Сиди, горе ты мое.

Женька было снова взялся за лопату, но не смог удержать ее от нестерпимой боли в ладонях.

Теперь у него появилась возможность полежать. Он ушел подалее за пригорок, чтобы люди не видели его, и прилег в полынь. Усталость навалилась на него, сковала руки, ноги. Женька забылся.

Я БЫ ВСЕ РАВНО СТРЕЛЯЛ!

Тяжел был его сон под горячим солнцем. Он услышал вдруг какой-то непонятный гул, вой, крики и не мог проснуться. И лишь когда грозовые раскаты всколыхнули землю, вскочил и во всю мочь закричал:

— Ма-а-ма!

Взбежал на пригорок и увидел мать, мечущуюся вдоль насыпи противотанкового рва.

А над ними вражеские самолеты, и снова вой, страшный, раздирающий душу. Женька побежал к матери. Наконец она увидела сына, кинулась к нему, обезумевшая от испуга. Подбежав, с криком «ложись!», бросилась на землю и закрыла собой Женьку. Снова качнулась земля, и степь будто раскололась на мелкие звонкие кусочки. С визгом пронеслись над ними осколки, осела поднятая в небо земля.

Гул самолетов удалился. Но в это время над противотанковым рвом, снижаясь, прошел еще один самолет. До них донесся треск пулемета. Мать подхватила Женьку, и они скатились в ров под стенку.

Как остались живы? Пули прошли рядом. Каких-то полметра левее — и все бы.

Кончился налет, вышли люди из землянок, вырытых в стенах рва, и опять взялись за лопаты. Заколыхались плечи землекопов, над насыпью запрыгали комья земли, за клубилась пыль, один за другим прогремели цепочкой подземные взрывы. Это подрывники, помогая землекопам, подготовили новый участок рва.

Появились санитары, подобрали раненых, погрузили на машины и уехали в город. А из города пришли военные машины с мотками колючей проволоки. Раскручивая мотки, солдаты потянули по степи черные, колючие стальные спирали.

Женька с матерью работали до темноты и выполнили норму. Поздно вечером, поужинав холодной картошкой, сваренной еще дома, мать надергала полыни, расстелила ее на землю и, укрывшись отцовским плащом, легла спать. Сон сморил ее сразу.

Казалось, после трудного, наполненного опасностью дня все должно было затихнуть. Люди — от усталости, птицы — от испуга. Но нет же — где-то послышался смех девчат, мужские голоса: в гости к землекопам пришли солдаты. А за пригорком, куда Женька уходил отдыхать, звонко переговаривались перепела, баюкали землекопов неутомимые цикады.

Заворочалась, забормотала под плащом мать. Женьке показалось, что она зовет его.

— Ты чего? — отозвался он.

Мать говорила что-то непонятное. Женька забрался под плащ, прижался к ней. Она успокоилась.

Женьке не спалось. Он прислушивался к мужским голосам и досадливо думал о солдатах. Почему они не стреляли по самолетам? Ведь у них же винтовки? Эх! Ему бы одну. Да он и не стал бы прятаться.

Женька стал воображать, как встретил бы самолет, будь у него винтовка. И это воображаемое вдруг перешло в сон. Вот идет на землекопов вражеский самолет. Женька не слышит ни его гула, ни треска пулемета, только видит, как из ствола хлещет огонь и люди, обожженные, падают на землю. Вот огненная струя доходит до Женьки. Женька поднял винтовку и, прицелившись в самолет, увидел летчика. Летчик смеялся над бессилием людей и Женькиной затеей. Женька выстрелил, и тут же огнем из пулемета обожгло ему руки.

Недосмотрел Женька сон, проснулся от боли в ладонях. Вокруг темно. Ушли солдаты, не перекликались перепела. Лишь только цикады все звенели и звенели.

Утром, чтобы не вертеться бездельником около работающих людей, Женька решил сходить к солдатам. Нужно все-таки ему узнать, почему они не стреляли по самолету. Попросился у матери.

— Зачем ты пойдешь? — поинтересовалась мать.

— Хочу узнать, что они сооружают, — придумал совсем другой предлог Женька.

— Не скажут, — предупредила Женьку мать. — Это военная тайна.

— Какая же от нас тайна, если мы им помогаем? — не поверил Женька.

— Все равно не скажут.

Женька все-таки пошел.

У землянки сидел солдат. Между ног он держал перевернутый вверх дном стакан от снаряда и что-то клепал на нем. Женька думал, что подойдет незаметно, потому что пока он шел, солдат ни разу не поднял головы и не глянул на него. Вдруг он подбросил в воздух молоток, и ловко поймав его за кувалдочку, как из пистолета, прицелился ручкой в Женьку.

— Стой, стрелять буду!

Женька засмеялся и поздоровался с веселым солдатом. Солдат изобразил руками воздушное кресло, поставил его перед Женькой и, приложив к груди руку, с поклоном пригласил сесть.

— Курите, сударь? Могу предложить «Казбек».

— Нет,— отказался Женька.

— Пьете, сударь? Могу налить лучшего вина из моего погребка.

— Да, нет. Не пью я,— смутился Женька.

Солдат вытянул шею, разглядывая Женьку в упор. А разглядев, воскликнул:

— Ах, да! Вы, сударь, хотите пострелять из моей винтовки?! — И тут же отказал.— Не могу дать. Отделенный у меня жуть какой сердитый. Если хотите, разрешу почистить оружие.

— Хочу,— с радостью согласился Женька.

Солдат вынес из землянки винтовку, подал было Женьке, но увидев забинтованные руки, раздумал:

— Что это у тебя? — посерьезнев, солдат перешел на «ты».

— Без рукавиц работал,— объяснил Женька.

— Ясно. Чистку оружия оставить до лучших времен.— Положив винтовку на землю, снова взялся за молоток.

— Как звать-то? — спросил, не отрываясь от дела, солдат.

— Женья.

— А меня Михаилом Петровичем, дядей Мишей.

— Что это вы мастерите, дядя Миша? — полюбопытствовал Женька.

Солдат подал изделие и объяснил:

— Диковина курительной техники, именуемая бензинкой.

Диковина состояла из обыкновенного патрона, набитого ватой. К патрону припаяна трубочка со стальным рубчатым колесиком. Женька видел бензинку впервые и не знал, что с ней делать. Повертев в руках, вернул солдату. Тот постукал молотком по колесу с одной, потом с другой стороны. Покрутил его большим пальцем: вращается хорошо — вспушил, запавший в патрон клочок ваты, ребром ладони провел по колесу. Из-под него брызнули искры, вата вспыхнула пламенем. Солдат прикурил потухшую сигарку и, покосившись на Женьку, спросил:

— Хочешь подарю тебе «катушу»?

«Катуша» — штука знакомая. Камень, стальная пластинка, да клочок ваты. Если приложить к камню вату, а пластинкой ударить по нему, то искры, упавшие на вату, обязательно подожгут ее.

Женька не курит, и «катуша» ему не нужна. Но солдат, видимо, любил делать подарки, а подарить было нечего, потому и начал расхваливать кресало:

— Ты погляди — это не просто камень, а настоящий кремль, стекло режет. А пластинка! — из такой стали делают подшипники. Бери. Парень, вижу, ты хороший, не жалко. — И, в подтвер-

ждение своим словам, стал чиркать пластинкой по камню. На землю посыпались густые пучки белых искр.

Женька взял подарок и очень некстати спросил:

— Почему вы вчера не стреляли в самолет?

— Сударь! Я, кажется, ошибся в вас. Вы не очень воспитанный молодой человек,— пристыдил Женьку солдат.— Что нужно сказать дяде, если он вам сделал такой бесценный подарок?

— Спасибо,— исправил свою оплошность Женька, а солдат чистосердечно признался:

— Я за год войны столько патронов истратил на них, а ни одного не сбил. Не сбиваются что-то они из винтовки. Вообще-то, говорят, были случаи, сшибали, а у меня не получается. Потому и не стрелял.

— А я бы все равно стрелял,— высказался Женька.— Чего это они как в гости летают?

Солдат только развел руками.

— Против самолетов, сударь, самолеты нужны. А много ты их видишь наших? То-то.

— Фашисты каждый день налетают?

— Нет. Но частенько наведываются. Страшно?

— А что, нет?

— Не ты вчера бегал по степи во время налета?

Женька не признался, промолчал и попробовал перевести разговор на другую тему.

— Говорят, вы что-то устанавливаете? — как бы между прочим спросил он.

— Говорят в Москве кур доят,— отшутился солдат и закончил разговор насчет вчерашнего налета.— При бомбежке бегать нельзя. Падают бомбы, а ты ложись и лежи. Самое лучшее, если ты ляжешь в бомбовую воронку. В одно и то же место они редко попадают.

Ничего не сказал солдат про военную тайну. Не сказал, и не нужно. Не стал настаивать Женька. Он и сам никому не открыл бы ее.

«ПЕРЕД ТОБОЙ ФАШИСТ»

Дня через три Женьке удивительно повезло. Услышал он неподалеку в овраге винтовочную стрельбу. Пошел посмотреть: кто это там палит? В овраге оказался тот самый солдат, дядя Миша. Он стоял на дне оврага, широко расставив ноги, и сердито объяснял что-то другому солдату, лежавшему перед ним

с винтовкой, нацеленной на бумажную мишень, прикрепленную к отвесной стене оврага. Женька сел на кручу, свесив ноги.

— Ты пойми одно,— говорил дядя Миша солдату,— перед тобой фашист и если ты его сейчас не убьешь, то он уже в тебя не промахнется. Будь уверен.

Солдат выстрелил, снова прицелился, выстрелил еще раз.

— Положи винтовку,— приказал дядя Миша.

Они подошли к мишени. Дядя Миша, подняв руки, ударил себя по бедрам.

— Молоко! Чистейшее молоко, сударь! — с досадой воскликнул он и, обернувшись, увидел Женьку.— Ну-ка спускайся сюда, сударь.

Женька спрыгнул вниз и побежал к дяде Мише с тайной надеждой, что он даст ему пострелять из винтовки. И не зря надеялся. Дядя Миша спросил, приходилось ли Женьке стрелять. Женька ответил:

— Приходилось. В тире стрелял. С бате́й ходили.

— Знаешь как целиться?

— А как же! Под яблочко.

— Верно.

Женька лег. Дядя Миша перезарядил винтовку, вложил ее в руки Женьке, наказав плотнее прижимать приклад к плечу, чтобы не сильно толкнуло при отдаче, и командовал открыть огонь.

Женька не торопился. Тут бы не опозориться. Нужно очень хорошо прицелиться. А руки, как назло, дрожат от волнения и мушка прыгает, скользит под черным яблочком мишени. Никак не хочет остановиться. Чем старательнее целится Женька, тем неувереннее держат руки винтовку. Нажал на спусковой крючок и поморщился от боли в ключице — прижимал приклад крепко, а толчок все равно оказался сильным.

— Попал! — торжествуя, крикнул дядя Миша.— Молодец, Женька!

Женька внимательно пригляделся и увидел на белом черную точку, далеко ниже яблочка.

— Стреляй еще.

Женька выстрелил. На этот раз ничего на мишени не заметил. Даже не верилось: вроде бы лучше первого раза прицелился. С третьим выстрелом вообще плохо вышло: и глаза, и руки устали от напряжения.

Рассматривая мишень, Женька, огорченный, думал: «Может вторая пуля влетела в пробойнку от первой?» Он уже представил себе, как дядя Миша сейчас хлопнет руками по бедрам и

скажет: «Две пули, сударь, чистейшее молоко». И не угадал.

— Ну, что? — спросил дядя Миша солдата.

Солдат по-девчоночьи покраснел.

— Так он же, говорит, раньше стрелял. А я первый раз винтовку держу в руках.

— Сравнял,— пренебрежительно произнес дядя Миша.— Ты взрослый человек, а он — мальчишка. У тебя, сударь, понятие солдатское должно быть. Я как тебе объяснял?..

Дядя Миша стал на колени, достал клочок фронтовой газеты и, расправив ее на прикладе винтовки, стал рисовать, как солдат должен целиться, объяснив, пригрозил:

— Вот если не попадешь на этот раз — отправлю тебя копать траншеи, а Женьку возьму к себе. От него толку будет больше. Пойдешь?

— Мать не пустит,— ответил Женька.

Женька понимал, что солдат пошутил, и все же подумал: «А здорово было бы! Уж тогда я не позволил бы фашисту летать низко над окопами». Подумал вроде бы так, мимоходом, а мысль взяла, да и засела в голове. Да что мысль, даже ощущение винтовочной теплоты на ладони не проходило целый день. С думой о винтовке забылась и боль от мозолей. Он снова взялся за лопату, а сам думал о завтрашнем дне. Ведь придет же дядя Миша учить стрельбе своего новичка. И ему, Женьке, он не откажет, обязательно даст пострелять.

ЖДАННОЕ СТАЛО НЕОЖИДАННЫМ

Строители оборонительных рубежей просыпались как только начинало светать. Они выбирались из землянок, вырытых в кручах оврагов, наскоро умывались, завтракали и, не мешкая, приступали к работе. Женьку мать не будила, жалела. А он, испытывая неловкость перед людьми, ворчал сердито:

— Что я, маленький, что ли?

— Успеешь еще, Женя, наработаешься. День велик.

— А ты не наработаешься?

— Я привычная, сынок.

Так было часто. А в это утро Женька не сразу понял, что проспал. Не открывая глаз, лапнул рукой рядом: мать лежала тут, и он успокоился. Но солнце, пробившееся сквозь щели неплотно занавешенного плащом входа, заставило его открыть глаза.

— Мама! — испуганно воскликнул он.— Мы проспали!

Мать тихо простонала.

Встревоженный, он сорвал плащ. Солнце хлынуло в землянку, осветило бледное лицо матери.

— Ты заболела, мама?

— Голова кружится, сынок. Не могу подняться.

Женька не знал, что за болезнь у матери. А болела она часто. Вроде бы ходит, делает что-нибудь и вдруг закружится голова. И тогда она спешит быстрее в дом, на постель. Упадет, побледневшая, лежит словно мертвая, только по вздувшимся жилам на висках можно и понять, что она не умерла. Бьется в них кровь, словно хочет вырваться наружу.

Когда заболела мама, в доме все затихало. Отец ходил по комнате на цыпочках, разговаривал шепотом. Маме надо было уснуть. Немного поспит и потом встанет словно не болела. Так бывало часто, но Женька каждый раз боялся, что мать умрет. Он забирался на диван, что стоял напротив кровати, и не сводил глаз с бьющейся жилы на виске. Но вот затихала жилка, мать засыпала, успокаивался и Женька. Улыбался отец и уводил сына во двор. Пусть мать спит.

На этот раз Женька напугался пуще прежнего. Не дома они и отца нет рядом. Что ему делать?

— Я сейчас, мама, бригадиршу найду,— заторопился Женька.— Спрошу у нее лекарства от головы.

— Не надо. Ты лучше поработай, а я полежу и, может, встану.

— Нет надо, мама! — крикнул он, и выскочил из землянки.

Но что это? Где же строители? Почему так мало людей у рва? Да и те, которые есть, не работают, кучками стоят, о чем-то разговаривают. Женька подбежал к тем, что поближе. Увидел бригадиршу.

— Тетенька! Мама заболела!

— Да ты что? — всплеснула она руками.

— Голова кружится, не может подняться. Ей бы от головы что-нибудь,— объяснил Женька.

— Какое там от головы. Домой надо, если ей плохо, а у нас никакого транспорта. Все отправлено в город. Все до одной подводы ушли. Вот беда,— загоревала бригадирша. И приказала Женьке.— Беги к матери, а я сейчас приду.

Женька застал маму уснувшей. «Ну, значит, все будет в порядке»,— подумал он и осторожно закрыл плащом вход в землянку, чтобы солнце не потревожило маму.

Женька сидел около землянки, пытался разгадать непонятное: почему строители бросили рubeжи. Разве кончилась война

и рвы не нужны? Или этих достаточно, чтобы остановить врагов? А может наши погнали немцев назад? Но стороной шли самолеты, в городе по-прежнему слышался гул бомбежки.

Сверху посыпалась земля, вниз скатилась бригадирша.

— Ну, как? Не полегчало маме?

— Спит! — полушепотом произнес Женька и, прикрыв ладошкой губы, предупредил бригадиршу, чтобы и она говорила шепотом.

— Она с ума сошла, спать в такое время? — удивилась бригадирша. — Буди немедленно.

Женька загородил ей дорогу.

— Нельзя будить маму.

— Да ты, я вижу, ничего не знаешь! — с горечью произнесла бригадирша. — Немецкие танки подошли к тракторному, за Мечеткой стоят.

Женька не мог себе представить того, что случилось.

— Как подошли?

— А вот так и подошли. Давай, буди мать. Как-нибудь доведем. Мне тоже некогда. Дома двое осталось, бабка и дочка меньше тебя.

Еще не совсем сознавая беду, Женька отворотил в сторону плащ. Мать спала спокойно. Нет! Нельзя будить ее! Батя не разрешил бы... Женька опустил плащ и сказал:

— Вы, тетенька, идите лучше.

— Что делать, — огорченно произнесла бригадирша. — Подождать бы вас надо. А не ждется. Сердце разрывается, как подумаю, что беда с моими может случиться.

— Идите. Я сам доведу маму.

ПОТОНУВШИЙ В ГРОХОТЕ КРИК

— А где же люди? — прежде всего спросила мать, когда они выбрались из противотанкового рва. — Что случилось, Женья?

Женька заглянул матери в глаза, спросил:

— Голова не кружится?

— Нет! Только слабая я. Ноги дрожат.

— А ты не захвораешь опять, если я скажу?

— Не захвораю. — Она еле заметно улыбнулась хитрости сына, и, когда он сказал все, что слышал от бригадирши, напряглась вся и, сдерживая себя, чтобы не побежать, увлекая за собой сына, широко зашагала в город. Неожиданно вернулись утраченные силы, она шла и шла, устремив взгляд в сто-

рону тракторного. Женька едва попевал за ней, смотрел тоже туда, где по его предположению должны быть немецкие танки. Ничего похожего не было видно. Но там, впереди, слышался гул самолетов, грохот рвущихся бомб, а над городом шевелилась, растягивалась вдоль Волги черная грива дыма.

Русская Деревня была окутана дымом, но их дом все еще стоял. Мать, войдя в калитку, распорядилась:

— Женья собери в убежище свои вещи, а я в доме документы возьму и что самое необходимое.

Женька нырнул в щель, покрытую бревнами и землей, стал складывать в одеяло все, что попало в руки из одежды. Необычайной силы удар встряхнул землю, и Женька, на мгновение потеряв под собой опору, ткнулся лбом в земляную стену. Загремело сорванное с крыши и пролетевшее через весь двор железо. Ошеломленный Женька не вдруг пришел в себя. Опомнившись, огляделся, отряхнулся от пыли. И тут-то его сознание больно прожгла мысль о матери. Он выскочил из укрытия. Взрывной волной сорвало крышу с дома. Женька вбежал на покосившееся крыльцо и увидел мать, лежащую вверх лицом, с широко раскинутыми руками.

— Мама,— робко произнес он.— Ма...— голос дрогнул, сорвался.

Женька бросился, чтобы помочь ей подняться, схватил за тяжелую безжизненную руку. Ему на миг показалось, что мать снова заболела. Он пристально вгляделся в висок, где обычно при болезни судорожно билась кровь в набухшей жиле, затем приложил к виску матери ладонь и отдернул тут же, протяжно закричав:

— Ма-а-ма-а!

В другое время его крик услышала бы вся Русская Деревня. В этот раз никто не услышал Женьку. Крик его заглушили вражеские бомбы.

Единственное, что сознавал в этот миг Женька, это то, что ему сейчас же, немедленно должны были помочь. Он выскочил на улицу, заметался от двора к двору. Улица была пуста, во дворах ни души.

Новый налет застал Женьку неподалеку от переправы. Едва засвистели бомбы, люди, идущие к переправе, рассыпались по сторонам. Женька тоже бросился дальше от дороги, и, как учил его на рубежах солдат дядя Миша, залег, плотно прижавшись к земле. Его окатило горячей волной и он, переждав немного, пополз к дымящейся воронке, веря, что в одно и то же место бомбы редко попадают дважды.

Бомбовая гроза пронеслась над ним и покати́лась к переправе. «Ну вот и прошло», — подумал Женька и заметил, как мимо него проскользнула какая-то тень. Выглянул из воронки и увидел стелющуюся над землей в бешеном беге собаку. И еще увидел бегущую прямо на него девчонку. Глаза у девчонки круглые, огромные, лицо бледное, рот широко открыт. Что подумалось в этот миг Женьке, он, пожалуй, и не объяснит. Словно сжатая пружина, он вылетел из воронки навстречу девчонке, обхватил ее и вместе с ней скатился снова в воронку. Немного позже, когда уравнилось дыхание девчонки, когда она, опомнясь, заплакала, Женька подумал, что ее могло срезать бомбовым осколком, если бы он не стащил ее в яму.

У Женьки не было ни братьев, ни сестер. Ему никогда не приходилось уговаривать плачущих и потому он не знал, какие сказать слова, чтобы успокоить девчонку.

— Ну чего ты взялась? Ты ж не раненая. Брось, — сказал он.

Девчонка его не слышала, и тогда он потянул за рукав платица, попытался оторвать руку от лица.

— У меня мамку убило, и то не реву, — произнес он самые убедительные слова.

От этих слов она залилась еще пуще. Не уговорил он ее. Но вскоре девчонка устала плакать, да и слезы, видимо, кончились. Только растревоженное тело продолжало вздрагивать. Женька решил, что наконец можно и поговорить. Не сидеть же с ней в яме до вечера?

— Куда ты теперь?

Она молча пожала плечами.

— Мамка где?

— Потонула. И бабушка.

— Значит, у тебя никого нет?

Девочка опять кивнула.

— И дома нет?.. У меня тоже. А мамка во дворе лежит, хоронить надо...

Женька задумчиво поглядел на небо, затянутое перемешанными с дымом облаками. Гудело где-то за Мамаевым курганом. Самолеты бомбили центр города.

— Пойдем со мной, — Женька протянул девчонке руку.

— Куда? — не глядя на него, спросила она.

— У нас во дворе убежище есть. Надежное.

— Пойдем, — согласилась девчонка и спросила, как его звать.

Женька назвалса.

— А меня Верой зовут.

Они пробежали с километр от переправы, когда над ними снова посыпались бомбы. Верка упала на землю. Женька поднял ее.

— Не бойсь. Они от нас упадут далеко. Бежим быстрее.

Провыли, проухали бомбы в заводских цехах, с грехотом и металлическим скрежетом осели стальные корпуса. У Женьки сжалось сердце, когда он завернул на свою улицу. Если бы сейчас случилось чудо: он входит во двор, а ему навстречу мама. Нет, не убило ее — она просто заболела, как часто бывало с ней.

Но во дворе, на упавшей стропиле сидела какая-то женщина. Взявшись за голову руками, она в глубокой задумчивости глядела себе под ноги. Женька покосился в сторону крыльца — матери уже не было. На том месте, где она лежала, осталось красное кровавое пятно.

— А где же мама? — робко окликнул Женька сидящую женщину.

Она подняла погасшие глаза. Это была бригадирша со строительства рубежей.

— Увезли твою мамку, — хрипло ответила она.

— Увезли? — Женька не мог понять смысла сказанного. Как увезли? Зачем? Что, он теперь не увидит ее больше? Никогда? Нет! Этого не может быть! — Он хотел сказать эти слова бригадирше, но не мог. Словно кто-то невидимой рукой сдавил ему горло и держал так, причиняя острую боль.

— А ты, мальчик, лучше заплачь, — посоветовала женщина. — Сейчас и взрослым не грех плакать.

Женька прошел в убежище, зарылся лицом в одежду, которую так и не успел связать в узел и долго-долго лежал, не откликаясь ни на предложение бригадирши, ехать с ней за Волгу, ни на слова Верки о том, что ей страшно.

ЖИВЫ БУДЕМ — НЕ ПОМРЕМ

Живут в своем убежище мальчишка и девчонка. А с тракторного слышится шум боя и там, где строились рубежи — тоже бой. Ребятам бы за Волгу, куда отправились горожане. Там их спасение. Но Женька медлит.

— Ты посиди, я сейчас приду, — говорит он своей подружке и убегает.

Если бы она знала, куда он уходит — никогда бы не пустила.

Он, пробираясь по завалам на улицах, через пепелища, идет к заводу. Оттуда, вооруженные винтовками, уходят защищать тракторный завод металлурги. Женька пристаёт к командирам и, пытаясь разжалобить их, просит:

— Дядя! Возьмите меня в ополчение.

От него отмахиваются, как от мухи.

Но он не падает духом, надеется. Не взяли сегодня, так завтра возьмут.

И завтра снова:

— Дядя! Я стрелял уже. Я умею. Возьмите.

Нет, не берут! Вот если бы найти того солдата, который учил его стрелять на рубежах. Женька идет к солдатам, ищет дядю Мишу и не находит.

— Дяденька, возьмите меня к себе, — пристаёт Женька к солдатам.

— Иди, иди малый! Без тебя управимся! — прогнал его сердитый солдат. — Ступай на переправу.

Обидно Женьке. Мать погибла. И никак не может он уйти из города! Он должен получить винтовку и воевать. Ну как же это, они, взрослые люди, не поймут его?

Сердитый возвращается домой Женька. И, будто Верка виноватая во всем, говорит:

— Вот что, Вера, — завтра пойдем на берег. Хватит тебе тут сидеть...

Вера поняла, что значит идти на берег, сразу в слезы:

— Я боюсь переправляться через Волгу.

— Тут не боишься... Все равно стреляют.

— Я и тут боюсь... А там, совсем страшно. Летят на тебя бомбы, а убежать некуда.

Женька представляет себе, как бывает страшно, когда падают бомбы. Но Верку обязательно нужно отправить за Волгу. Ему без нее будет проще, и он припугивает девчонку.

— Ну, а если немцы тут окажутся? Как тогда?

— Не знаю, — пожимает худыми плечами Вера.

— Попадешь в плен — тогда узнаешь.

Припугнул и угодил в самую точку. Попадать в плен никому неохота. Вера задумалась, забеспокоилась. Что же ей делать? И не находила ответа. А Женька тем временем подливал масла в огонь.

— Увезут тебя в Германию, заставят на немецкую армию работать.

Верка даже поежилась, представив себе такое. Да она лучше умрет, чем работать на немцев. На такие обидные слова она ответила:

— Сам ты на них будешь работать.

— Кто, я? — загорячился Женька. — Да я, если хочешь знать, уже воевал бы с ними, если бы не ты.

— Я тебе что, мешаю, да? Мешаю? — подступила Верка к Женьке.

Женька сообразил, что выдал себя с головой. Так чего же теперь кривить душой?

— Конечно, мешаешь. Я б давно нашел знакомого солдата, и он взял бы меня на батарею.

Сказал и пожалел об этом. Взъерошенная и сердитая Верка гордо вскинула голову, отодвинула с пути Женьку, сказала:

— Ну и ищи своего знакомого солдата. А я и без тебя обойдусь.

И пошла из убежища.

Женька схватил ее за руку:

— Ты что, сдурела? Да?

— Пусти!

— Не пущу, — твердо произнес Женька и крепко сжал руку. — Одну я тебя не пущу. Там же стреляют.

Наверху приглушенно загудело, кто-то спускался в убежище, послышался приглушенный голос:

— Здесь кто-то живет.

Женька выглянул: солдаты. Один из них стоял к нему спиной. Спина показалась Женьке знакомой. И у него в голове мелькнула обнадеживающая мысль: «Наконец, нашелся дядя Миша. Уж этот меня не прогонит».

— Дядя Миша! — окликнул он.

Солдат повернулся, и Женька понял, что ошибся. Солдат знакомый, но совсем не дядя Миша, а тот, который сказал Женьке: «Иди, иди, малый. Без тебя управимся!»

— Ты все тут? — со строгим удивлением спросил он.

— А куда же нам деваться? — прикинулся непонятливым Женька. Верка выглянула из-за Женькиного плеча, добавила:

— Мы тут живем.

Высоко над двором коротко пропела шальная пуля. Солдат поднял голову, посмотрел ей вслед, сказал девчонке:

— Пожили — и хватит.

Прибежал откуда-то старшина. Запыхавшийся, будто за ним кто-то гнался, он с ходу начал допрашивать солдата, который разговаривал с ребятами:

— Почему здесь дети, товарищ Нечаев? Кто позволил?

— Не могу знать, товарищ старшина. Этому мальчонке я давно приказал идти на переправу, — отвечал Нечаев. — Не послушался.

— Немцы пошли в наступление. Слышите, танки идут? Веди их Нечаев на переправу — и быстрее назад.

— Есть, — козырнул Нечаев. А старшина, вывернув из винтовки шомпол, помахал им пониже Женькиной спины, так, что засвистел воздух, пригрозил:

— Если ты мне еще раз попадешься на этой стороне, живого места под штанами не оставлю. Понял?

Женька не испугался, но испытал слишком знакомое чувство. Будто не старшина, а сам батя крепко поговорил с ним. А батю Женька послушаться не мог, и он покорно пошел за Нечаевым.

Нечаев вел их осторожно, с оглядкой, держался ближе к домам и сараям. Они, хотя и разбитые, все же укроют на всякий случай от пули.

На окраине Русской Деревни загремели орудия. Женька задержался на минутку, прислушиваясь. Солдат, потянув за рукав, приказал:

— Быстрее, малый. Не на прогулке.

Впереди мгновенно расцвел черный букет из земляных комьев. Лопнул снаряд. И дети, и солдат упали на землю.

— Живые? — оглянулся на ребят Нечаев. И, подмигнув, сказал весело, чтобы не очень робели. — Живы будем — не помрем.

— Не помрем, — поддержал Нечаева Женька, и в свою очередь подмигнул Верке.

— Бегаете хорошо? — спросил Нечаев, подвинувшись ближе к ребятам.

— Хорошо, — ответил Женька. — А что?

— Не понял я, — объяснил солдат. — То ли шальной, то ли прицельный снаряд рванул. Все равно впереди опасно. Будем по одному пробираться. Сначала вон к тем кирпичным развалинам, а от них к оврагу рукой подать. Ну? Кто первый?

— Я, — вызвался Женька.

— Бегом, и хоронись там. Понял?

— Понял! — вскакивая, ответил Женька.

Ух! Как бежал он! Так быстро, что не чувял земли под ногами. Будто летел на крыльях. А Нечаев кричал ему вслед:

— Молодец, парень!

Женька с разбегу плюхнулся между обломками кирпичной стены и, тяжело дыша, оглянулся. Верка бегать умеет, — в этом Женька убедился еще в тот день, когда видел ее бегущую под бомбами. Но сейчас... до чего же неуклюжей показалась она ему. Бежит вяло, будто ноги ее спутаны веревками. И он кричит ей:

— Быстрей! Быстрее, Вера!

— Не могу быстрее, — опустившись рядом с Женькой, виновато оправдывалась девчонка. — Силы в ногах нету.

Теперь очередь за Нечаевым. Конечно ему трудно: винтовка, противогаз на нем. Но все равно бежал он быстро. Женька и Верка, подбадривая солдата, кричали в один голос:

— Быстрей! Быстрей! Неча-а-ев!

Он не пробежал и половины. Черный земляной букет вспыхнул у него под ногами. Поднял над собой нечаевскую винтовку и, раскрутив ее, швырнул на землю. Верка, зажмурив глаза, спрятала в ладонях лицо. Женька до зубной боли стиснул челюсти, поднялся на руках, не веря в случившееся. Да не может так быть! Ведь бежал он, Нечаев, и вдруг нет его. Взорвался еще снаряд, провыл улетающая дальше к Волге, еще. На Русской Деревне показались танки. Они рвались к заводу. В заводе часто и гулко забили пушки. Снаряды рвались между танками, преграждая им путь. Рядом с развалинами прожурчала цепочка

пуль длинной пулеметной очереди, послышался дробный стук вражеских пулеметов. На горе у крайних пепелищ рабочего поселка появилась немецкая пехота. Женька посмотрел на Верку. Она так и лежала, спрятав лицо в ладонях, тихая, словно спала.

— Вер! — встревожился Женька и толкнул ее в плечо. — Слышишь, Вера! Уходить надо.

Он перевернул ее на спину, оторвал руки от лица.

— Я не могу идти, Женя, — пожаловалась Вера. — Ноги отнялись.

— Цепляйся за меня. — Женька подставил девчонке свои плечи, занес ее в темный подвал, находившийся под развалинами.

Жестокий бой длился до темной ночи. А когда он закончился, Женька не решился уходить из подвала: ему показалось, что Русскую Деревню заняли немцы.

МЕЖДУ ДВУХ ОГНЕЙ

За всю ночь Женька не сомкнул глаз. Распахнув широкие полы куртки, он прижимал к себе дрожащую от страха и холода девчонку, согревал ее, сам согревался и думал, как быть дальше?

Пришло утро. Пришло и время уточнить, кто же в Русской Деревне?

— Как твои ноги? — спросил Женька Веру.

Вера пошевелила пальцами.

— Отошли... немного.

— С перепугу это, — определил Женька. — Ну, лежи...

— Жалко Нечаева, — сказала Вера. — Из-за нас погиб.

— Так получилось. А мы вовремя проскочили, — объяснил Женька и отодвинулся от Веры. — Ты побудь тут, я выгляну наружу.

Женька спрятался в том месте, откуда вчера с Веркой видели, как погиб Нечаев. Отсюда все хорошо просматривалось.

Бой как будто и не кончался. Только он отодвинулся с заводской окраины к главным проходным воротам завода. Выше развалин заводского клуба урчали танки, хлестко строчили пулеметы, слышалась оружейная пальба. Бой гремел на Мамаевом кургане, в городе. А здесь...

Здесь, у южной окраины завода, тихо. Изредка посвистывают одиночные пули, журчат цепочки пуль автоматных и пулеметных очередей. По бывшим дворам рыскает рыжая собака, а

ближе к заводу преспокойно роются в земле два чумазных поросенка. Смешно и нелепо показалось это Женьке, и как-то веселее, спокойнее стало на душе. Он подумал: собака не будет бегать там, где опасно. А поросят немцы давно бы пристрелили. Значит их тут нет? Так где же они?

Над Русской Деревней стелется дым, пахнет пороховой гарью, влажной древесной золой. Сквозь дым Женька с трудом различает движение за железнодорожным полотном. Люди тянутся к северной стороне завода, где не смолкает бой. «Немцы, — решил Женька. — Не рискуют идти здесь через пустырь. Пошли в обход».

С правой стороны неожиданно рвануло, послышался пронзительный поросячий визг. Женька повернулся: то ли раненый, то ли перепуганный взрывом поросенок стрелой несся по бурьяну к шлаковому отвалу. Новый взрыв оборвал поросячий визг.

Не от взрыва, от неожиданной догадки Женька содрогнулся: «Поросята подорвались на минах! А мы отрезаны от своих. Значит мы с Веркой между своими и немцами».

Озадаченный вернулся Женька в подвал.

— Нельзя нам отсюда уходить, — сообщил он неприятную весть девчонке.— Полоса между заводом и поселком заминирована.

— Как же нам быть? — спросила Вера.

Женька пожал плечами.

КОСТЕР БУДЕТ!

Так вот и сошлись на нейтральной полосе дороги Верки, Женьки и Румбы. Окончательно поверив в доброе к ней Женькино расположение собака охотно побрела за мальчишкой в подвал.

Верка лежала на цементном полу. Румба подошла к ней, обнюхала подстилку. Это был клочок овчины и от него пахло сырмятиной. От Верки тоже пахло сырмятиной. Девчонка услышала подошедших, пошевелилась.

— Ты, Жень?

— Я, Вера. Со мной собака. Румба. С нашей улицы. Ты ее не бойся.

Вера протянула ослабевшую руку, погладила собаку, сказала, усмехнувшись:

— Румба. Смешная кличка. Так называется танец.

Голос девчонки был знаком. Румба потянулась и, достав хо-

лодную руку девочки, полизала и тем самым как бы заверила ее в своем добром к ней расположении.

Женька подсел ближе к Верке, спросил:

— Ну что, болит голова?

— Лежу, вроде не болит, встану — кружится.

— Это ты с голоду. Ослабла.

— Замерзла я. Погрей меня. — Верка подвинулась на своей подстилке.

Женька подозвал Румбу, уложил под бок Верке, сам лег с другой стороны.

— Ты плотней, — попросила Верка.

— Есть хочешь?

— Нет. Вчера хотела. А нынче не хочу.

— А я хочу. Вот стемнеет — пойду домой.

— Там же немцы.

— Нет, там тоже нейтральная полоса, — сказал Женька. — Попроверь незаметно. В погребе картошка осталась.

— Не ходи, подстрелят, — попросила Верка.

— С голоду хуже...

— А я? Что я буду делать? Мне страшно одной.

— С Румбой не так уж страшно.

Отогрелась Верка, заснула. Женька полежал с полчаса. Лежал и думал, как он будет добираться. До погреба расстояние — сущий пустяк — метров двести. Придется идти пепелищами. Там все же при случае можно спрятаться, да и места знакомы.

Женька прикрыл нагретой подстилкой спину девочки, пошел к выходу, Румба, сладко потягиваясь и громко с подвывом зевая, поплелась следом.

— Вернись, Румба, — приказал Женька.

Румба сделала вид, что не поняла, потерлась головой о Женькины ноги.

— Вернись, Румба, — строго сказал Женька и оттолкнул собаку от себя.

Румба не слушалась. Ей хотелось идти вместе с Женькой. А Женьке она ни к чему. Только мешать будет. Не человек же, не сообразит спрятаться, когда нужно.

— На место! — крикнул Женька и замахнулся рукой.

Румба вернулась.

Устроившись в кустах посеченной осколками желтой акации, Женька осмотрелся. На той стороне тихо. Немцы будто специально для него подвешивали в небо ракеты, над нейтральной полосой. Впереди высвечивалась обшарпанная, полуразрушенная

коробка трансформаторной будки. Это совсем рядом с домом. Надо бы добраться до нее, а там перебежать дорогу и... Женьке подумалось: стоит добраться до своего двора, и все страхи исчезнут.

Ракеты взлетали и падали в стороне. Слышалось шуршание ослепительно ярких рассыпающихся искрами огней. Женька старался не глядеть на них, потому что слеп и долго потом не мог двигаться.

Пока ракета светит, Женька, припав к земле, выбирает себе путь, по которому пробежит еще несколько метров. Выбирает так, чтобы ни со стороны наших, ни со стороны немцев его не было видно. Такое уж у него положение: наши могут за немца принять, и он запросто словит пулю. Метров пятьдесят прополз кустами акации. Еще столько — брошенными ходами сообщений. Трансформаторная будка стала ближе, но это значит и немцы ближе. Не трусливый вроде бы Женька, но оторопь берет. И он злится на себя, что не может справиться с собой. Дрожат колени. Он бодрит себя, песней старается избавиться от охватившего страха. Сидит в воронке, освещенной взлетевшей ракетой, дрожит и шепотом поет:

Эх! Из-за леса, леса копий и мечей
Едет сотня казаков-лихачей.
Попереды командир молодой
Ведет сотню казаков за собой.

С этой песней вспомнился отец. Он донской казак, и это его любимая песня. Женька прислонился к валуну, вывороченному из земли бомбой. Отец всплыл в памяти зримо. Высокий, чисто выбритый, стоит на крыльце дома и дирижирует рукой. А у крыльца — народ, соседи с улицы, рабочие из цеха.

Эх! Да что это за донские казаки!...

Отец протянул с какой-то серьезной веселостью и взмахнул рукой.

Стоявшие у крыльца дружно подхватили:

Рубят, колят, да сажают на штыки!

Отец любил Женьку и очень хотел, чтобы из него получился настоящий казак, чтобы он был смелый, и умел бы хорошо петь песни. За песню он беспокоился очень. «Пропадет песня казачья, — говорил он Женьке. — Вот повымирают старики и некому будет петь». Он просил Женьку петь вместе с ним, за-

помянуть казачьи песни. Женьке не хотелось их запоминать: уж больно длинные и скучные они.

Вообще-то он любил песни. Но какие! Вот про Родину.

Кипучая,
Могучая,
Никем непобедимая,
Страна моя,
Москва моя,—
Ты самая любимая!

Это настоящая песня! Под нее даже маршировать можно. Он отказывался от казачьих песен и этим обижал отца.

В тот последний день, когда отец прощался, песня как-то сама запала в душу Женьке. Дня три после проводов отца плакала мать, а у Женьки не сходила с языка казачья песня. И он пел ее без конца. Не вслух пел, про себя, чтобы не слышала мать и не подумала, что ему весело.

Эх! За мной, братцы!
Не робей!
Эх, не робей!
На завалы по-оспешайте по-скорей!

Женька полез было из воронки, но вдруг услышал позади себя шорох. В воронку свалился ком земли. Сердце у Женьки так и подпрыгнуло. Он едва не крикнул с перепугу, но вовремя увидел Румбу. Румба сползла в воронку и, дурачась, бросилась на Женьку. Он схватил ее в охапку и, чуть не плача, проговорил:

— Дура ты, набитая! Я же тебе приказал лежать.

Румба поняла, за что бранит ее Женька, и виновато пригнула голову. Все равно теперь ничего не изменишь. А лежать она с Веркой не могла, потому что очень любила ходить за хозяевами. А Женька сейчас был для нее вместо хозяина. Разве она могла лежать без дела, когда он ушел?

Сняв брючный ремешок, Женька накинул петлю Румбе на шею.

— Влипнешь с тобой в историю. А там Верка одна со страху помрет. Эх ты,— пожурил он Румбу и потянул поводок.— Пошли.

Женькина настороженность передалась Румбе. Она шла, озираясь по сторонам, и чутко поводила ушами. Как только небо прочертила ракета, Женька, тихо выкрикнув «ложись!», упал на землю. Румба невольно подчинилась приказу, плотно прижалась к земле.

Трансформаторная будка была совсем близко. Нужно быстро пробежать каких-то двадцать-тридцать метров и они будут в надежном укрытии. Едва погасла ракета, они выскочили и вмиг оказались под стеной. Теперь надо немного перевести дух, собраться с силами, чтобы сделать еще один рывок ко двору. Женька набирал воздуху полную грудь и резко выдыхал — так быстрее придешь в себя.

— Ну, приготовиться, — шепнул он собаке и крепче взял ремешок. Румба уперлась и тихо зарычала. Женька затаил дыхание. В будке вроде бы никого. Но Румба снова зарычала. «А вдруг там немцы?» — промелькнула страшная мысль в голове Женьки. И он уже пожалел было, что пошел за картошкой. Но Румба решительно поднялась и потянула его к пролому в стене будки. Женька толком не понял собаку. Рычит, будто бы там кто-то есть. Но она никогда так решительно не пошла бы в будку, учуяв чужого человека. Эта мысль успокоила Женьку, и он потянулся вслед за Румбой.

Крыши у трансформаторной будки не было, и потому взлетевшая ракета ярко осветила все, что было внутри этого небольшого сооружения. То, что увидел Женька, напугало его еще больше, чем неожиданно появившаяся в воронке Румба. Прямо перед собой он увидел толстую подошву немецкого сапога. Какого деру задал бы сейчас Женька, не будь рядом с ним Румбы. В тот миг, когда Женька приподнялся, чтобы выскочить из будки, Румба тявкнула и посмотрела на Женьку. В свете ракеты Женька увидел глаза собаки и понял, что ничего страшного нет. Он заставил себя снова опуститься на кирпичи. Опустившись, стал быстро соображать: если бы немец просто так лежал, то непременно услышал бы его шаги, а если он спал, проснулся бы, когда залаяла Румба. Значит?..

Что-то долго не пускают ракету. Женька смотрит вверх. Небо черное-черное.

Румба потянула и почувствовала свободу. В раздумье Женька не заметил, как из ладони выскользнул ремешок. Румба скрылась в темноте.

Ракета вспыхнула где-то в стороне. В будке поплыли тени изуродованных трансформаторов, изоляторов, рваных проводов. Женька взглянул в полумрак и увидел фашиста, лежащего на спине с раскинутыми руками. Казалось, он спит. Женька взглянул на пробину в каске и понял: его снял наш снайпер. Вот точность — прямо в лоб. И еще успел заметить Женька лежащую рядом снайперскую винтовку. Значит немец тоже был снайпером.

Выглядывая из трансформаторной будки, Женька пытался понять опасность, какой подверг себя. Двор рядом. Осталось пробежать еще двадцать метров, и он дома. А вдруг и там немцы? Что тогда? Надо сначала убедиться, что там никого.

Затаившись, Женька ловит каждый момент вспыхнувших далеких и близких ракет, вглядывается в груды обугленных бревен и железа, но ничего не замечает. Рядом в темном углу под трансформатором возится Румба.

— Иди сюда, Румба, — позвал собаку Женька.

Румба затаилась на минуту и снова начала возню. «Кость нашла, наверное», — подумал Женька и решился бежать. В самом деле, если бы немцы были рядом, разве Румба вела себя так спокойно и уверенно? Она обязательно жалась бы к нему.

— За мной, Румба, — сильным шепотом окликнул собаку Женька и, выскочив из будки, в один мах перебежал дорогу.

Во дворе все мертво и пустынно. Женька, не дождавшись собаки, пошел в конец двора к погребу. Подойдя, едва не заплакал от досады и обиды. Столько рисковал, перенес столько страху и вернуться ни с чем! На месте, где был погреб, чернела огромная воронка. Как же он теперь придет к Верке? Что принесет ей? Что сам есть будет? При воспоминании о еде больно защемило в желудке. От боли Женька даже подтянул колени к груди.

Сколько сидел скорчившись, Женька и сам не знает. Наконец он решил возвращаться. Сидением делу не поможешь. Но прежде разыскал тайник, в котором мать спрятала домашние вещи. «Может, там что-нибудь найдется», — подумал он. Подобрал доску от забора, принялся ковырять еще не успевшую уплотниться землю. Вот и деревянный ящик. Женька нащупал край доски, потянул вверх. Доска, скрипнув небольшим гвоздем, легко оторвалась. Женька пошарил рукой в глубине ящика. Ничего съестного не обнаружил. Там лежало самое ценное, самое любимое материнское богатство — фарфоровая посуда. Женька вспомнил, как мать берегла ее, как гордилась ею. Выставляла ее только по большим праздникам или когда в доме появлялись дорогие гости.

Женька опустил на место доску, стал копать рядом с ящиком и обнаружил большой сверток. В клеенке со стола оказалась тоже дорогая вещь — отцовский тулуп. В нем батя ходил зимой на Волгу удить рыбу. Тулуп огромный, в нем такие как Женька двое уместятся.

Женька свернул потуже тулуп, скрутил попавшейся под руку проволокой. Им с Веркой в холодном подвале этот тулуп

очень кстати. Засыпал яму, насобирав мусору, притрусил им свежую землю и пошел со двора.

В трансформаторной будке Румбы не оказалось. Женька обнаружил ее на половине обратного пути. Румба лежала на краю воронки и яростно что-то терзала. Женька склонился над собакой. Румба тихим, но сердитым рычанием предупредила его, чтобы он не прикасался к ее добыче. Но Женька бесстрашно положил руку на шею Румбы и потрепал холку.

— Жадина, — буркнул он, разглядывая в темноте собачью добычу. Это был походный ранец немецкого солдата. Женька открыл его, и по запаху понял, что в ранце есть то, ради чего он рисковал.

— Эх, Румба! — воскликнул Женька. — Ничего ты не понимаешь! Даже не знаешь, какая ты молодчина. Верка будет жить! Накормим и порядок! Запалим костер. Отогреемся!

Румба не разделила Женькиного восторга и, облизнувшись, нетерпеливо скульнула. Женька подвинулся к собаке, повесил ей на шею ранец.

— Неси, — приказал.

Румба стояла. А как только Женька потянул ремешок, она, не сделав ни шагу, легла и начала стаскивать с себя ношу.

— Нельзя, Румба! — тихо приказал Женька.

Позади на пепелищах послышались голоса. Женька прислушался, но ничего не разобрал. Даже не понял, наши или враги говорили. Скорее всего немцы. Шли к своему снайперу.

Женька поправил на собаке ношу и потянул собаку за ремешок.

— Жрать, наверное, не откажешься, а нести не хочешь! — высказал свое неудовольствие Женька. — Кому сказано — неси!

Взвилась ракета, и Женька, припав к земле, снова тихим шепотом запел отцовскую песню.

Эх! На завалах мы-ы стояли, как стена!
Пуля сыпалась, да жужжала, как пчела!
Пуля ранила донского казака...

Пули пролетали изредка, чаще стороной. Они были посланы ни в кого, просто шальные пули, летевшие в темноту.

ПОЗДНИЙ УЖИН

— Вера! Вставай! Ужинать будем! — крикнул в темноту Женька.

— Я замерзла, — сказала Вера.

Женька стащил с Румбы сумку.

— Не вижу куда идти.

— Я тут. Иди сюда.

Женька положил рядом с девчонкой ранец с харчами. Достал подарок дяди Миши — кресало.

— Сейчас разведем костер, — звеня кресалом, пообещал Женька, и весело добавил словами Нечаева: — Живы будем — не помрем!

Вот и пригодился солдатский подарок. А ведь хотел отказаться. Вроде бы зачем «катушка» некурящему человеку. Женька нащупал в уголке кармана уже забытый клочок ваты, придал его большим пальцем левой руки к кремню и осторожно, чтобы не задеть палец, чиркнул стальной пластинкой по кремню. Веером взлетели искры, осветив на мгновение темный подвал, Верку, а рядом с ней изнемогающую в ожидании еды Румбу. Одна искринка запуталась в вате. Женька дунул на нее и погасил.

Сыпятся искры, стрянут в вате и гаснут. Но Женька уже наловчился и бьет, бьет. Наконец одна искринка запуталась надолго, Женька уловил горький запах дыма и снова принялся дуть. Затеплился огонек. Ожил. Женька дует на него, а он расплываясь, растет.

Женька оторвал от полы пиджака тряпицу, завернул в нее огонь и опустил на колени. Нашарил руками бумажки, щепки, положил поверх тряпицы и дул пока не вспыхнуло маленькое пламя.

Мусора в подвале было предостаточно. Дымно чадя, загорелся небольшой костер, Женька притащил недогоревшую после пожара оконную раму, поломал и положил в огонь. Дым закрутился под потолком и поплыл к выходу. Румба кашляла, встряхивала мордой, у Веры слезились глаза.

— Ничего. Сейчас разгорятся дрова, меньше будет дыму. Открывай сумку, поглядим, что немцы едят.

— Не дурно живут, — сказала Вера, вытащив хорошо завернутый в бумагу кусок сала.

— Наше, русское, — высказал догадку Женька. — Наверное, чей-то погреб очистил. Что там еще?

— Колбаса.

— Еще?

— Масло.

— А хлеб?

— Есть... Пошла, Румба! — Вера замахнулась на собаку, которая хотела стащить колбасу.

— Колбасу и хлеб давай сюда. Сало положи на место. Завтра поедем.

— А вот, наверное, вода, — поболтала Вера неполной флягой перед ухом.

Женька отвинтил крышку и поднес флягу к носу, понюхал и присвистнул.

— Не вода, а молоко из-под бешеной коровы.

— Разве бывают бешеные коровы? — не поняла Вера.

— Эх, ты, темнота. Шнапс это... — и пояснил. — А по-нашему — водка.

Женька разломил на три части колбасу, поделил хлеб. Предупредил Веру, чтоб она не жадничала, хорошо жевала, и, что вообще ей надо есть сейчас немного, иначе после большой голодовки будет плохо. А чтобы не было обиды, еду делил по всем правилам.

— Отвернись, — приказал он Вере.

Вера отвернулась. Женька накрыл ладонью одну из порций и спросил:

— Кому?

— Румбе, — сказала Вера.

— А это? — Женька накрыл ладонью вторую порцию.

— Тебе.

— Бери свою.

Румба быстро расправилась с колбасой и хлебом. Она вочала головой, смотрела то на Веру, то на Женьку. В глазах — просьба.

— Что ела, что не ела, — высказал Женька то, что чувствовала собака и не могла сказать, — и пристыдил Румбу. — Это тебе не мирное время. Надо понимать.

Румба твякнула, в голосе голодная тоска.

— Отломи ей еще немного, — попросила Вера.

— Перебьется, — сказал Женька. — Я справедливо, всем по-ровну поделил.

— Она же не понимает.

— Лучше не проси. Таких ранцев на нейтральной полосе валяется не густо. Дня два хотя бы протянуть с этими харчами. А ты — «отломи ей еще немного».

Румба воспользовалась моментом, потянулась вперед, выхватила из Женькиных рук колбасу и тут же проглотила.

— Ну! Я с тобой по-хорошему, а ты... Дуй отсюда.

Румба перешла на противоположную сторону костра. Из темноты виднелись только ее глаза, в которых мерцали блики угасающего пламени.

Женька отломил себе и Верке еще колбасы, а собаке пригрозил:

— На завтрак ты кроме хлеба ничего не получишь.

Глаза на мгновение исчезли и снова засветились. Румба не любила, когда ее в чем-либо упрекали. Отворачивалась, если чувствовала, что виновата.

Они и не заметили, как съели порции. Вера посмотрела на светящиеся глаза Румбы и обратилась к другу:

— Давай еще, вот постолечку, — отмерила она половину указательного пальца.

Женька стоял на своем:

— Перехватили немного и хватит. Не до жиру. Может нам тут до белых мух придется сидеть. Вон сколько дней уж прошло, а никто ни с места.

— Значит у немцев пороху не хватает? А то бы, думаешь, они не двинули нас? Еще как бы двинули...

— Хо! Америку открыла, — рассердился Женька.

Вроде бы и ничего такого нет в слове «двинули», но уж очень обидное, если его применить к нашей Красной Армии. — Подожди. Вот еще немного, соберутся наши и ка-а-ак двинут фрицев. Вот двинут, так двинут! — горячо и уверенно выкрикнул Женька.

— А может быть они уже собрались, а мы сидим в своем подвале и не знаем, что они уже собрались. Вдруг завтра двинут, — помечтала Вера и спросила: — Ты где будешь жить?

— После войны, что ль?

— Ну, да.

— Известно где. В Русской Деревне. Дома.

— Так дома-то нет.

— Я уже все обдумал, — сказал Женька. — У нас под домом небольшой подвал. Расчищу его. Стены поставлю, крышу сделаю и... Слушай, а давай мы будем с тобой вместе моего батю ждать? — сказал Женька.

У Женьки батя, да еще где-то тетка живет. А у Веры никого нет. Женькино предложение было ей очень кстати.

— Давай. Вдвоем и дом мастерить легче.

— Еще бы.

Все было здорово у них согласовано. Конечно, они дождутся Женькиного батю. И заживут втроем. Потом батя определит их в ФЗО. Сначала Женьку, он постарше, потом Веру. И будут они работать и вволю купаться в Волге. Насчет Волги Вера промолчала. Она к Волге, наверно, больше и не подойдет.

Как же она будет купаться, когда там ее мама с бабушкой.

Костер угас. Женька положил под голову ранец с харчами, расстелил тулуп. Отличный тулуп: и постелили его, и накрылись им. Румба еще долго бродила по подвалу, вынюхивала что-то. Женька позвал ее и приказал лечь. Она улеглась у ребят в ногах и притихла.

Спать ей вовсе не хотелось. Ей не давал покоя ранец, в котором есть вкусная еда, которая по праву принадлежала ей. Она не имела обиды на Женьку за то, что он отнял у нее ранец, потому что понимала, то, что делают люди — так надо. Но ее не покидало чувство, которое она испытывала, коснувшись зубами своей находки. Утоление голода было очень близко и понятно, что, даже отдав ранец, она не теряла надежды поест доотвала. Но Женька оказался расчетливым — не накормил досыта. И хотя это так было надо, Женькины расчеты не укладывались в ее собачьем понятии. Что думать ей о завтрашнем дне, если желудок пустой?

Согретые теплом костра, едой, ребята вскоре заснули. Румба встала, подошла к Женьке, и, словно извинившись за предстоящее варварство, лизнула его в нос. Женька даже не почувал прикосновения. Румба нащупала зубами ремень от ранца и, упершись в кирпич лапами, потянула. Ранец подался. Женькина голова запрокинулась. Румба застыла в ожидании: вот сейчас Женька проснется, отнимет ранец и будет бить. Она даже приготовилась удирать. Но Женька всего лишь повернулся на другой бок, улегся поудобнее и захрапел.

НУ? ЧТО Я ГОВОРИЛА?!

Проснулся Женька от невыносимой боли в шее. Застудил, что ли? Но сообразив, что неловко лежал, хотел поправить ранец и не обнаружил его.

— Вера!

— Что, пора завтракать? — спросила Вера.

— Завтракать, — передразнил ее Женька, будто она в чем-то виновата. — Завтрак ты пойдешь добывать, — сказал он. — Румба все пожрала.

Румба предусмотрительно лежала у выхода. Женька приказал ей подойти. Но она знала, что ее ожидает, ушла во двор

— Все равно порки ввалю, — пригрозил ей вслед Женька.

— Ладно. Потерпим до вечера, — пообещала Верка. — Я пойду искать еду. Теперь моя очередь.

Женька ухватился за тощий живот. Хохотал долго, словно от щекотки, насмеявшись, сказал:

— Это же тебе не в магазин сбегать.

— Ничего нет смешного,— рассердилась Верка.— А Румбу не смей бить.

Женька не успел ей ничего сказать. Звякнул уцелевший в окне подвала уголок стекла. Влетевшая пуля ковырнула пол рядом с Веркой и, подпрыгнув, ударилась о стену.

Румбе показалось, что в окно влетел кем-то брошенный камень, и она разразилась лаем. Женька подобрал еще теплую пулю.

Объяснил перепуганной девчонке:

— Это случайная влетела.

— Откуда ты знаешь? — удивилась Вера.

— Знаю. Пуля, когда быстро летит, пробивает в стекле дырку. А эта разбила стекло. Значит она летела издалека и уже падала.

— И меня бы такая не убила?

— Замолчи, Румба! — крикнул на собаку Женька и ответил:— Этого я не знаю.

Румба перестала яриться, и ребята услышали какой-то неясный гул. Что это? Самолеты? Танки! И чьи?

— Наши! — торжественно всплеснув ладошками, произнесла Вера.— Ну? Я же говорила — что наши уже собрались!

— Тише! — остановил Веркин восторг Женька и стал прислушиваться.— Не похоже. За Русской Деревней гудят. А там фрицы.

— Спорим? — протянула руку Вера.

— Что без толку спорить,— отказался Женька и предложил: — Лучше пойдем и посмотрим.

— Пойдем,— согласилась Вера с уверенностью, что увидит, как навстречу немцам идут наши танки.

Выбралсь на скользкие от ночной сырости развалины, и стало все понятно. Гудело на западной стороне. А там — фашисты, и это их танки шли к Волге.

Женька не упустил случая упрекнуть Веру в ее несообразительности:

— Вот тебе и «говорила»... А это гансы.

Танки шли медленно. Женька с Верой задумались: а вдруг у немцев хватает пороху, а вдруг они собрались с силой и наши не устоят? Не хотелось так плохо думать про Красную Армию. Но что можно поделать с мыслями, если они сами лезут в голову. И в самом деле: все может быть. Может статься, что

нейтральная полоса перестанет быть нейтральной. Куда же ребятам деваться? Идти под пулями через минное поле к своим?

— Посиди тут. Я сейчас вернусь,— сказал Женька и ящерицей скользнул между обломками кирпичных стен.

Вера даже не успела спросить, куда он и зачем? С ужасом она смотрела на ползущего Женьку, к тому месту, где погиб Нечаев. Ей казалось, что вот сейчас, как он доползет до воронки, там снова вспыхнет черный букет взрыва. И, чтобы не видеть этого, крепко зажмурилась, спрятав лицо в ладонях. А взрыва все нет, только тенькают пули, да нарастает гул танковых моторов.

— Смотри, Вера! — услышала она Женькин голос.

Женька стоял в уцелевшем углу здания. За плечом у него винтовка Нечаева с погнутым штыком и разбитым ложем. Винтовка была больше Женьки, и выглядел он с нею смешно. Но Вере было не до смеха.

Танки шли широким фронтом вдоль Карусельной улицы. Вот они уже подходят к шоссе, краю немецкой обороны, набирают скорость, несутся по нейтральной.

Надо бежать. Но Женьку и Веру словно приковали к развалинам. Да если бы им и пришла эта мысль в голову, то все равно не успеть им.

— Что же наши? — вдруг крикнула в отчаянии Вера.

— Не ори! — осадил ее Женька. — Наши знают, что делают. Помнишь, как в «Чапаеве» Анка поближе подпускала беляков?

Не Вера, а больше себя успокаивал Женька. Сам он тоже не на шутку встревожился: «Ну чего же они молчат? Может, у них пушек нету? Может, гранатами будут отбиваться?» Если до гранат дело дойдет, то Женька с Веркой окажутся у немцев.

В страхе, который нагоняли ревушие, стреляющие танки, Румба забыла про ночное варварство, про обещанную порку, мокрая, дрожащая легла у ног между Женькой и Веркой.

Танк, который был напротив, приостановился и выстрелил из орудия. Тут и началось! Захали пушки с края нашей обороны. И танк, что шел прямо на ребят, вдруг взвыл мотором и закружился на одной гусенице, будто кто-то пребольно отдал ему вторую гусеницу. Женька пригляделся и восторженно заорал:

— Разули! Молодцы артиллеристы! Видишь, Верка! Снаряд прямо в гусеницу, она и разлетелась.

Вера выглянула и увидела более важное, чем сообщил ей Женька. Из танкового люка вывалился сначала один немец,

потом второй, третий. Они отползли в сторону от подбитого танка и спрятались в каком-то углублении.

Немного правее, ближе к трансформаторной будке — гигантский костер и дым густой, как из трубы мартеновской печи, в которую только что завалили шихту.

— Ур-р-р-ра! — закричал Женька.

— Ур-р-р-ра! — подхватила Вера. — Громи их! Ур-р-ра-а!

Румба вскочила, вздыбила холку, заливаясь, залаяла и бросилась в пролом в стене. Вера так увлеклась, что не сразу сообразила, что кричит «ура» одна. А когда поняла, оборвала крик, взглянув на Женьку, спросила:

— Ты чего?

— А они к нам ползут.

— Кто? — не поняла Вера.

— Немцы. Те, что из танка.

— Где? Не вижу.

Не оглядываясь, Женька пошарил рукой сбоку и взял лежащую винтовку. Винтовка хоть и с лопнутым прикладом, но стрелять из нее можно. Женька загнал патрон в патронник и старательно, как учил его на рубежах солдат дядя Миша, стал целиться. А целиться было трудно. Это не мишень, которая неподвижно висела на стене оврага. Немцы ползли и трудно проглядывались в зарослях спелой огородной лебеды. Ни одного из них не мог Женька «посадить на мушку».

— Вижу! Немцев вижу! — крикнула Вера и попросила Женьку. — Да стреляй же скорей!

Женька выстрелил. Немцы затаились. А немного погодя снова завиднелся в бурьяне шлем танкиста. Женька нажал на спусковой крючок, винтовка хлестко стрельнула и больно двинула Женьку в плечо.

— Убил? — спросила Вера.

— Не знаю, — ответил Женька и открыл глаза.

Немца не было. Но подалее от того места, где он лежал раньше, шевелились кусты лебеды.

— Удирают, — определил Женька.

Румба так осмелела, что не сдержит ее Женька, кинулась бы на фашистов. Женька плотнее придавил приклад к больному плечу, чтобы не сильно отдавал назад, крикнул:

— Назад, Румба! — и выстрелил.

— Ну, что убил? — нетерпеливо спросила Вера.

— Сдыхать побежал, — не повернувшись, буркнул Женька.

Вера рассмеялась.

Атака немцев была отбита. Несколько танков горели. Ос-

тавшие через пепелище подались в гору. Неслись быстрее, чем до этого шли под гору.

Настало время ребятам подумать о себе. Женька, довольный бойцами-артиллеристами, которые так славно разделили фашистов, простил Румбе воровство. Только его удивляла прожорливость собаки.

— Иди ко мне, Румба,— позвал Женька. Румба издала покосилась на него.

— Он не будет драться,— ласково сказала Вера.

— Не буду,— примирительно пообещал Женька.

Румба подошла. Женька, опустившись на колени, помял руками собачий живот.

— Не могла ты столько пожрать. Спрятала? Да? Ну-ка ищи. Ищи, Румба! — приказал Женька. Румба непонимающе глядела то на Женьку, то на Верку и не двигалась с места.

— Конечно спрятала,— подтвердила Вера.— Не могла же она съесть консервные банки.

— Верно,— обрадовался Женька.— Давай искать. Они где-нибудь тут. Ну-ка показывай лапы.

С дотошностью Шерлока Холмса Женька осмотрел передние лапы Румбы. Они были черные от грязи и угля. Значит Румба ходила на пепелище. Но туда она не потащит прятать. Там найдут другие собаки. Значит должно быть где-то здесь. Еще Женька обнаружил: шерсть на сгибах передних ног красная. Запачкала о битый кирпич. А он здесь только в одном месте, там, где бомбой вывернуло фундамент.

Хитра собака, но и ребята с соображением. Вера сразу же обнаружила флягу со шнапсом в красной кирпичной крошке. Отвинтила крышку и жидкость забулькала на землю.

— Ты что делаешь? — подлетел к ней Женька и вырвал уже пустую флягу.

— А зачем он нам? — удивилась Вера.

— Пригодилось бы может. Это ж как лекарство.

Консервные банки были почти на виду. Сколько еще не копались, больше ничего не пашли. Все съела изголодавшаяся за много дней Румба.

БОЯТСЯ ЛИ СМЕЛЫЕ?

Мальчишки бывают разные и по-разному относятся к девочкам. Иные считают, что девочки — самые надежные товарищи. Им можно во всем довериться и они, будь покоен, не выдадут ни тебя, ни твою тайну. Другие считают: девочки, они

и есть девчонки, легкомысленные. Если узнает важное что-либо одна, то — узнают все. Такие мальчишки с девчонками не водятся. Женька об этом думал по-своему. Конечно, не все девчонки легкомысленные. Есть даже и понадежней мальчишек. Но водиться с ними считал делом не нужным. С мальчишками проще. Если что не так — можно и подзатыльника дать. Пообижается немного и перестанет. А с девчонкой попробуй так. Позору не оберешься: с девчонкой сладил. А уж если обидится она, то больше к ней не подходи.

Никогда Женька не думал, что придется ему столько времени пробыть вместе с девчонкой под одной крышей, спать под одним тулупом. Конечно, Верка из тех, кто надежнее мальчишки. И все-таки ему было трудно с ней. Какая-то непонятная она. То Верка вроде бы веселая, не совсем, конечно (какое там веселье на войне), разговаривает, бодрится, шутит, а то вдруг погрустнет, а погрустнев, заплачет. Плачет как-то странно: молча, глаза открыты, а из них крупными градинами слезы скатываются по лицу. Значит, маму с бабушкой вспомнила. В такие минуты Женьке до того жалко ее, хоть сам плачь. Но он понимал — девчонке такая слабость позволительна. А мальчишке... Мальчишка не плакать, а утешать должен. Женька знает это. И злится на себя за то, что не может найти и сказать нужное слово. С языка легче сорвется грубое слово, нежели ласковое. Он пожалеет потом, что сгрубил. Но есть в Женьке такое, что не в каждом мальчишке найдешь. Сам он терпел голод долго. Но стоило Верке сказать, что она хочет есть, и он, рискуя, пошел доставать еду.

До чего же плохо человек устроен: то он есть хочет, а поев — пить ему дай. К вечеру Вера пожаловалась:

— Помираю — пить хочу.

И захочешь — какой день без воды. Но где воду взять? Где? И Женька уже размышляет о новых поисках.

— Потерпи до темноты, Вер, — говорит он. — В танке, что без гусеницы стоит, должна быть вода.

Вера тут же пожалела, что сказала насчет воды. Не хотелось ей отпускать Женьку. Боялась: убьют. Вечером, когда он собрался, она сказала:

— Я уже не хочу пить.

Женька догадался, что хитрит она.

— Я сам пить хочу.

Вера тоже смекнула, что идет он все-таки из-за нее, и решила проявить свой характер.

— Никуда ты не пойдешь.

— Вот тебе раз! Помирать, что ль теперь?

— Не помрешь. Надо терпеть.

— Не хочу терпеть.

— А я не пущу тебя.

Говорит Верка серьезно, вроде бы приказывает. Вот так, бывало, мама говорила батю, когда он просился на рыбалку:

— Никуда ты не пойдешь. На базаре лотки от рыбы ломаются. Возьми деньги и купи какую хочешь.

Ух как обижался батя!

— Сто лет снилась мне твоя базарная рыба! — кипятился он. — Я сам хочу поймать.

Женька тоже обиделся на Верку. Никто она ему, а туда же — «не пойдешь». И он, глядя в упор на Верку, грубо сказал:

— Сто лет мне снились такие командиры. Все равно пойду.

Верка вдруг ухватила руками за Женькины плечи, ткнулась лбом ему в грудь и заплакала. Женька даже оглянулся: будто кто-то мог их увидеть.

— Ну чего ты, Верка? — осторожно попытался он снять ее руку, но она уцепилась еще крепче.

— Я боюсь — ты не вернешься, — рыдая сказала Верка.

— Ты что, ненормальная? — удивился Женька. — Как же я тебя оставлю одну?

— Тебя убить могут.

— Вот еще придумала.

Как тут не пожалеешь, что связался с девчонкой? От досады Женька лег на тулуп. На Веркины уговоры не обращал никакого внимания. Он думал: конечно, можно бы и не ходить, если она не хочет. А идти надо.

— Все равно идти придется, — сказал он из темноты. — Не сегодня, так завтра. А завтра, может быть, в сто раз опаснее будет.

Теперь Верка молчала. Ей-то какое дело. Ну и иди, если тебе так хочется. И вообще, она больше не будет с ним разговаривать. И опять прежние мысли одолевали мальчишку: «Отправить бы Верку за Волгу. Ноги у нее теперь не болят — ходить может. Опасно, правда, кругом мины. Вот влип так влип: сиди теперь с ней. Чего доброго, и повоевать с фашистами не придется, прогонят их наши». А Женьке страсть как хотелось воевать, за мамку отомстить. Верка не умолкает, уговаривает. Женька слушает и досадливо думает: «Тоже умница: «Не ходи, не ходи...» Конечно, можно бы и остаться. Но без воды долго им так и так не протянуть.

Женька взял флягу из-под шнапса, отвинтил крышку, вы-

плеснул остатки. Кликнул Румбу. Без нее в танк лезть опасался. Залезет, а немцы тут как тут, накроют. Румба же обязательно залает, если кто будет подходить.

Румба как будто ждала, когда Женька ее позовет. Услышала свою кличку и с готовностью вскочила, нетерпеливо завертелась, приглашая Женьку к выходу.

Еще свежи в памяти страхи, которые он пережил, когда ходил домой за картошкой. Что ни говори, шел к фашистам почти в лапы. И вот он снова пробирается, ползет. Да еще как ползет— головы не поднимает, потому что на пустыре, при свете ракеты он весь на виду, а позади стоят пулеметы, а около них пулеметчики, которые стреляют будь здоров как метко. Подумают, что немец, чесанут и — поминай, как звали. Женька нагляделся на их работу. Сколько раз бросались фашисты в атаку. Да только ничего не выходило у них. Как заработают наши пулеметы, так фрицы к земле прижмутся и уползают, как раки. А те, которые не хотят прижиматься, снова поднимают своих в атаку, падают и уже не поднимаются никогда.

И чтобы не так было страшно, Женька решил, как тогда, петь. Песня от страха, как он понял, хорошо помогает. Но она не пелась, потому что в голову вдруг некстати засела мысль: «А что если какой-нибудь из пулеметчиков заметит все-таки меня?». Женька вообразил, как длинная очередь пройдет через него, и ему стало жарко. Руки и ноги не хотели дальше двигаться. Разглядев впереди себя какую-то железину, Женька все-таки заставил себя подтянуться к ней. Вытерев рукавом вспотевшее лицо, Женька подумал: «Неужели я трус?». Ему стало обидно за себя. Всегда считался храбрым. И, вроде бы, правильно считался. Волгу переплыть не каждый решится, а он переплывал. С парашютной вышки тоже...

Прыжок с вышки вспомнился в подробностях. Было это немногим больше года назад, за несколько дней перед началом войны. Собрались пацаны около парашютной вышки поглазеть на счастливых парней и девчат, прыгающих с парашютом. И вот там Женька сказал друзьям, что он тоже прыгнет. Ему не поверили. Не потому, что он может струсить, а просто это было невозможно. На вышке работал дядька Степан по прозвищу Ходячая Инструкция, который ни за какие деньги не разрешал прыгать подросткам. Не положено. Правда, Женька имел маленькую надежду — этот дядька был хорошим приятелем бати, он часто бывал у них в гостях. Надеяться, конечно, можно было, но он слишком рисковал, когда говорил: «Вот увидите — я прыгну». Венька вполне резонно возразил:

— Он хоть и приятель ваш, а все равно Ходячая Инструкция. Не разрешит.

— Разрешит,— уверенно сказал Женька.

Дело дошло до спора. Женька не заметил, как в горячке наговорил столько, что теперь хоть умри, а прыгнуть должен. Но отступать было нельзя.

— Если что — отдашь мне Туза,— сказал Венька. Спорить так спорить, и Женька высказал тоже почти невозможное желание.

— А ты... переплывешь Волгу.

Венька не особенно сильный пловец: ему бы отказаться, но он настолько уверен в Ходячей Инструкции, что запросто согласился.

Два дня подряд ходил Женька за Ходячей Инструкцией. Два дня клянчил. Доклянчился до того, что тот пришел к Женькиному батю с жалобой.

— Уйми ты своего ветрогона, — взмолился он.— Замучил. Прыгнуть с вышки захотелось.

— Неужели?! — удивился отец, и, как показалось Женьке, даже обрадовался.

— Ну, что я врать буду,— подтвердил дядя Степан.— Проходу не дает.

— Неужели не побоишься, прыгнешь? — спросил Женьку батя.

— Думаешь нет? Еще как прыгну.

— Да ведь высота большая. Страшно поди.

— Все равно прыгну.

— Ну и прыгай.. Только чтобы мать не знала. Беда нам с тобой будет.

Дядя Степан глаза вытаршил на Женькиного отца.

— Ты в своем уме?

— А что, пускай покажет, чего он стоит. Казак он или не казак?

— Не положено по инструкции,— категорически заявил дядя Степан.— А если разрыв сердца получится?

— Ничего не случится. У кого слабое сердце, тот побоится об этом подумать. А насчет того, что не положено, ты брось.

Слово за слово — уговорил. Согласился дядя Степан, но при одном условии: прыгать Женька будет без свидетелей. Кроме отца у вышки — чтоб никого! Женька не мог так. У него спор, ребята должны видеть.. Венька нашел выход из положения.

— Мы в кустах посидим, прыгай.

И радостно Женьке и тревожно было, когда поднимался на

площадку. Наполовину он уже выиграл спор, но теперь нужно прыгнуть. Хватит ли храбрости?

— Ты пока на землю не гляди,— подгоняя подвесные лямки, посоветовал дядя Степан.— На Волгу гляди, не так страшно.

Женька глядел на кусты. Там ребята. Ждут. И батя, задрав голову, ждет, когда сын покажет, чего он стоит. Туз вертится у ног бати, тоже глаза пялит наверх и лает, переживает за Женьку.

— Ну, иди.

Женька стал на край площадки и, увидев под собой землю, оторопел. Дух перехватило. Высоко.

— Пошел,— скомандовал дядя Степан.

— Грыгай, не трусь! — крикнул отец.

Пес залился лаем, будто понимал, что им придется расстаться, если струсит Женька. Женька закрыл глаза и шагнул в воздух. Как он летел — не помнил. Его сильно потрянуло, и он открыл глаза. Земля ползла ему под ноги. Выдержало сердце! Не разорвалось. От радости Женька заорал дико, несуразно. Кусты зашевелились, засвистело в них. Это ребята освистывали проспорившего Веньку.

Батя (Вот человек! Лучшего бати ни у кого нет.) почти на лету поймал Женьку. И тискал его, гордый, счастливый, похвалил:

— Казак! Настоящий казак! Не подвел. Спасибо, сынок.

Пока дядя Степан спускался с вышки, Женька признался отцу:

— Наверное, я плохой казак. Знаешь, как боялся прыгать.

— Храбрость в том и заключается, что человек заставляет себя побороть страх. Ты поборол. А таких людей на свете нет, которые ничего не боятся.

Веньке не пришлось выполнять Женькино желание. Началась война, другая жизнь пошла и плыть через Волгу ради спора было просто глупо.

Всю жизнь потом считался Женька храбрым, а вот сейчас снова усомнился в себе. Как бы теперь батя о нем подумал? «Надо побороть страх. Обязательно надо!» — так сказал бы ему батя.

Женька еще раз вытер лицо и, налегая на локти, обогнул железину. Впереди, кажется, кто-то загомонил. Румба прыгнула ушами, насторожилась, зарычала.

— Громко нельзя,— предупредил собаку Женька.

Проползли еще немного. Вот уже вырисовывается в темноте черная глыба танка.

Женька привязал Румбу к зубчатому колесу, забрался на гусеницу и приложился к танковой броне ухом. Внутри танка тихо, спокойно. Переждал, когда погаснет пролетевшая стороной ракета, и полез в открытый люк.

Продвинувшись ощупью вперед, Женька понял, что пришел сюда напрасно. В танке, видимо, и днем не так уж светло, а ночью, тем более, ничего не увидишь. Разве с помощью кресала можно? Женька достал «катюшу» и стал кресалить.

Искры на долю секунды разгоняют темноту и очень ясно высвечивает все, что находится в танке. Но темнота мгновенно проглатывает искровый свет. Женька успевает увидеть мельком что-нибудь одно. Но чтобы разглядеть как следует — надо кресалить несколько раз. Вот он высветил приборы, вот сиденье водителя, вот... снаряды.

Темнота надолго проглотила свет. Видел он много разного, но не видел никакой посуды, в которой танкисты могли бы держать воду для питья.

«Ночью тут делать нечего, — решил Женька. —

А вода все-таки должна быть. Не могут танкисты воевать в этой душной железине без воды».

Женька выбрался из танка, чтобы вернуться в него пораньше утром.

В РОДНОМ ДВОРЕ

В предрассветных сумерках сладко спится. В это время снятся особенно обнадеживающие, такие хорошие сны, что их хочется смотреть без конца. Румбе часто видится свое подворье, Венька, хозяйин с хозяйкой. Они снятся так привычно, по-старому, будто нет и не было войны. Вот выходит на крыльцо хозяйка с большой миской вкусных вчерашних щей.

— На, Румба, ешь.

Появляется Венька с колбасой, порезанной кружочками. Он показывает кружочек колбасы и говорит Румбе:

— Ходи, Румба.

Румба знает — если она пройдет на задних лапах от крыльца — получит кусок вкусной колбасы. И ей удовольствие, и Веньке не меньше. Она делает стойку и, прижав передние лапы к груди, неловко шагает до калитки, а там, опустившись на все четыре, в несколько махов подлетает к Веньке и радостная, довольная, выхватывает заслуженную порцию колбасы. В последнее время Венька учил ее ходить на передних лапах, но Румба так и не захотела. И каждый раз, когда дело доходило до трудного «урока», Румба ложилась на живот и, косясь на Веньку, облизывалась, однако колбасу не принимала. Не нужна ей колбаса, за которую требуют от нее выполнять ненужное для дворовой собаки дело.

Венька, петерпеливый, горячился, обзывал Румбу бестолковой собакой. Румба в таких случаях терялась, делалась еще бестолковее и забывала даже то, что хорошо и легко умела выполнять. Это еще больше сердило Веньку. Иногда Румбе приходилось удирать с «уроков» и скрываться на улице до тех пор, пока учитель не успокаивался. А потом они снова были самыми неразлучными друзьями.

Сейчас ей увиделся хозяйин, пришедший с работы. Он ничего от нее не потребовал, а достал из кармана газетный сверток с кусками, оставшимися от обеда. Они припахивают сосновыми стружками и табаком, но все равно вкусно. Вообще запах стружек ей очень нравится, потому что всегда напоминает доброго хозяина, у которого работа связана с деревом.

И вот, когда видятся приятные сны, ей приходится просыпаться и, не дожидаясь, когда Женька поделится куском, бежать по холоду искать что-нибудь поесть. Днем не побежишь, опасно.

Румба проснулась, когда ребята еще спали. Потянулась и, тонко взвизгнув, зевнула. Впечатление после увиденного сна исчезло сразу же, как только она открыла глаза. Но вместе с этим появилось большое желание побывать дома. Ведь там, под яблоней она спрятала сухарь, который когда-то подарил старый и добрый солдат дядя Захар. Тут же вспомнился немец, стрелявший в нее. Но он виделся как-то отдаленно, чувство страха, которое она испытывала тогда, уже притупилось. Его хватало всего лишь на то, чтобы напомнить собаке об осторожности. Забыв о Женьке с Веркой, Румба побежала домой.

Казалось, жить невозможно на войне. Где еды достать, где найти покой и уют? Но вот прошло время, Румба привыкла к взрывам, от которых колыхается земля, к опасному посвисту пуль. Пришлось изменить некоторым привычкам, и оказалось, что жить можно.

В своих многочисленных вылазках, которые Румба делала с Женькой в поисках еды, она научилась многому. Если грозила опасность и надо было лечь и лежать прижавшись к земле, собака прижималась. Она ползла, если надо было ползти, стремглав бежала, если так было надо. Где ползком, где бегом, мимо убежищ, в которых слышался незнакомый людской говор, она прошла на свое пепелище.

Двор почти не узнать: ни забора, ни калитки, все смято, поломано гусеницами танков, сожжено. Однако двор оказался обжитым. За убежищем Румба заметила кусок телефонного провода, протянутого между двумя яблонями. На нем сушилась тряпица. Радостная надежда шевельнулась в груди собаки. Забыв осторожность, Румба побежала к убежищу. Так и есть. Раньше убежище было открытое, теперь на входе висит дверь. Значит, приехали хозяева! Румба кинулась вниз, лапами толкнула неплотно закрытую дверь. Она легко подалась и, скрипнув, отворилась. Румба просунулась и остановилась, как вкопанная. Запах хозяев она могла отличить из тысячи других запахов. Из убежища на нее пахнуло духами, порохом, мясными консервами. Эти запахи навели на Румбу тревогу. Нет, это не хозяева, здесь живет кто-то чужой. Румба повернулась, чтобы уйти, и увидела, что дверь в убежище закрылась. Она поднялась на задних лапах и принялась скрести передними дверь,

пытаясь открыть ее. Дверь не открывалась. К своему ужасу Румба услышала за дверью чьи-то тяжелые шаги. Она отступила немного. Сейчас, как только идущий откроет дверь, она ринется в щель.

Это был немец, тот самый немец, который однажды чуть не застрелил ее. Румба кинулась ему под ноги. А он, испугавшись, схватил ее за шею руками. Румба изловчилась и, хрипя от удушья, вонзила зубы в руку фашиста. Он заорал и выпустил собаку.

Румба пришла в себя уже на нейтральной полосе. Она вдруг услышала осторожный металлический звук. Осматриваясь вокруг, замерла. Никого. Хотела бежать дальше. Стук повторился и вместе с ним из танка послышался знакомый, приглушенный броней кашель. Румба узнала Женьку и побежала к танку. Поскреблась по холодному металлу, залаяла, предупредив Женьку, что она здесь. Женька выглянул из танкового люка, нахмурившись грозно приказал:

— Ложись!

Румба и не думала выполнять приказ. Прыгнув на уцелевшую гусеницу, потянулась передними лапами к люку. В глазах преданность, любопытство, желание попасть к Женьке; в голосе — жалобливая просьба.

— Да иди ты отсюда! — с огорчением прикрикнул Женька. — Ведь увидят тебя. Ложись! Кому сказано!

Румба спрыгнула на землю. Ничего не поделаешь — надо лежать и ждать, когда он выберется или позовет к себе.

Светало. В танке становилось светлей. Женька внимательно вглядывался в закоулки танка, шарил руками и не находил того, зачем пришел. Попался под руку блестящий пистолетик, который свободно умещался на мальчишеской ладони. Женьку заинтересовала эта находка. У пистолетика должны быть патроны и пули. Вертел его и так и эдак, искал, где заложены патроны, и не нашел. Прицелившись в смотровую щель танка, нажал спусковой крючок, пистолетик коротко шоркнул чем-то и в дульном отверстии вспыхнул огонь. Женька понял, что это бензинка, подивился немецкой диковинке, оценил ее и положил в карман: хорошая вещица, он непременно сохранит ее и подарит бате, когда тот вернется с войны.

И еще Женьке попалось такое под руку, от чего он на время забыл о воде. Находкой оказалась красивая с металлическими застежками сумка. Его охватило радостное возбуждение от мысли, которая тут же пришла в голову. «А вдруг здесь карта и очень важные документы?» Женька позволил себе по-

мечтать. В этих документах тайные замыслы врагов. Женька возьмет нужные бумаги и, когда переберется к своим, непременно потребует, чтобы его доставили к самому главному командиру над всеми сталинградскими бойцами. Он отдаст эти документы, и тогда главный командир придумает такую хитрость, о которой никогда не догадывались враги. И поведет он своих бойцов, и ударит по врагу там, откуда никто не ждет их.

Думая так, Женька пробрался поближе к танковому люку, где достаточно было света. Расстегнул сумку. Вроде бы ничего интересного: деньги, письмо — то ли полученное из Германии, то ли не отправленное туда. И выбросил бы все, но заинтересовали фотографии. На одной были женщина, мальчик и девочка. Это, наверное, семья танкиста. Женька удивило то, что немцы совсем не похожи на немцев. По его убеждению они должны быть суровыми, мрачными. А эти улыбаются, глаза у всех веселые. Может быть, это вовсе и не немцы? Может, русские? Вон девчонка курносая, чем-то походит на Верку. Да и мальчишка самый обыкновенный, только прилизанный. Женька посмотрел на обратную сторону, написано по-немецки, значит — немцы. На другой фотографии... О, здесь были настоящие фашисты. По деревенской улице мчится танк. В танке, по пояс высунувшись из люка, сидит немецкий офицер. Впереди танка бегут три женщины и мальчик с девочкой. Мальчик, схватив за руку девчонку, бежит изо всех сил, она, запрокинув голову, еле поспевает за ним. Танк вот-вот подомнет их... На третьей — погибший советский солдат, лежит вверх лицом. Поставив ему на грудь ногу, снялся лысый убийца — победитель. Женьку даже передернуло — как можно фотографировать это? Как можно хранить такие фотографии?

Повизгивая, в танк заскреблась Румба. Женька положил за пазуху сумку, высунулся из люка и тут же нырнул в танк. Нарастающий воющий звук располосовал утреннюю тишину и оборвался взрывом, между танком и развалинами. Румба забилась под машину. И тут же звонкий, металлический грохот ударил по ушам. Танк тряхнуло и слегка оторвало от земли. Румба кубарем из-под него и закружилась, в беспамятстве трясла головой, разбрызгивая на траву сочившуюся из ушей кровь.

Черный дым вместе с пламенем хлынул из танкового люка и будто выбросил Женьку. Женька свалился на землю и, закрыв лицо руками, покатился по бурьяну, сбивая с одежды огонь.

Как не хотелось Вере, чтобы Женька шел в этот танк. Будто знала, что произойдет. Когда ухнули неподалеку друг за другом два взрыва, сердце так и сжалось и с ее губ невольно сорвалось: «Женя-а!» Она выбежала посмотреть. Так и есть! Но Женька живой. Он бежит к развалинам. Румба, стелся над землей, обогнала Женьку. Вот она уже у развалин, Женька еще далеко.

— Быстрее, быстрее!— машет руками Вера медленно бегущему другу.

Румба проскочила мимо развалин и, не сбавляя бега, направилась к оврагу.

— Румба! Ко мне! Стой, Румба!— пыталась остановить собаку девчонка. — Там же мины!

Вера ждала с секунды на секунду взрыва. Но Румба нырнула в промоину и скрылась в глубине оврага.

Женька бежал к подвалу не прячась. Со стороны нашей линии обороны полетели снаряды на вражеские позиции. Это артиллеристы, защитники Сталинграда заметили, что немцы начали бить по мальчишке с собакой и решили спасти их.

Женька с ходу прыгнул в пролом в стене, бросился в подвал.

Стрельба не прекращалась. Ухали наши пушки, хрюскали немецкие снаряды. Начинался новый день, начался новый бой.

В САМЫЙ ОПАСНЫЙ МОМЕНТ

Вера хлопотала около Женьки. И не столько хлопотала, сколько по-девчоночьи жалостливо ойкала, глядя, как заплывали водяными пузырями веки, губы, щеки. Женька вертел головой, и, скрипя от боли зубами, кряхтел.

— Что же теперь делать?— сокрушалась Вера.

— Танки идут, слышишь?— отозвался Женька.— Выгляди, далеко они?

Вера выбежала из подвала. Танки снова шли по Карусельной, позади них толпами трусили автоматчики.

Вера, не раздумывая, кинулась к Женьке.

— Уходить надо!— крикнула она.— Автоматчики наступают. Я видела, где Румба пробежала, там нету мин.

Женька приоткрыл щелочки запыленных обожженных глаз, сказал что-то неясное. Вера наклонилась и подула на горящее от ожога лицо друга. Женька заскрипел зубами, застонал и замотал головой. «Бредит»,— подумала Вера и, ломая до щелка в суставах пальцы, повторяла:

— Что же делать? Что делать?

А вокруг них все выло, ухало. Вера, увидев бегущих за танками автоматчиков, подумала, что на этот раз их не сдержат. Сердце подсказывало, что уходить надо непременно. Немцы обязательно дойдут до них.

— Женья, пойдем!— стала просить она друга.

Женька не откликнулся и все крутил головой. Вера схватила его под руку и, пятась, потащила к выходу. Прямо не верилось: не из больших Женька, а неподъемный. Не дотащить его. И неловко держать— у Веры сразу же заболела спина, и на плечи не взвалишь— сил нет. И за руки его не возьмешь— все в пузырях.

Вернувшись в подвал, Вера осмотрела тулуп, взяла руками одну полу, ногой наступила на другую, поднатужилась, — и тулуп с треском разъехался по швам. Правильно сделала. Теперь Женьку можно тащить волоком. Только бы не заметили немцы.

Вера продвигается на каких-нибудь полметра и подтягивает Женьку, отползает и снова подтягивает.

Как еще далеко до оврага. А танк — вот он, огромный, лобастый, взобрался на взгорок, и под его днищем Вера увидела много мелькающих в беге ног. Это автоматчики! Женька пришел в себя и вскочил:

— Вера! Вера! — глаза у него совсем заплыли.

Вера бросилась на него и придавила к земле.

— Не поднимайся. Может не заметят,— попросила она.

Их выручили наши бойцы! Какие молодцы артиллеристы!

Снарядом прямо в лоб танку! Да так, что из него не выскочил ни один немец, а те, что бежали позади, сначала попадали за гусеницы. Но танк загорелся, задышал жаром, и фашисты, словно дождевые черви, расползлись по сторонам, попрятались в воронках.

— Ложись, я поташу,— приказала Женьке Вера.

— Не надо. Я сам. Ты вперед ползи и отзывайся, чтобы я слышал, где ты. Ползи. Я за тобой.

Каждое, даже самое маленькое, прикосновение лебеды к ладоням причиняло Женьке нестерпимую боль. И он, чтобы лебеда реже попадалась под руки, поднял ладони к лицу и передвигался на локтях. Вера оглядываясь, подбадривала:

— Осталось немного! Потерпи, выйдем к своим. Тебя быстро вылечат. Лишь бы глаза огнем не повредило.

У самого обрыва им навстречу выбежала Румба.словно на охоте, словно и боя нет, она бегала около ребят, что-то вы-

нюхивала на земле, крутила головой, хлопая ушами, будто старалась избавиться от назойливых мух. Вера крикнула:

— Румба! Ко мне!

Ни капли внимания! Бегает, нюхает, крутит головой в все тут.

— Ложись, Румба! — сердито крикнула Вера.

Румба продолжала бегать.

— Ползи ближе! — позвала Вера Женьку. И когда тот улегся плечо в плечо, сказала: — Обрыв тут высокий. Сначала я слезу, потом тебя сниму.

— Ладно, валяй, — согласился Женька и, продвинувшись, пощупал рукой край оврага.

Румба заметалась по краю кручи, залаяла, но к протянутым ей рукам не пошла. Вера решила, что она управится без их помощи, села на землю и велела сестре Женьке. Невидящему епускаться по крутому склону сидя лучше.

— Поехали, — сказала она и двинулась вниз.

Румба прыгнула с кручи на склон и, кувыряясь, полетела мимо ребят до самого дна оврага. Не зашиблась, стала на ноги, побежала вниз к Волге. Вера и Женька прошли не больше сотни метров, когда девочка в испуге остановила Женьку. Впереди, из-за крутого глиняного выступа, высунулась солдатская голова в каске. Увидав нацеленный на них автомат, Вера завопила не своим голосом:

— Не стреляйте, дяденька!

— Не стреляйте! Не стреляйте! — замахал руками Женька. Автомат опустился. Солдат вышел навстречу из-за своего укрытия. И погрозил издали кулаком.

— Какого черта шляетесь здесь? Сопляки несчастные. Как мух перебил бы!

— А ты что ослеп, что ль? — осмелилась вдруг Вера.

— Не ослеп. Может ты переодетый фриц.

Солдат, видно, из новобранцев. Шинель, каска на нем новенькие. Да и лицо еще не обветрено. Необстрелянному новичку все события на передовой казались необыкновенными, о них ему хотелось рассказать. Но кому? Не тем же, которые здесь с первых боев. А девочка как раз кстати.

— На днях вот тоже... — начал он. — Бегают женщина с ведрами к Волге. Раз, другой, третий, бежит с кручи. Одета в женское, а походка-то все равно мужская. Задержали, а это фриц...

— Ты что не видишь, человеку плохо? — спросила его Вера. — Доктора бы...

Солдат, кажется, и в самом деле не обратил внимания на Женьку. И теперь, разглядев его, с испугом спросил:

— Где это тебя так?

— В танке. Быстрее, дяденька... — нетерпеливо попросила Вера.

Они шли ходами сообщений. Неожиданно Вера столкнулась со старым знакомым, с тем самым усатым солдатом, который спас ее, когда она тонула в Волге.

— Дядя Захар! — крикнула Вера, бросилась к солдату.

— Живая? — удивленно спросил он.

— Помоги, дядя Захар. Это мой друг, Женька.

— Ах, ты! — обеспокоенно воскликнул дядя Захар и схватил Женьку за руку. — Скорей, скорей.

Медпункт находился около самой реки в глубокой нише, вырытой в отвесной круче. Санитары приняли Женьку. Дядю Захара и Веру не пустили. Уходя за санитарями, Женька полез за пазуху, достал сумку, которую нашел в танке, отдал Верке.

— Не затеряй, гляди, — предупредил он.

Они присели около грубо сколоченной двери на ящиках изпод боеприпасов. Вера раскрыла сумку. Дядя Захар придвинулся поближе, стали разглядывать фотографии. Глядели молча, долго, потом дядя Захар сложил их, подобно картам и, размышляя вслух, проговорил:

— Этим фотографиям цены нет. Отдай-ка мне их. А я передам в нашу дивизионную газету, — попросил он. — Пускай все бойцы посмотрят.

— Возьмите, — согласилась Вера, — Вот еще какой-то листок. Может быть важный, пригодится.

Дядя Захар аккуратно завернул в письмо фотографии и положил в карман гимнастерки. Внимательно поглядев на Верку, проговорил:

— А я думал, что тебя не увижу в живых. — И спросил: — Как это ты уцелела под бомбами?

— Я сама не знаю. Не помню.

— Чудно. Осколки сплошняком летели и ни один не задел. Счастливая.

Вера поскущчала, опустила голову. Дядя Захар понял, что не к месту сказал о ее счастье, поспешил поправиться, спросил участливо:

— Отец воюет?

— Извещение получили.

— Значит, никого.

— Никого.

— Да-а, — подумав немного, спросил. — С кем же будешь жить?

— У Женьки, — серьезно сказала Вера. — Мать у него в бомбежку погибла. Отец живой. Вернется и будем вместе.

— Вернется? — усомнился дядя Захар. — А тех ребят в лодке, помнишь?

— Одного, лейтенанта, помню.

— Нет их.

Он полез в карман, достал клочок бумаги и крошечный, едва вмещающийся в его крупных пальцах карандашный огрызок, стал что-то писать. Вера увидела неподалеку Румбу. Собака смотрела на Веру и хотела подойти, но опасалась солдата. Вера, как человеку, махнув рукой, позвала собаку к себе. Румба поняла и подошла. Села рядом и, быстро повертев головой, принялась ласкаться. Дядя Захар, кончив писать, глянул на собаку, снова удивленно воскликнул:

— Рыжуля! Живая?

— Живая, — сказала Вера. — Ее Румбой зовут. Мы с ней вместе почти с первого дня. Умная собачка. Наверное, ранило ее. Видите — головой крутит и крутит.

Дядя Захар загреб широкой ладонью Румбу, подтащил к себе и, положив ее передние лапы на свои колени, заглянул сначала в одно ухо, потом в другое. В ушах виднелась кровь.

— Перепонки лопнули у нее, — определил он. — Глухая она теперь, — повертев в руках бумажку, свернул четверо, подал Вере. — Вот тут мой адрес: военный и домашний. Напиши обязательно. Может, помощь какая понадобится. Напишешь?

— Напишу, дядя Захар.

ЕЩЕ ОДНО РАССТАВАНИЕ

Поздно вечером подошел военный катер. На берегу столпились раненые солдаты, санитары с носилками. Румба, предчувствуя беду, терлась о Верины ноги, мешала ходить. Вера подбегала то к одним носилкам, то к другим, стараясь разглядеть, на которых несут Женьку. Увидев, позвала его. Женька повернул к ней перебинтованную голову.

— Ты смотри, тут не оставайся,— сказал Женька.

— Нет. Я с тобой.

Подошел дядя Захар. В руках вещевого мешок. Он пристроил его девочке на плечи, объяснил:

— Харч кое-какой, на первый случай. Не потеряй мой адреса.

— Не потеряю,— пообещала Вера, поправляя на плечах тяжелую ношу.

Ушли с берега санитары. Тихо переговариваясь, поднялись на кручу бойцы, приплывшие на катере с левого берега. Дядя Захар и Румба остались вдвоем. Солдат прислушивался к небу: не гудят ли вражеские самолеты — хоть бы успел подойти катер к тому берегу до полета. Прислушивался к Волге. Шум уходящего катера доносился все глуше и наконец совсем исчез. «Теперь успеют»,— обрадованно подумал дядя Захар.

Румба вглядывалась в темноту, висящую над Волгой. Ей не верилось, что ребята уехали совсем. Она забеспокоилась и пыталась завывать. Дядя Захар запустил пальцы рук в косматую собачью шею, попросил:

— Не надо, Румба. Жалко мне тебя, а помочь твоей беде невозможно.

Румба не слышала, о чем он говорил, но его присутствие сдерживало ее, не давало волю тоске, которая так и рвалась из ее собачьей души. Но как только дядя Захар ушел с берега, Румба, оставшись наедине с ночью, задрала голову и долго ее не опускала, плакала в голос. Слушая ее, дядя Захар разволновался и не мог уснуть. В самом деле: как ей теперь жить — оглушенной? Кому нужна контуженная собака? Думал о Женьке и Вере: что с ними теперь станет? Кто приютит ребят, если не вернется Женькин отец? Кругом беда. Им бы подальше от этой беды. Тула, на Урал...

От последней мысли дяде Захару стало не по себе. Как все просто могло бы получиться, догадайся он вовремя предложить ребятам поехать в Чердынь и жить у него. Он лежал, слушал голос Румбы и поругивал себя. «О харчах позаботился

для ребят, отправил их за Волгу. А о самом главном забыл. Эх, Захар, Захар! Постарел, недогадлив стал».

Растревоженный дядя Захар поднялся с топчана и осторожно, чтобы не разбудить уставших за день бойцов, вышел на улицу и тихо прикрыл дверь. Тот самый часовой из новобранцев попросил его:

— Сходи, дядя Захар, на берег. Прикончи ее. Душу раздирает, не могу слушать.

Дядя Захар спустился. Румба не слышала его шагов, но уловила их по едва заметным колебаниям окаменевшей от мороза земли. Оборвала вой, оглянулась и, поднявшись на ноги, повернулась к нему, смущенно опустив голову. Дядя Захар, присев на корточки и осторожно зажав ладонями ее голову, сказал:

— Пойдем со мной. Я привяжу тебя. А не то прибьют.

Накинул на шею кусок провода от полевой телефонной связи. Румба нехотя поплелась за ним в гору. Увидев их, солдат спросил дядю Захара:

— Пожалел?

— Да ведь убить — что плюнуть. Долго ли? Только за что? За то, что по человеку тоскует? Пусть живет.

— Я, дядя Захар, не какой-нибудь изверг,— стал оправдываться солдат.— Жалко ее. Мучится она.

— Вот приласкаю, прикормлю, забудет она ребят. Ко мне привыкнет и тоска пройдет. А без меня останется — другой кто-нибудь приласкает. Людей добрых, особенно на войне, брат, много.

Дядя Захар присел на холодный кусок заводского шлака, попросил закурить. Румба доверчиво сунула в ладони новому хозяину мокроносу морду.

— В блиндаже закуришь,— подавая махорку, сказал солдат.— На огонек пуля может прилететь.

— Я из рукава буду тянуть,— сказал дядя Захар и, закрывшись полой шинели, стал чиркать колесиком самодельной бензинки. Прикурив, спросил солдата:

— Как думаешь, напишет мне девчонка письмо?

— А какая корысть писать ей тебе письма?— усмехнулся солдат. Дядя Захар уловил в усмешке обидную для себя и девчонки нотку.

— А ты все делаешь корысти ради? Ну, а если просто так. Ведь у нее родителей нет. А я ее как-никак от смерти спас.

— Ну, если так, то обязательно напишет,— поправился солдат.

— Должна бы. Я понимаешь, брат, промашку дал. Надо бы ребят послать в Чердынь. Пускай бы пожили у меня до конца войны. Хозяйство мое справное. Бабке — и забота, и помощь.

— Это ты правильно решил. Благородно, — оценил солдат задумку дяди Захара. Эта оценка очень не понравилась дяде Захару. Не в ней дело. Просто ему хотелось поговорить, душу отвести. А он «правильно», «благородно».

— Ну и сухарь же ты, — сказал солдату дядя Захар.

— Ты, дядя, шел бы спать, — посоветовал солдат. — Я же на посту. Разговоры разговаривать мне с тобой неположено.

— А-а! — удивился дядя Захар. — Я ведь и забыл.

...Ну вот, кажется, пришла хорошая, сытая жизнь. Новый хозяин заботился о ней. Да и не только он. Каждый солдат старался одарить чем-то вкусным глухую собаку. Но больше всех с ней возился дядя Захар. Он засыпал ей уши стрептоцидом и незлобливо бранился, когда Румба начинала крутить головой. Порошок высыпался. Дядя Захар грозил пальцем.

— Я же тебе добра хочу. Лечу тебя, а ты сама себе вредишь, — ворчал он. По движению губ, по недовольству, которое виделось в его глазах, она догадывалась, что он бранит ее, старалась угодить ему, но боль и неотвязный металлический звон, который вселился в нее вместе с разрывом снаряда, заставлял ее забываться и она пыталась вытряхнуть и боль, и звон, и глухоту.

Жизнь была похожей немного на домашнюю — она на привязи и конура есть своя. Еще какая конура! Неподалеку от батареи вверх дном лежала стальная заводская шлаковня. Дядя Захар подрыл под кромкой шлаковни землю, получился лаз. Загнал в землю валявшийся рядом стальной прут, привязал собаку, подтолкнул ее к лазу. Румба уперлась. Не могла она вот так сразу забраться в незнакомое убежище. Ей надо было убедиться в том, что там никого нет. Как только ушел дядя Захар, Румба сунула нос в отверстие, понюхала. Из-под шлаковни пахло мышами. Забралась. Там было темно, просторно, безветренно, спокойно. Ни у кого не было такого надежного укрытия над головой, как у нее. Днем, когда шла перестрелка, ей ничто не грозило. Совсем рядом взрывались снаряды, осколки бухали по шлаковне и, рекошетя, врезались в землю или тонко бруня, уносились в небо. Конечно, шлаковня звенела при этом. И будь это раньше, Румба порвала бы привязь и убежала бы в какую-нибудь яму, где тише, где меньше звона. Но она была глуха.

Румба жила спокойно. После голода, после страха, который

испытывала раньше, помногу спала. Она видела много разных снов. Сны все больше о том, что случилось наяву. Несколько раз видела свое старое подворье, Веньку. С какой охотой, с какой радостью она выполняла Венькины команды!

Недолго у нее была сытая, спокойная жизнь. Ее прервал осколок немецкого снаряда, который упал в расположение батареи.

Дядя Захар не понял сначала в чем дело, будто дубиной долбанул кто-то по руке. Глянул — кровь и тут же ощутил нестерпимую боль. Румба видела, как он поморщился, стараясь не закричать, как быстро прыгнул он в траншею и побежал к Волге. Румба дернулась вслед за ним. Перекрученный провод лопнул. Она догнала хозяина у дверей медпункта и не ушла от нее до самого вечера, все ждала дядю Захара.

Все было как и прошлый раз. Пришел военный катер, собрались санитары с носилками. Вышел и дядя Захар. Румба кинулась к нему лапами на грудь, словно хотела остановить его, не пустить на этот ненавистный катер, который принес ей столько горя.

— Ну что ты, что ты, Рыжуля. Нельзя мне тут быть. Без руки останусь,— глядя ей холку, говорил дядя Захар. Отстранив пошел к трапу, но остановился, крикнул:

— Попов! Леша!

Подбежал солдат из новеньких.

— Вот что, Леша. У тебя нож есть? — спросил.

— Есть,— ответил солдат.

— Полезь ко мне в карман и достань табакерку.

Солдат достал. Дядя Захар приказал оторвать от нее крышку, повернуть в уголках две дырки и, когда дырки были готовы, попросил:

— Наковыряй ножом вот такие слова: «Эта собака оглохла в Сталинграде».— Солдат наковырял слова, сделал из провода ошейник, подвесил на него крышку с надписью, надел Румбе на шею.

— Значит, снова без хозяина,— на прощание сказал дядя Захар и посожалел.— А помочь тебе нечем. Перебьешься как-нибудь, не долго, гляди осталось.

Дядя Захар поднялся на катер по шатким, пружинящим сходням. Постоял в задумчивости и окликнул Лешу Попова. Леша с готовностью отозвался.

— Присмотрел бы ты за собакой? — попросил молодого друга дядя Захар.

— Присмотрю,— как-то неуверенно пообещал солдат.

ДОРОГИ СХОДЯТСЯ
(вместо эпилога)

Дядя Захар не думал, не предполагал, что останется живым на этой войне. Что думать-гадать, когда смерть ходит по пятам. Но он и не думал, что погибнет. Не все же люди гибнут на войне.

Госпиталь, в который его направили, был расположен в одном из заволжских поселков. Добравшись на попутной машине, он выбрался из кабины и столкнулся с Верой.

— Дядя Захар! — окликнула она. — Вы ранены?

— Верунька, ты тут? — удивился он.

— Тут. Женя лежит, поправляется. Глаза у него целые. Скоро выпишут. А я помогаю докторам, — похвалилась Вера.

Дядя Захар сбросил с плеча вещевой мешок.

— Ну-ка развяжи. Тут есть кое-что для вас с Женькой.

Вера развязала. Среди множества свертков была книга. Вытащила ее. Из книги выпала газета.

— Разверни-ка, почитай, — сказал дядя Захар.

Вера развернула газету и увидела два знакомых снимка. На одном — немецкий танк вот-вот раздавит убегающих мальчика и девочку. На другом — фашист, наступивший на грудь убитому бойцу.

— Женя! Женя! — закричала Вера.

Из окна госпиталя высунулся Женька. Он увидел дядю Захара и хотел выскочить во двор, но сестра остановила и уложила в кровать.

— Нельзя ему встать, — сказала она солдату.

— Пускай лежит, — ответил дядя Захар. — Вот пойду оформлюсь и увидимся.

Вера забралась на подоконник, стала читать газету.

— Слушай, Женька, — пробежав глазами газетные строки, сказала она. — Тут письмо, какое было вместе с фотографиями.

— На русском языке? — спросил Женька.

— На русском.

— Прочитай.

Вера пропустила начальные строки письма, стала читать главное: «Ничего подобного, как в этом городе я за всю войну не встречал. Ни одного живого места нет в этом богом проклятом городе. Все разрушено. Мы славно поработали здесь. И все же ничего не сделали: здесь стреляет каждый камень. Русские гибнут, но их с каждым днем становится все больше! Кажется,

они лезут из-под земли и от того становится страшно — будет ли им конец? Кажется нет».

Вера снова молча побежала глазами по строчкам.

— Читай, — попросил Женька.

— Дальше неинтересно. Хвалится немец, что все равно русским придет конец.

— Чегой-то он? То верит, то не верит, что нашим будет конец, — поразмышлял вслух Женька.

— Не тот стал фашист, — пояснил дядя Захар. — Слабый. Ну ладно, ребята. Я пойду. Это хорошо, что мы встретились: вместе отпразднуем день Великого Октября. Я тут кое-что припас. — Он похвалился банками с медом и вареньем из черной смородины. — У одного деда в Бурковке выменял.

— А вы тут долго будете? — спросила Вера.

— Недели две пролежу.

— А потом опять на фронт?

— Вряд ли. Рука не сгодится. Домой поеду. Вот такие пироги, Верунька. — Он потрепал здоровой рукой Верины косы, сказал: — Расскажи кому-нибудь про вас — не поверят. И как это вы смогли столько ден под пулями прожить и живыми остаться?

Вера пожала плечами.

Женю вскоре вылечили. Можно было уезжать куда угодно. Однако они никуда не уехали. Дядя Захар просил дожидаться его выздоровления.

Дождались. Дядя Захар получил чистую отставку по ранению и они втроем укатили на речку Колву в город Чердынь.

Они были еще в дороге, а там, в Чердыни, Женьку ждала большая радость — письмо от бати. Оказывается, дядя Захар, пока лечился в госпитале, разыскивал Женькиного отца. Отец нашелся и сразу написал дяде Захару. Он тоже после ранения лежал в госпитале.

Письмо отец написал большое. Он знал и про дядю Захара, и про Веру. Отец сообщал про дела военные, про ордена и медали, которые он получил от командования за храбрость и отвагу. Веру он благодарил за то, что не бросила в беде Женю. Ну, а с дядей Захаром он вел взрослые разговоры о том, что не останется в долгу перед добрым человеком, что скоро пришлет деньги, посылку с подарками и просил беречь ребят до конца войны.

А Румба? Что с ней?

Напрасно дядя Захар сказал на берегу, когда уезжал в госпиталь, что он ничем не может помочь собаке. Помог, да еще

как! Четыре слова, нацарапанные на алюминиевой крышке от табакерки, стали волшебными. Кто-то из бойцов прочел их, и по окопам пошла молва о контуженной, глухой собаке. И всякий, кто видел ее, как человеку махал рукой. Она останавливалась, вглядывалась в глаза, в лицо подзывавшего и, убедившись в его добром расположении, подходила.

Закончились бои в Сталинграде, ушли бойцы из города, вернулись из эвакуации жители. Как грибы начали расти на пепелище хижины-временки. Появилась на улице шумливая детвора. Ребята знали Румбу, и для каждого из них слова старого солдата на крышке табакерки звучали приказом не обижать собаку. И потому жилось Румбе безбоязненно. Было бы совсем хорошо, если бы не глухота. Она видела, как разговаривают люди, и хотела слышать их голоса. Она видела на дорогах дерущихся воробьев, вспоминала их отчаянные крики. Помнила автомобильные гудки. Как не хватало ей людских голосов, воробьиного крика, автомобильных гудков! С трудом, но привыкла она к вою бомб, к орудийным выстрелам, к опасности, но никак не могла привыкнуть к непонятной тишине. Давно прекратилась боль в ушах, но она также встряхивала головой, всякий раз надеясь, что вот сейчас освободится от глухоты.

А в городе жизнь начиналась такая, как было до войны. Каждое раннее утро на расчищенной улице, что спускалась к проходным воротам завода, сходились люди, сливались в медленно движущуюся реку, которая, прорвавшись через проходную на заводской двор, растекались по разрушенным цехам.

Как-то попав в людской водоворот, Румба уловила смешанный запах табака и сосновых стружек. Этот запах внезапно остановил ее. Он мог принадлежать только одному человеку, ее хозяину, который находился где-то здесь. Румба заметалась между множества ног, пошла было через проходную, но охранник выгнал ее за ворота. Целый день пролежала она около ворот, но увидеть хозяина не смогла. Ожидая, вспомнила Веньку, его мать, которая заботилась о ней и каждое утро выносила вкусную еду. Вспомнив, затосковала и побрела в поселок на старое подворье, на котором не была с тех пор, как увидела в убежище немца.

Это уже был настоящий двор, с калиткой, с забором. Только забор был из листов изрешеченного пулями, покореженного в огне железа. Во дворе небольшой дощатый домик, с заплатыми из таких же дырявых листов. Румба поднялась на задние лапы, надавила передними калитку. Калитка подалась, заскри-

пела. Из тесного коридорчика выглянула женщина. Румба узнала хозяйку, по движению губ поняла, что хозяйка произнесла ее кличку. На крыльцо выскочил хозяин, Венька. Румба хотела броситься к ним с радости, но что-то с ней случилось непонятное: силы оставили ее, и она поползла к ним на животе. Они обнимали ее, ласкали старого верного друга, как человек человека и вместе читали слова, нацарапанные заботливым солдатом на крышке от табакерки:

*Эта собака оглохла
в Сталинграде*

*1969 г.
Волгоград*

ПОБЕДЫ И
ПОРАЖЕНИЯ
„РЫЦАРЕЙ“

МАЛЬЧИШКИ ИЗ РАБОЧЕГО
ПОСЕЛКА

А

лешка! Эй! Кныш! — на весь двор слышится резкий, почти девчоночий голос. Это кричит Павлик по прозвищу Знахарь. Алешка сидит на балконе пятого этажа и делает вид, что не слышит.

— Эй! Кныш! Ну чего ты там спрятался? Выгляни на секунду.

Не дождавшись ответа, снова кричит:

— Кныш! Где Петька?

Алешка не шевельнулся даже. Где Петька, он не знает. Да если бы и знал, то все равно не сказал бы. Не сказал бы потому, что он страшно обижен. На кого? Сам не знает. Наверное, на всех. И что это за жизнь, когда за всяким пустяком нужно обращаться к другим. Хорошо, если бы попросил, а тебя уважили. А то...

Вчера все ребята носили пилотки из газет. И лишь у него не было. Он попросил брата Петьку сделать. Петька согласился, но при условии, что Алешка не пойдет за ним на Волгу. И не просто не пойдет, а будет сидеть дома.

Разве мог согласиться Алешка? Он попросил Павлика. А Павлик ему свое условие:

— Срежешь мне в овраге камышину?

— Срежу, — согласился Алеша.

Полез в овраг и попал ногами в трясину по самые колени. Да так, что едва не оставил там новенькие полукеды, а штаны так запачкал, что мама пришла в ужас и, раздев его до трусов, немедленно отправила на балкон.

— Алешка-а! — не отстают Павлик. — На пилотку!

Алешке теперь не нужно пилотки. Сегодня у ребят другая забава. На улице хороший ветер и у каждого из пацанов в руках по ветряку, а то и по два.

С балкона Алешке хорошо видна часть асфальтовой дороги, что спускается к крайнему дому квартала, где ветер особенно сильный. Там и толпится ребятня с ветряками. Ветряки самые разные: из бумаги и картона, из доски и пластмассовых пластиночек. Все они напоминают пропеллеры самолетов, но не все одинаково быстро крутятся. Кто знает секрет, у тех так быстро вертятся, что видны лишь прозрачные круги.

Маленький Алеша, но забот у него хватит на десяток взрослых. Ну как ему сейчас обойтись без ветряка, если они есть у

всех ребят? Никак не обойтись. А кто ему сделает? Папа на работе, мама сердита на него. Петька? Он смастерил бы, знает секрет, да только не хочет. Надоел ты мне, говорит.

Может, Алеша и сам бы сделал, да только мама не велит брать нож. Порежешься, говорит.

Папа обязательно сделает ветряк, но он домой придет поздно, а тогда у ребят будет что-нибудь новое, еще интереснее.

Плохо быть маленьким. Все ему нельзя: в овраг не ходи, там грязно и можно испачкаться: на деревья не лазай — порвешь штаны; на балконе можно только сидеть, иначе сорвешься. А взрослым все можно. Вот даже Петьке куда лучше, чем ему, Алешке. Петька и в овраге бывает, и на деревья забирается, правда, за это часто в углу стоит. Но, главное, он все умеет делать сам.

А вот Алеша ничего не умеет и потому нет у него ни меча, ни щита, Петька с Павликом не берут его на войну с «закоперщиками». «Закоперщики» — это ребята, какие живут в доме, построенном рабочими копрового цеха. От слова копер они получили такое прозвище. А дом тот стоит напротив дома мартеповцев, где живут Алеша, Петька и Павлик. «Закоперщики» прозвали их «мартынами». Ребята каждый день воюют между собой. И всякий раз «закоперщики» одолевают «мартынов».

Ребят в том доме не очень много, но зато рыцарским доспехам их позавидуешь. Как выйдут с сияющими на солнце щитами из нержавеющей стали в одной руке, с мечами в другой, как крикнут «ура!», сразу и поддаются «мартыны».

Вчера побежденный Петька сказал:

— Были бы у нас такие щиты и мечи — мы показали бы им. — И спросил: — Где они берут нержавеющую сталь?

— В заводе, — ответил Павлик. — В копровом не только нержавеющую сталь, настоящую пушку найти можно.

И хотя не было у них надежного оружия, «мартыны» сдаваться не собирались, наоборот, готовились к новому сражению. И сегодня на зависть Алеше, Петька сделал из проволоки отличный меч, из фанеры выпилил щит. С одной стороны прибил два ремня, чтобы надевать его на руку, а с другой — нарисовал цветными карандашами ракету. Сверху синее небо и желтые облака, внизу клубы огня и пыли. Огонь коричневый, пыль черная, ракета зеленая — она взлетает. Во дворе все ребята надевали щит на руку. И все хвалили Петю. А потом каждый начал мастерить себе.

Павлик тоже выпилил щит и раскрасил. Мальчишки смеялись над ним. Он все нарисовал наоборот. Небо черным каран-

дашом, облака зеленым, пыль голубым, огонь белым, а ракету коричневым.

— Правильно я нарисовал,— спорил Павлик.— Сами вы ничего не понимаете.

— Так небо, посмотри, разве черное? — спрашивал Петя.

— Черное,— уверенно отвечал Павлик.— Если смотреть на него из космоса, то черное, а земля голубая. Сам слушал, как Герман Титов по радио рассказывал!

И мальчишки замолчали. Они тоже слушали Титова.

Алеша крутился около спорщиков с тайной надеждой, что они возьмут его с собой. Но Петька сказал очень обидное:

— Сначала научись нос вытирать, вояка, — сказал и ушел.

Алеша старательно вытер нос, взял кусок доски и побрел на пустырь. А там уже все готово к бою. «Закоперщики» первыми захватили горку на месте бывшей бани. Выстроились в ряд, с сияющими на солнце щитами. «Мартыны» стояли на круче оврага. Команда пестрая. Особенно выделялись Петька с Павликом. У Петьки на голове шлем из большого резинового мяча. В нем Петька походил на водолаза. У Павлика на голове зеленая с проржавевшим дном кастрюля. В дыре кастрюли гусиное перо. Пугало огородное, а не боец.

«Закоперщики» подняли мечи вверх, опустили, ударили ими по щитам, звон получился внушительный. Команда Петьки и Павлика не замедлила с ответом: подняла мечи, ударила по фанерным щитам. На горке раздался хохот. Петька с Павликом рассердились и ринулись в бой. Застучало, зазвенело на горке. Честно ложатся сраженные на землю. На Павлика напали сразу двое. Лихо отбиваясь, он отступал к оврагу. Сейчас его прижмут совсем. А как он упадет, тогда все. Алеша не выдержал, подбежал и ширнул доской Левке Дубинину в спину. Левка обернулся:

— Чего лезешь? — И пообещал: — Как дам по шее!

Алеша ушел домой обиженный. Даже Павлик не оценил, высмеял:

— Вояка. Сзади только трусы нападают.

Алеша не боялся, он не трус. Просто он не знал. Теперь будет знать. А храбрость свою еще покажет.

КТО ОН ТАКОЙ, ПАВЛИК?

— Эй, Кныш!

Павлик снова окликает Алешку. Алешка сидит и не смотрит вниз. Он даже не шевельнулся. Сделал вид, что это не ему кри-

чит Павлик. Ни к чему отзываться на такое обидное прозвище— Кныш. Алешка не понимал этого слова. Но чувствовал, что оно плохое.

— Кны-ыш! Оглох, что ли?

Кто он такой этот Павлик? Что за человек? Знал Алешка, что Павлик год назад приехал из хутора. Шустрый такой. Немного пожил, а уже верховодит среди ребят. Знал еще Алешка, что Павлик большой фантазер, что в школе он получает двойки по географии, но мечтает быть путешественником, Павлик любит рассказывать разные небылицы. Однажды рассказал про ведьму Корневну, которую видал собственными глазами и даже помогал хуторскому знахарю забивать клин под конек дома, чтобы быстрее умерла ведьма. Павлик утверждал, что ведьма может умереть лишь в том случае, если под коньком есть щель, в которую должна проскочить душа умирающей ведьмы. Иначе так и будет мучиться. Корневна страшно мучилась и знахарь ее пожалел, решил поднять конек. Павлик же вырубал из палки клин и подавал топор. Эта история позабавила ребят. Они вдоволь посмеялись, а Павлика окрестили Знахарем. Правда, не каждый рисковал так его называть. Павлик обиду прощал редко. Алешке тем более не простил бы. Но сейчас Алешка был высоко. Не достать Павлику его. И потому он решительно поднялся и, перегнувшись через балконную решетку, на весь двор прокричал в ответ на оскорбление:

— А ты Знахарь! Знахарь!

Павлик опешил. Это было видно потому, что он долго молчал. А может сделал вид, что Алешкины слова его несколько не оскорбляют. Он даже не пригрозил. Помолчав, Павлик спросил:

— Где Петька?

— Петька там!— обеими руками сразу показал в разные стороны Алешка.

Петька тем временем показался на улице. Он нес от бабушки тяжелую авоську с картошкой. Павлик увидел его и взялся помочь. Скоро в доме загремела дверь. На балкон вышли Петька и Павлик. У Алешки неприятно защемило в груди: сейчас Знахарь наградит подзатыльником. Однако Павлик вел себя так, будто ничего между ними и не произошло. «Не будет же он в чужом доме драться»,— с надеждой подумал Алешка и страх перед Павликом прошел.

Павлик сел на ящик из-под посылки, спросил Петьку:

— Знаешь, где я сегодня был?

— Где?

— В заводе.

— Ври больше. Так тебя и пустили.

— Сам пролез. Там видел такую штуку... закачаешься...— Он поднялся и поманил к себе Петьку (Алешка тут как тут) и показал на гору ржавого железа:

— Вон в той куче тьма пожарных касок.

— Вот бы достать,— помечтал Петька.— Ни у кого нету касок.

— Достанем,— пообещал Павлик и тихо произнес:— Чего только нету там, на шихтовом дворе! Даже золото попадается.

— Ну-у!— удивился Петька и ближе подсунулся к Пашке, явно заинтересованный сообщением.

— Вот тебе и «ну-у». Сам слышал, как один рабочий своему дружку говорил. Дело значит было так: железины на шихтовом дворе разные попадают, а крупные в печь не лезут. Их разрезают на куски. Вот так попалась газорезчику спинка от кровати, он ее полоснул огнем. Она развалилась и посыпались из нее золотые монеты.

— И он забрал их себе?

— В милицию сдал,— ответил Павлик, и заметил, что Петька не одобрил поступка рабочего. Спросил:— А ты не сдал бы?

— Сдал бы,— ответил Петька, но по глазам было видно, что врет.— А ты?

— А что с ним делать-то, с золотом? Сдал бы. Только сначала пускай они пообещают, что купят мне билет в кругосветное путешествие. Или в Африку хотя бы.

— Эх ты!— воскликнул Петька.— Мы с тобой одинаково думаем.

Петька, испуганно встрепенувшись, обратился к Алеше:

— Может это была та самая спинка, какую мы с тобой сдали в металлолом. Помнишь?

— Ага.

— Эх, дураки! Не догадались поглядеть. Знаешь, какая она была тяжелая.

— Надо думать,— утвердительно кивнул головой Павлик.— Золото очень тяжелое.

История со спинкой старой никелированной кровати была на самом деле. Ее не рабочий рассказывал, как поведал Павлик, а отец вычитал в газете. Случилось это на каком-то другом заводе, и в другом городе. Но Павлику нужен был помощник, чтоб достать каски. Рассчитал Павлик правильно. Услышав о золоте, Петька, сроду не державший его в руках, был готов хоть сейчас идти в завод. Павлик, однако, тут же остудил Петьку.

— Нельзя,— сказал он.— Там охрана и собаки. Здоровые овчарки, сразу сожрут. Лишь только сунься. И не только охранщики, могут схватить сами рабочие.

— Жалко им, что ль? — высказал неудовольствие Петька.

— Без охраны нельзя. Этак всем захочется пойти на завод. А там опасно. Завод гудит, машины ходят, поезд, можно за просто под колеса залететь.

Все верно рассказал Павлик. Но опять-таки рассказал не без умысла. На балконе сидел и слушал третий лишний, Алешка. При нем нельзя договариваться насчет путешествия за ограду завода.

— А говоришь, достанем каски,— разочарованно произнес Петька.

— Достанем. Я попрошу кого-нибудь из рабочих, пускай перебросят через забор несколько штук. Жалко, что ль?

— Жди, перебросят.

Все правильно! Алешка ничего не понял. Теперь надо Петьке рассказать, что к чему.

— Пойдем вниз, — предложил Павлик.

Едва они спустились к подъездным дверям, Павлик поймал Алешку за ухо и стал водить по кругу, громко распевая:

По улице слона водили,
Как видно на показ.

Алешка понял, как глупо он доверился Пашкиной доброте. Ему бы зареветь от боли и досады, но он молчанием решил досадить Павлику. Павлику же хотелось услышать Алешкин голос и он резко, будто переключатель телевизора, крутнул ухо.

По улицам слона водили!

Алешка взвизгнул, как поросенок, которому приставили к горлу нож. В квартирах первого этажа загремели двери. Выскочили женщины. Насыпались на Павлика. Хулиганом, разбойником называть стали. А одна на Петьку набросилась.

— Как тебе не стыдно. Братишку бьют, а ты не заступишься. Трус несчастный. Да я бы его, негодяя... — Она подалась к Павлику, Павлик отступил к двери.

Петька промолчал. А что ему говорить в оправдание. Он и в самом деле боится Павлика. Но на улице все же сказал:

— Ты хоть при мне Алешку не трогай. Я же за него должен заступаться.

— Я тебе так заступлюсь,— показал кулак Павлик.— Ты знаешь за что я его? Он меня на всю улицу обзывал.

В это время на балконе показался Алешка.

— Знахарь! Все равно ты Знахарь! — прокричал он. — Я расскажу маме, как ты дерешься.

— Попадись мне только,— пригрозил Павлик.

С Г О В О Р

Мама сказала Пете:

— Пойдешь гулять — возьми с собой Алешу. Слышишь?

— Слышу,— ответил Петя и покосился на брата. Не любит он с ним возиться.

— Да смотри, чтобы он в лужу не залез.

— Ла-а-адно.

Когда Петя говорит недовольным тоном, Алеше хочется напроказить, чтобы тому влетело за него. Он собирается на улицу, а сам думает, как залезет в грязь. Виноват будет Петя — надо смотреть, а он сам заигрывается. Алеша тут же вообразил себе, с какой кислой миной будет стоять Петя в углу за комодом и рассмеялся.

— Ха-ха-ха,— передразнивая Алешу, прогнусавил Петя.— Если выпачкаешься, то подзатыльника схватишь. Понял?

— Понял,— отозвался Алеша, натягивая на ногу ботинок.

Внизу Петю дождался Павлик. Он свысока посмотрел на Алешу и спросил:

— Зачем взял этого Кныша?

— Да я его не брал, — начал оправдываться Петя. — Мама приказала.

— Значит, опять сорвется?

— Завтра ходим.

— Завтра... Если бы знал, что ты такой, с другим бы лучше договорился.

Алеша насторожился: наверно Павлик уже условился с каким-нибудь рабочим и нужно подойти к заводской ограде за касками.

— А мы давай вечером махнем, — предложил Петя. — Отец придет домой...

— Вечером... Чего ты вечером увидишь? Да и нельзя будет. Ты про собак забыл?

Они завернули за угол и пошли к оврагу. В овраге ручей и небольшая запруда. В ней плавают золотистые рыбки — кто-то выпустил из аквариума. Павлик принес сачок и банку. Они долго подсиживали рыбок, но никак не могли поймать. А когда надоело, сели на склоне. Петя заметил, что Алеша увлекся

раковиной улитки, подвинулся к Павлику и тихонько сказал:
— Завтра, как мама уйдет на работу, я отведу его к бабушке. Ладно?

Алеша услышал и все понял, но не оглянулся — пусть говорят.

— Я за тобой зайду. Договорились?

— Только без обмана, — согласился Павлик и подвинувшись ближе, шепотом поведал:

— Я там все разглядел. Целая гора касок. Точно такие, как у древних римлян с гребнем наверху. Мировые. Только ржавые.

— Отчистим, — заверил Петька. — Это ничего, что ржавые. Лишь бы настоящие.

— Настоящие, пожарные.

— А если поймают? — насторожился Петька.

— Может и поймают, — нахмурил брови Павлик. — Струсил? Так и скажи.

Петя глянул на Алешу и замахал рукой, мол, услышит. Но Алеша не подал виду. Он встал и сказал:

— Я пойду домой.

Петя с Павликом переглянулись. Такого еще не бывало, чтобы Алешка первым захотел домой. Значит, услышал. Чего доброго наябедничает.

— Давай еще погуляем, — предложил Петя.

Но Алеша хотел домой.

— Хочешь, я тебе сделаю ветряк?

— Не хочу. Ветра нет.

— Завтра будет... Ну, тогда возьми щит и шпагу.

Алеша не мог устоять перед Петиним великодушием. Такое бывает тоже редко.

РОЗОВОЕ ОБЛАКО

Воевать было не с кем. Но Алеша все же нарядился в рыцарские доспехи, попросился на балкон. С высоты пятого этажа виден был большой зеленый сквер, а за ним, через дорогу — завод, за заводом река, а за рекой лес. Там, далеко-далеко, лес еще освещался солнышком и светлеющая полоска была не зеленая, а золотистая. Заводские трубы тоже выкрашены в золото. Но солнышко садилось, краски гасли. Начался вечер. Алеша пристально смотрел туда, куда завтра пойдут Петя с Павликом. А может они будут в самом заводе? И еще раз пожалел, что он не взрослый.

Там, за кирпичной стеной завода, пыхтели черные паровозы. Их папа зовет «кукушками». Вот один паровоз разбежался, подскочил к вагонам, подцепил их, кукукнул и повез к заводским трубам. Алеша знает, что там есть печи, а в них плавят сталь. В эти печи загружают железо, которое почему-то называют шихтой. Железо греют, пока оно станет жидким. Вот и сейчас паровоз потащил к печам железо. Алеша знает, как только начнут загружать печь, из трубы пойдет черный дым. Он ждал. Скоро и в самом деле дым повис над заводом громадной гриной и поплыл над рекой, над лесом. А еще знал Алеша, как из печи выливают сталь. Он любил вечером смотреть на завод, когда идет плавка. Вот и сейчас, как только стемнело и за сквером, вдоль асфальта, загорелся свет, сталевары снова начали выливать сталь.

Над заводом вспыхнуло огромное зарево. Оно осветило крыши цехов. Лучи света выметнулись из окон цеха и потянулись высоко в небо, к задремавшему облачку, и вмиг окрасили его в розовый цвет. Облаку это не понравилось. Оно зашевелилось, хотело вырваться, скрыться в темноте и не могло. Лучи поиграли с ним, отпустили и погасли.

Ночью Алеша долго думал о том, как завтра Петя ответит его к бабушке, а сам пойдет к заводу. А когда уснул, ему приснился завод. Он совсем рядом и как игрушечный. Над самой высокой трубой висело розовое облако, а на нем, свесив ноги, сидел Петя. Рядом, на палочке, воткнутый в облако ветряк. Ветра не было и он не крутился. Петя болтает ногами, смеется над Алешей, жорчит обидные рожицы.

— Возьми меня, — протянув руки, попросил Алеша.

Петя сморщил нос, прогнусавил, передразнивая:

— Возьми меня. И отказал: — Подрасти немного, Кныш.

— А я маме расскажу, — не стерпел обиды Алеша.

Петя проворно вскочил, и, приплясывая, стал кричать:

Ябеда! Ябеда!

Ябеда соленая,

На костре вареная.

Алеша проснулся. Глаза у него мокрые.

У ЛАЗЕЙКИ

Все так и было, как ожидал Алеша. Мама с папой ушли на работу. Петя сказал:

— Одевайся. Пойдем к бабушке.

— А я не хочу к бабушке, — отказался Алеша. — И я знаю, зачем ты меня ведешь к ней. Ты с Пашкой пойдешь за касками.

Петя приуныл. В другой раз он взял бы за руку младшего брата и, не разговаривая, отвел. А теперь... Алеша сказал, что расскажет маме.

Значит, Павлик найдет себе другого и уйдет с ним. Павлик упрямый. Что же делать? Петя снова пообещал смастерить ветряк, навсегда отдать шпагу, щит и даже шлем из резинового мяча. Алеша ничего не хотел.

Долго Петя соображал, чем удивить Алешу. Наконец, придумал. Взял носовой платок, привязал к углам нитки, к ниткам ключ от двери. Свернул платок и забросил его высоко. Платок развернулся, и ключ медленно стал опускаться на маленьком парашюте. У Алеша загорелись глаза. Вот здорово! Как настоящий парашют!

— Возьми себе, — щедро предложил Петя.

Алеша взял. Стал бросать — получается. Хорошую игрушку придумал Петя. Ни у кого нет такой!

— А вечером я тебе змея сделаю, — обещал Петя. — Пойдем к бабушке.

И радость Алешкина кончилась. Иметь парашют, а вечером получить змея — это значит сидеть в бабушкином доме.

— Возьми парашют. И змея мне не нужно, — грустно сказал он.

Не дождавшись Петьку, Павлушка пришел сам.

— Не идет, — оправдывается Петька. — Узнал и не идет. Говорит, расскажу маме.

Павлик нахмурился.

— Ладно. Я себе найду еще кого-нибудь.

Петя забежал наперед, остановил друга и быстро заговорил:

— Подожди, Павлик. Давай мы возьмем его с собой? А? Ладно?

Алеша заинтересованно прислушался: неужели они возьмут его с собой? Но Павлик пренебрежительно глянул и сказал:

— Зачем же такую мелкоту брать? Еще в неприятную историю с ним попадешь.

— Нет, мы оставим его у забора. Останешься, Алешка? Там тебе все будет видно.

— Останусь, — поспешил согласиться Алеша.

Заводской забор высокий. Без лестницы на него не забрать.

ся. Но Павлик знал удобную лазейку. Там прежде были ворота для паровоза. Теперь железнодорожную линию убрали, а ворота заделали толстыми досками. Возле этой деревянной стены охрана привязывает ночью сторожевую собаку. Собака под стеной прокопала дыру. Наверно, от скуки или хотела удрать. Лаз зарос высоким бурьяном и потому со стороны его не видно. В этом бурьяне и засели Павлик, Петя и Алеша.

Павлик просунулся в дыру.

— Паровоз стоит близко, — сказал он. — Как уйдет, так полезем. А ты будешь сидеть тут. Да, смотри, не вставай. А то увидит охрана...

В своей жизни Алеша не видал людей из охраны и не особенно ясно представлял себе, что такое охрана. Но так как Павлик все время произносил это слово с опаской, то Алеша четко уяснил себе, что с охранниками лучше не встречаться, тем более там, где не положено быть им, мальчишкам. И чем ближе они подходили к этому неполюженному месту, его все больше одолевала оторопь. Сейчас, когда Алешу должны были оставить около лазейки, он прямо-таки задрожал.

— Какие у тебя слабые нервы, — поглядев на Алешу, сказал Павлик. — Ты больше не ходи с нами.

— Да нет. Нервы у меня крепкие, — начал оправдываться Алеша и в доказательство стиснул до скрежета зубы, сжал кулаки так, что пальцы в суставах побелели. — А вот колени, правда, слабые. Дрожат почему-то.

— С такими коленками далеко не убежишь, — сказал Павлик. — Ты их...

Павлик не успел дать совет Алеше, потому что в это время на откосе появился человек. Он был в военной форме, но без погонов, сбоку, на кожаном ремне висел пистолет. Алеша упал в бурьян. Петя и Павлик припустили бегом. Мимо Алеши протопали тяжелые сапоги. Алеша со страха стал на четвереньки и нырнул в дыру.

— Опять захотел меня перехитрить? — строго спросил человек.

Было слышно, как возился и пыхтел Павлик и недалеко гудел Петя.

— Дядь, отпусти его... Дядь... мы больше не будем.

— А ты иди сюда, — с передышкой говорил человек с пистолетом.

Петя не подходил. Но он хотел выручить Павлика и не жалел слез: пытался разжалобить человека.

— Дядь... Мы больше не будем.

Павлик молча вырывал руку.

— Ну вот что, малец. Не вертись. Все равно не уйдешь. А кусаться будешь — нарву уши. Говори, чего искал, чего ты потерял тут?

Павлик долго молчал, потом спокойным голосом сказал:

— Ничего я не искал. Мы хотели завод поглядеть.

— Завод?— удивился человек.— Вот чудак. Да зачем он вам нужен? Надоест, когда вырастете...

Отпустил он Павлика, строго приказав, чтобы это было в последний раз. И пообещал рассказать отцу.

— Ну, чего стали? Идите, пока не свел вас в караулку,— строго крикнул охранник.

Петя с Павликом пошли, оглядываясь. Спрятавшись в кустах акации, стали ждать, когда охранщик уйдет, чтобы забрать Алешу.

Но охранник не думал уходить. Он подошел к дыре, посмотрел, потом сделал самое страшное — подкатил к ограде здоровенный камень и заслонил им лазейку.

Алеше — хоть плачь. Получилась невеселая история. Сидит он и уже не смотрит туда, где пыхтит чумазый паровоз-кукушка, где вспыхивающий огонь разбрасывает красные звездочки. Что же теперь делать?

Почему-то стало жалко Петю, придется ему стоять в углу. И Павлика жаль. Отец у него сердитый. Смотрит Алеша на камень и вздыхает. Вдруг на той стороне послышался шорох и тихий голос Пети.

— Ты тут? — спросил он.

— Тут, — обрадованный, отозвался Алеша.

— Сейчас мы отвалим камень.

Кряхтят Петя с Павликом, а камень ни с места. Слишком тяжелый.

— Помогай! — кричат они.

Алеша уперся ногами, давит, но толку нет.

А Павлик ругает Петьку:

— Говорил тебе, что попадем в какую-нибудь историю. Лучше бы...

Изо всех сил старался Алеша. Очень не хотелось ему, чтобы Павлик плохо думал о нем. Может быть, отвалили бы они втроем этот камень, если бы не человек с пистолетом на боку. Увлекся Алеша, не увидел, как тот подошел к нему и сгреб в охапку.

— Попался, — сказал он. — Говори, чей ты?

У Алеши язык прилип к небу.

ДЯДЯ СЕМЕН

Сначала было страшно. Но потом человек с пистолетом на боку показался Алеше очень добрым.

— Меня звать дядя Семен. В охране я работаю. Понимаешь? Алеша понимающе кивнул головой.

— А тебя как звать?

— Алеша.

— Вот и познакомились. А ты, значит, тоже пробрался завод глядеть... Вот чудачки...

Рассказал Алеша дяде Семену все: как Петька с Павликом хотели его обмануть и какой приснился сон, и как не захотел идти к бабушке. Только умолчал про нержавейку и про каски. Дядя Семен смеялся и говорил:

— Вот чудачки... Надо же.— Потом спросил:— Отец твой, говоришь, тут работает?

— Во-он его труба,— показал Алеша.

— Самая высокая?

— Да.

— Что ж, пойдем к нему.

Когда подошли к железнодорожной линии, услышали позади свисток. Так обычно свистят на улицах милиционеры, если хотят остановить человека, перебегающего в опасном месте дорогу, или шофера, который нарушает правила движения.

Дядя Семен крепко сжал Алешкину руку и остановился. Огляделся по сторонам.

По железной дороге катились стальные платформы. На передней подножке, держась за отшлифованные поручни, стоял сцепщик со свистком в зубах. Это он свистел, чтобы люди не попали под колеса. А попасть можно было запросто. В заводском гуле трудно что-либо услышать.

Мимо Алешы проплыла платформа с огромными стальными брусьями. Они были синие и над ними струился синий воздух. На Алешу дохнул от брусьев горячий ветерок.

Перед Алешкиными глазами продвигаются одна платформа за другой. Чего только не везут в них! Алеша провожал глазами чугунные бруски, порезанные шестерни и вдруг дернулся в сторону платформы.

— Каски! — крикнул он.

— Тоже бракованные,— сказал дядя Семен, и потянул к себе Алешку.— На переплавку пойдут.

— На переплавку? — огорчился Алеша.

Такие хорошие каски. Ну точь-в-точь как у пожарников.

Правда, они не блестят. Черные они. Но это не беда. Потереть их кирпичом или песочком — засверкают.

Кукукнул чумазый паровозик. Вагоны споткнулись и, звонко лязгая круглыми, похожими на тарелки буферами, остановились.

Сцепщик соскочил с подножки и юркнул под вагон. Тут же выскочил и подал сигнал. Машинист услышал. Паровозик запыхтел. Платформы загрели и поплыли мимо.

Теперь сцепщик сидел на платформе с разным железным хламом. Алешке стало даже интересно, потому что увидел все знакомое: лежит на этой платформе спинка от старой кровати. Почти такая, как та, что они нашли в овраге и сдали в металлолом. Может быть она и есть. Надо не забыть сказать об этом. Пусть, пусть не расстраивается, они сдали пустую спинку. При виде металлолома Алеше приятно вспомнился разговор с учительницей. Она похвалила его за то, что собирал вместе со школьниками металлолом, и спросила:

— Как тебя звать, мальчик?

— Алеша.

— Ты знаешь, Алеша, для чего мы собираем этот металлолом?

— Нет.

— Мы его отправим на завод. Там работают сталевары...

— А мой папа тоже сталевар, — перебил Алеша.

— Правда? — обрадовалась учительница. — Значит, мы отправим его твоему папе. Он переплавит металл и сварит такую сталь, из которой потом тракторостроители сделают тракторы, самолетостроители — самолеты.

— И космические корабли?

— И космические корабли будут делать из этого металла.

— Тоже сказала, — засомневался Алеша, глядя на кучу ржавого железа. — Тут и на один трактор не хватит, — прикинул он.

— В нашем городе больше сотни школ. Если все по столько соберут, сколько таких будет куч?

— Много, — сообразил Алеша.

— А если по всей области, по всей стране?

— Еще больше.

Мама купила когда-то Алеше большой зеленый самосвал с краном. Кран у самосвала поломался, потерялись два передних колеса. Папа обещал отремонтировать машину, но заняться этим было некогда и она лежала на балконе.

После разговора с учительницей Алеша взял машину и отнес в школу, чтобы больше было металла.

Теперь, стоя с дядей Семеном на заводском дворе, он глядел на проходящую мимо платформу, шарил глазами по железному хламу: хотелось ему увидеть свою машину, но так и не увидел. Платформа прошла, и люди, собравшиеся на обеих сторонах железной дороги, повалили друг другу навстречу.

Дядя Семен и Алеша прошли по заводу к самой высокой трубе. Поднялись по стальной лестнице наверх и оказались в цехе. И тут Алеша увидел что-то страшное. Оно показалось ему головой Змея Горыныча, из громадной пасти которого вылетал огонь. Голова змея шумела так, что дрожал под ногами пол. Казалось, она сейчас сорвется с места и проглотит смелого человека, бросавшего лопатой в пасть что-то похожее на красную глину. Вот человек отбросил в сторону лопату, пригнулся, приложил к козырьку кепки руку и стал смотреть на пламя.

С непривычки Алеша прижался к дяде Семену. Дядя Семен положил на его голову горячую ладонь. Страх прошел. Алеша догадался, что видит печь, в какой плавят сталь.

Человек возле печи выпрямился, посмотрел в сторону Алеши, отвернулся, потом снова посмотрел и быстро пошел к ним. Алеша узнал отца. Был он мокрый и почему-то большой. Наверно, от того, что была на нем большая спецовка и большие рукавицы.

— Ты как сюда попал?— прокричал Алеше на ухо отец.

— Дядя Семен привел,— ответил в подставленное ухо Алеша.

— Зачем привел?

— После расскажу,— сказал дядя Семен.

— Что же мне с тобой делать? — сокрушался отец. — Плавку сейчас выдавать, и тебя тут принесло. Горе мне с тобой, Алешка.— И к дяде Семену.— Тут стоять опасно. Отведите его в контору, я сейчас приду.

— Да вы не беспокойтесь. Я с ним побуду, пока вы кончите. До конца смены немного. Мы тут в сторонке постоим.

Отец ушел. Дядя Семен присел на корточки и, подмигнув Алеше, сказал:

— Вон, гляди, как она варится, сталь.

Смотрит Алеша туда, где бушует пламя. Да разве там что увидишь? Кажется ему, что в печи сидит солнышко, такое яркое, что смотреть на него больно.

— Сейчас мы с тобой возьмем волшебные очки и поглядим, что там есть, в печи,— пообещал дядя Семен.

Он попросил у рабочего кепку с черными очками на ко-

зырьке. Они оказались вовсе не волшебными. Такие папа приносил домой и Алеша смотрел через них на солнышко. В них видно солнышко хорошо, а глаза не болят.

Надел Алеша на голову кепку и посмотрел в печь. Пламя сразу стало прозрачным. Он увидел кипящую сталь. Она как молоко пузырилась, клокотала, ворочалась — слишком жарко было ей.

К печи снова подошел отец. Он взял черпак с длинной стальной ручкой, сунул его в окно, зачерпнул стали. Сталь выплескивалась из черпака, рассыпалась золотистыми искрами.

— Отец твой, как повар, пробу берет,— улыбнулся дядя Семен. — Только на вкус нельзя попробовать, губы обожжешь.

К отцу подошли сталевары. Он что-то сказал им и махнул рукой.

— Сейчас будут сталь выпускать,— подсказал дядя Семен.

ОГНЕННЫЙ РУЧЕЙ

Высоко под крышей цеха Алеша увидал что-то похожее на железный мост, перекинутый с одной стены цеха на другую. Дядя Сеня назвал его краном. У крана внизу большой крюк на стальных канатах, на крюке громадный ковш. А еще под краном была кабина, и в ней сидел крановщик. Алешин папа махнул рукой крановщику, и кран со звоном и грохотом покатился к печи. Остановился. Опустил на землю ковш.

Рабочие ломачами начали пробивать в печи дыру. Ударили раз, другой, еще, еще... И вдруг солнышко полилось прямо в ковш. А из ковша брызги, искры! Сколько их! Будто сыпал из облака золотой дождь. В цехе стало так светло, что Алеша зажмурился, и, ослепленный, еще ниже надвинул кепку с очками. Он подумал: что если бы сейчас на дворе был вечер, а в небе облака, то папино солнышко выкрасило бы их в розовый цвет.

Обо всем на свете забыл Алеша, даже о Пете с Павликом, даже о том, что Пете придется вечером стоять в углу. Он глядел на отца, улыбался. Отец стоял возле печи без куртки и без рукавиц, курил. Теперь он был такой, как всегда, широкоплечий и невысокий. О чем-то громко говорил со сталеварами, косил взгляд на дядю Семена с Алешей и тоже улыбался.

Скоро солнышко перебралось из печи в ковш, спокойно улеглось в нем. Перестал сыпать золотой дождь, стало пасмурно.

Где-то в цехе длинно просвистел гудок. Конец рабочему дню. Отец подошел к дяде Семену, спросил, где он взял Алешку. Дядя Семен рассказал про все и даже про Алешкин сон.

— Раз уж вышло такое дело, я и решил свести его к вам ..

— Простите нас,— извинился отец.— Он больше сюда не будет забираться.

— Рановато. Надо подрасти маленько, — сказал дядя Семен и рассмеялся. — Вот чудачки.

РАЗГОВОР ЗА СТЕНОЙ

Они втроем вышли из цеха и направились к лазейке. И едва подошли к ней, услышали за стеной голоса. Это спорили Павлик с Петей.

— Зря все же мы с Алешкой связались...— упрекал друга Павлик.

— Так если б не этот охранщик...— не сдавался Петя.

— Охранщик,— передразнил Петю Павлик.— Мне-то что, а вот тебе попадет.

И Петька притих.

— Влетит,— грустно согласился он.— И тебе тоже не сдобровать.

— Мой батя уже не дерется,— возразил Павлик.— А если тронет...

— Убежишь? — недоверчиво спросил Петька.

— Думаешь нет?

— Ты давно так говоришь,— вздохнув, сказал Петька и спросил: — И зачем он полез в эту дыру?

— Соображенья у него мало,— объяснил Алешкин поступок Павлик.— Что будешь говорить теперь отцу, если спросит, зачем лазали в завод?

— Посмотреть хотели.

— Чудак. Тогда нас сюда на пушечный выстрел не подпустят.

— А что же надо говорить?

— Вот что. У нас был голубенок. Мы играли, а он нырнул в эту лазейку. Алеша за ним, а охранщик его и прикрыл. Ну, как, ловко придумал?

— Так это неправда.

— Кто знает, что это неправда?

— Мой папа глянет в глаза и сразу все узнает. Ему врать нельзя. Да и Алешка все рассказал теперь.

— Так ему надо шепнуть, он будет говорить по-другому.

— Не будет.

— Как хочешь. Я себе найду еще кого-нибудь.

Было слышно, как зашуршал бурьян. Это Павлик, насвистывая, уходил домой. Было слышно, как Петька зашмыгал носом. Он плакал. И стало Алеше так жаль своего брата, что у него на глазах навернулись слезы, а в носу защекотало. Он тоже сопнул носом. Петя из-за стены как крикнет:

— Алешка! Это ты, Алешка?

— Это я. Петь. Подожди, мы сейчас придем!

...У трамвайной остановки дядя Семен стал прощаться.

— Вы их не очень-то наказывайте. Мальцы они хорошие. А к Пашкиному отцу я зайду. Пускай присмотрит. Так вы уж не того...

Дядя Семен уехал.

Притихший Петя шел впереди. Алеша держался за руку отца. Она была теплая, грубоватая. Мальчик любил отцовские руки, которые пахли железом, которые все умели делать. Но сегодня вряд ли отец будет с ним баловаться, не станет делать игрушки. Провинились. Пете придется стоять в углу. А может

быть, и ему стоять рядом с братом? Алеша даже обрадовался, бообразив себя наказанным. Накажут, значит, он тоже большим стал. Глядя на Петю, он об одном жалел — накажет отец Петю, а Пете будет обидно — не видел он солнышка в печи, ни огненного ручья, ни золотистого дождя. А может быть, и не накажет отец Петю? Такое бывает. Редко, но бывает.

ДОМАШНИЙ АРЕСТ

Пока шли домой, Алеша думал о Пете. Петя изредка вздыхал. Не от того, что боялся быть наказанным. Он думал о Павлике. Теперь точно Павлик найдет себе другого напарника. И в завод они проберутся без него. А он, Петя, будет возиться с Алешкой, читать ему книжки, лепить из пластилина кошек и собак, строгать пистолеты и стрелы.

Петя спросил отца:

— А почему Алешку в детский сад не берут?

Отец отгадал его мысли.

— Надоел тебе Алеша?

— Нет. А только с ним плохо. Играл бы с маленькими. А он к нам лезет.

— Он тебя лубит. Потому и лезет. Хорошо ему с тобой.

— А мне с ним плохо.

Пришли домой. Отец посадил их рядом за стол, сам сел напротив:

— Теперь скажите, почему без разрешения ходили к заводу?

Алеша поднял голову и часто заморгал.

— Петька не виноват. Это Павлик все придумал.

— Заступаешься? А ведь он с тобой не хочет заниматься.

— Он хочет, папа. Это Павлик не хочет. Кнышом обзывает.

— Значит, Павлик плохой мальчик, — заключил отец.

— Плохой, — согласился Алеша.

— Тогда я запрещаю с ним дружить.

Алеша понял, что сказал не то. С Павликом бывает интереснее, чем с Петей. Павлик хоть и даст иногда подзатыльника, но и заступится когда нужно. И тут Алеша решил исправить ошибку.

— Он не очень плохой, папа.

— А может быть, он совсем хороший?

Алеша задумался. Вспомнил, как Павлик старался отвалить камень от лазейки. И отвалил бы, если бы не дядя Семен.

— Ничего интересного, — заявил Павлик. — Забили и пусть. А я еще одно место знаю. Там даже удобнее.

По глазам было видно, что Павлик соврал.

Хотя отец и наказал домашним арестом, Алеша заважничал и разговаривал с Петькой и Павликом на равных. Еще бы: на заводе побывал.

— Золото, что нашел рабочий, совсем в другой кровати было, — сказал он Петьке.

— А ты откуда знаешь?

— Я видел, как ее повезли на шихтовый двор.

— Мало ли их похожих? — махнул рукой Павлик.

— Ну и что ж что много. А может быть это и есть вторая спишка от одной кровати? Может и в ней... Она же неподъемная. Я еле дотащил ее.

Петька глянул с досадой на младшего брата и, подумав, позавидовал Павлику. Хорошо одному: куда захотел туда и пошел. Делай что хочешь: никто не наябедничает матери. А ему, Петьке, без Алешки и шагу нельзя сделать. Так и ходит следом. А сейчас Алешка особенно ни к чему. Должны они все-таки пробраться на шихтовый двор.

ВЫМОГАТЕЛЬ

— Что бы такое придумать? — озадаченный, копался пятерней в заросшем затылке Петька. — Как его уговорить, чтобы он за нами не ходил?

Алешка сидел в песочнице и рассказывал девчонкам о том, как он был в заводе и что видел там. Девчонки не верили: такой маленький, а в заводе был.

— Спросите вон у Павлика. Он знает.

— Был, — подтвердил Павлик и позвал Алешку к себе, а когда он подошел, огорошил неожиданными вопросами. — Хочешь, чтобы мы тебя брали с собой на войну?

— Хочу, — осторожно высказал желание Алешка. Он догадывался, что это неспроста. — Чем-то должен и он, Алешка, поступиться.

— Хочешь, чтобы я тебя больше не лупил?

На этот вопрос даже невозможно было ответить как-то иначе. И он сказал:

— Хочу.

— А хочешь, чтобы я за тебя всегда заступался?

Но кто же из малышей откажется от покровительства?

— Конечно!
— Тогда повторяй за мной слова. Обещаю... Ну говори...
— Обещаю, — повторил Алешка.
— Никогда не ябедничать на Петьку... И если Петьке нужно — не ходить за ним... Повторяй.
— А ветряк сделаете? — спросил Алеша.
— Сделаем, — пообещал Павлик.
— Обещаю никогда не ябедничать на Петьку. И если Петьке нужно — не ходить за ним, — повторил Алеша.
— И не рассказывать про наши тайны, даже если будет за это порка... Повторяй.

— И парашют сделаете? — спросил Алеша.
— Ты вымогатель, Алешка! Я бы на твоём месте... — Павлик начал нервничать. Петька тут же поспешил заверить брата, что все будет: и ветряк, и парашют. Алешка повторил обещания, и они пошли к бабушке. Теперь Павлик и не скрывал от Алешки своей задумки.

— Ты веревку достанешь? — спросил он Петьку.
— Длинную?
— Метра четыре.
— У бабушки возьмем. А зачем тебе?
— Около заводской стены дерево стоит. Ветка прямо во двор склонилась. По дереву заберемся на стену. Спрыгнем. А обратно как? Нужна веревка. Привяжем ее к ветке, и пусть висит. Назад пойдем, по ней взберемся на стену.

Бабушку уговаривать не пришлось, чтобы она оставила у себя Алешку. Она лишь только спросила, куда ребята пойдут? И они сказали, что в книжный магазин поступили новые учебники, что их немного и надо быстрее купить.

— Ну, бегите быстренько, — сказала бабушка.

Наконец-то свободные Петька и Павлик наперегонки пустились к заводу.

...В густых ветвях старого, еще довоенного ясеня их не было видно. Зато часть заводского двора перед ними — как на ладони. Метрах в ста от них проходные ворота. До шихтового двора не так уж далеко. И пробираться удобно. На пути лежат огромные деревянные катушки электропроводов. Дальше открытый склад стальных валов. Их размеры удивили Петьку и даже многознающего Павлика: есть такие, что вдвоем и не обхватить. За валами самое трудное для ребят место — железная дорога. Если через нее пробежать незамеченным, то можно считать, что они на шихтовом дворе, потому что дальше стоит длинный, похожий на сарай, склад. Людей за складом нет —

иди, никто не заметит. Но эта железная дорога... Через нее только ползком, да и то трудно перебраться незаметным, от проходных ворот все видно охранщику. Охранщик этот дотошный, придирчивый — никому не доверяет. Ребята глядят на него и злятся. Вот идет машина. И дураку видно, что в кузове грузовика глыбы шлака, которым заваливают овраг в рабочем поселке. Охранщик не спеша поднялся на крыло, заглянул в кабину, шофер тоже встал на крыло, охранщик поднял сиденье, ничего там не обнаружив, посмотрел в кузов и... (какой же все-таки недоверчивый) опустившись на колени, заглянул под кузов машины. И в этот миг Павлик прыгнул со стены, Петька следом. Между катушками электропроводов, между штабелями стальных валов кинулись к железной дороге. Выглянули: охранщик уже проверял вторую машину. Подождали, когда снова будет удобный момент. Еще один бросок и...

— Порядок, — сказал Павлик и обнял за плечи Петьку.

На шихтовом дворе еще работали. Хорошо, что в заводе, как в городе, много деревьев, среди которых можно спрятаться. Ребята забрались в заросли желтой акации и решили ждать.

Они много раз видели со своего балкона, как над шихтовым двором ходит мостовой кран. Но то, что они увидели теперь вблизи удивило их. Кран называют мостовым не зря. Он и в самом деле на мост похож и такой длинный, что его можно положить над речкой, через которую не сразу переплывешь. И очень широкий, по нему запросто пройдет грузовик, а легковые — так и две. Под мостом пристроена кабина с окнами на все стороны. От нее в другой конец крана по мосту бежит тележка с электромотором. На тележке вал со стальным тросом, а на тросе висит электромагнитная шайба. Крановщику все хорошо видно вокруг. Он поворачивает ручку на своем пульте и кран, громяхая колесами по стальным рельсам, бежит над горой металлолома. Крановщик поворачивает вторую ручку и по мосту с подвывом бежит тележка, на тележке крутится вал, разматывается трос, и тяжелая шайба опускается на металл. Она еще не легла на него, только приближалась, а тяжелые железны, как живые зашевелились, начали приподниматься, цепляясь одна за другую, липли к шайбе... И опять запел электромотор. Шайба пошла вверх, неся огромную охапку железа. Кран двинулся и замер над железнодорожной платформой, шайба, покачавшись, успокоилась и сбросила железо. Оно с грохотом посыпалось в стальной короб.

Подкрановый рабочий посмотрел вверх и поднял над голо-

вой скрещенные руки, что означало «конец». Крановщик спустился вниз и ушел в столовую.

Все получилось, как было задумано. Павлик пробрался к каскам. Если бы кто посмотрел на него со стороны, то мог бы подумать, что этот мальчуган нашел невесть какие ценности, перебирает их, а они одна лучше другой, и он не может выбрать лучшую. Пашка брал одну каску, другую, осматривал их, бросал и снова брал и снова бросал: то помятая, то с трещиной. Может Петька подобрал подходящие?

— Петька! — позвал он друга.

Петька не отозвался, он был далеко, возился со спинкой от кровати. «Золото ищет, — подумал Павлик и осудил Петьку. — Помешанный какой-то».

— Петька!

Петька бросил спинку кровати, поднял какую-то трубу, стал заглядывать в нее. Заглянув, опустил и позвал к себе.

— Иди сюда!

— Ты иди сюда!

— Нет, ты иди!

И вдруг...

— Вы как сюда попали?

Не раздумывая ни секунды, не прячась от дежурного охранника. Петька и Павлик под стать горным козлам неслись туда, где висела спасательная веревка. Прыгая через рельсы, проскочили к стене прямо перед самым носом идущего поезда. Пашка взобрался на стену (теперь нестрашно) и посмотрел на поезд. Машинист остановил паровоз, высунувшись в окно, погрозил замасленным кулаком, крикнул:

— Я ж вас как цып-

лят порезал бы! Ну, гляди, Пашка. Скажу отцу, он тебе...

К своему ужасу, Павлик узнал в машинисте дядьку, который жил в соседнем подъезде. Там, на шихтовом дворе, Павлик думал, что он выскажет Петьке все свое неудовольствие его золотоискательством. Тоже, нашел время. Но сейчас было не до высказываний. Не трус он, а как подумал, что запросто мог оказаться под колесами паровоза (в каком-то метре пробежал мимо), передернул плечами от холодного озноба, прошедшего по спине. Еще больше поскуучнел Павлик от мысли о том, что будет дома, если отец узнает о его заводских проделках. И дядя Семен пожалуется, а тут еще машинист. Только около дома Павлик остановился, пренебрежительно глянул на Петьку.

— Зо-ло-то-искатель.

Это высказанное в растяжку слово больно задело Петькино самолюбие и он, унижаясь, забежал наперед Павлику.

— Может, я из-за тебя старался.

Павлик отстранил с дороги Петьку.

— Ты же сам говорил насчет Африки.

Павлик еще раз оттолкнул Петьку с дороги.

И тут Петька сообщил такое, что любой в сто раз упрямее Павлика, не мог бы сдвинуться с места.

— Я хотел к тебе идти, да увидел снаряд в трубе.

— Какой еще снаряд? — недоверчиво произнес Павлик. — Зачем он в трубу попал?

— Откуда я знаю. Труба погнутая, землей забитая. Я расковырял, а там снаряд.

— Надо вернуться, — взволнованно сказал Павлик.

— Туда? Нет я не пойду, — испугался Петька. — Ругать будут.

— Все равно теперь будут ругать, — махнул рукой Павлик. — А сказать про снаряд мы должны. Он же попадет в мартеновскую печь и взорвется. Так и разлетится печь.

— Верно, — почесал затылок Петька. — Я как-то об этом и не подумал... Может ты один пойдешь? — робко спросил он. — Тебя все равно угадали.

— Ну и трус ты, Петька. Тебя же отец никогда не порет.

— Все равно боюсь. Он знаешь как стыдит. Провалиться лучше.

— Ну, как хочешь, — огорченно сказал Павлик. — Людей же убить может.

Это озадачило Петьку. Может даже случиться, что труба попадет в печь отца. Подумав об этом, он уже не сомневался, что сказать нужно непременно.

Но идти в проходную не решился.

— Папа скоро придет с работы, ему и скажу, — пообещал Петька Павлику.

ЕСЛИ БЫ НЕ МАЛЬЧИШКИ

Оглушительный взрыв потряс дом. Петька вздрогнул от неожиданности и, гулко топая по лестнице подъезда, бросился вниз. Алешка, прыгая через несколько ступеней, старался не отстать от брата. Он не знал в чем дело. Зато Петька... Вслед за взрывом Петьку навывлет прожгла мысль: «Папа. Там, у печи, папа!» Он даже растерялся, столкнувшись с отцом на площадке второго этажа.

— Что с тобой? — спросил отец оторопевшего сына.

— Там снаряд взорвался.

— Какой снаряд?

— Сейчас взрыв слышал?

— Ну, слышал. Это реактивный самолет преодолел звуковой барьер. — Отец обнял ребят. — Пойдемте обедать. Я очень проголодался. Нынче столько было работы. Выдали скоростную плавку. На целых сорок минут раньше сварили.

Еще раз ухнуло. Отец предупредил:

— Слушайте, сейчас загудит.

И верно. Загудело длинно, с ровным затуханием звука. Так бывает, когда заденешь струну висящей на стене гитары.

Объяснение отца не успокоило Петьку. Наоборот, он теперь боялся, что услышит тот самый опасный взрыв. И ждал его и терзался оттого, что не решился сказать отцу про снаряд.

— С тобой что-то происходит, Петя? — спросил отец, разливая в тарелки разогретые щи. — Что-нибудь случилось?

— Случилось, папа.

Отец отставил в сторону тарелку, присел на стул.

— Ну, рассказывай.

— Ты будешь ругаться.

— Опять в завод ходили?

— Опять. С Пашкой на шихтовом дворе я нашел трубу, а в ней снаряд.

— Да ты что? — отец оставил недолитую тарелку. — Где ты видел?

— А там, где грузят железо в стальные коробки.

— Зови Павлика и быстро в завод. Я тоже иду туда. Снаряд надо найти. Иначе произойдет крупная авария.

Пашки дома не оказалось. Петьку встретил Пашкин отец.

Вместо того, чтобы объяснить, где Павлик, он схватил Петьку за плечо и подтянув к себе, сказал:

— Чтобы ноги твоей тут больше не было, стервец.

Петька понял, что машинист паровоза уже успел наябедничать.

...В контрольных проходных он столкнулся с дядей Семеном и Павликом.

Дядя Семен держал Павлика за плечи и пытался вытолкнуть за двери проходной. Пашка уперся, не выходил.

— Позвони директору, дядя Семен, — чуть не плача просил Павлик.

— Директору только и делов, что заниматься всякими глупостями.

— Это не глупости, звоните, — волнуясь, сказал подоспевший Петькин отец. — Надо ребят пропустить, быстрее, иначе будет поздно.

Дядя Семен мялся в нерешительности.

— Дело, может и взаправду чрезвычайное, а ребят пропустить в завод не могу.

— Да звоните быстрее, — крикнул отец.

Дядя Семен снял телефонную трубку, подержал в руке, посмотрел на нее, потом на отца.

— Как же я, охранник, буду рассказывать директору про то, что в завод пробрались ребяташки. Да он меня за такое ротозейство сразу уволит.

— Я сам позвоню, — сказал сердито отец и выхватил телефонную трубку.

Что говорил директор отцу, ребята не слышали. Но, видимо, он не мог понять, в чем дело и потому отец рассказал о ребячьей истории два раза. Поняв наконец, он велел передать трубку охраннику. Дядя Семен послушал, несколько раз кивнул головой, сказал:

— Ясно... — И произнес приказным тоном: — Немедленно в кабинет директора!

Еще раз коротко выслушав Петьку, директор позвонил в мартеновский цех и приказал остановить завалку печей шихтой. А через несколько минут они были уже на шихтовом дворе.

Прибежал на шихтовый двор начальник по технике безопасности, убрал лишних людей. А Алешку отвел в контору.

Алешка пережил в этой конторе немало грустных минут. Как все-таки плохо быть маленьким. Такое интересное дело! Может быть, они не найдут этот снаряд, а он-то обязательно

нашел бы. Глаза у него, как говорит бабушка, «вострые». Но пришлось сидеть и слушать, как гудит цех.

Это было первое в жизни важное для Петьки и Павлика испытание. Они выполняли опасное задание. Несколько минут назад они и не думали, что это опасно. Оказалось, как предупредил начальник техники безопасности, снаряд может взорваться от любого неосторожного толчка. Петька внимательно шарил глазами по металлолому, но трубы не находил. Все осмотрели, спинку от кровати нашли, а трубы со снарядом нет.

— Проверьте мульды*,— приказал директор.— Видимо, она пошла на завалку.

Разбирать шихту из мульды прибежали сталевары от печи, стоявшей на завалке, помощники сталевара и много других рабочих.

Мартеновские печи гудели так, что никаких голосов не было слышно. Однако резкий свист услышали все и все оглянулись на него. Это свистнул кто-то из рабочих. Он стоял на мульде, широко расставив ноги, и держал на руках трубу.

Начальник по технике безопасности приказал всем разойтись, сам подошел к рабочему, что-то сказал ему и тот, осторожно спускаясь по стальной лестнице, пошел из цеха.

Рабочие тут же стали укладывать шихту в мульды. Машинист завалочной машины длинным стальным хоботом подхватывал мульды, совал в жерло пылающей печи и переворачивал их. Задержанная завалка печи возобновилась. Павлик и Петя с отцом вернулись в директорский кабинет, где их уже ждал Алешка. Директор позвонил военному комиссару, чтобы тот прислал подрывников. Из разговора ребята поняли, что они обнаружили не просто трубу, а ствол немецкого миномета. Когда-то минометчики стреляли по нашим бойцам. Но вот попала мина с испорченным вышибным патроном и осталась в стволе. Вынуть немцы не успели. На миномет наехал советский танк, помял ствол и мина навсегда засела внутри.

Директор подсел к ребятам, посмотрел на них и сказал:

— Первый раз в жизни не знаю, как мне поступить. Озорников надо наказывать по всей строгости. Но если бы не вы — мартеновская печь взлетела бы на воздух. Могли быть жертвы, сорвалось бы выполнение плана. Получается так, что я должен вас наградить.— Подумав, добавил.— Награжу вас все-таки за то, что смекнули, какую беду может причинить мина.

* М у л ь д а — металлическая коробка для механизированной загрузки мартеновской печи шихтой.

Разговаривая, директор почему-то все время обращался к Петьке, будто он самый главный спаситель людей, которые могли погибнуть.

Петька хотел сказать, что насчет взрыва смекнул не он, но ему приятно было слушать похвалу. Наверное, он так и присвоил бы чужие заслуги, да отец все испортил, рассказав, что первым прорывался к директору Павлик.

— Молодцы,— похвалил директор и спросил Алешку.— Ну, так чего же ты хочешь?

— Каску,— не задумываясь ответил Алешка и, повернувшись на скамейке, показал рукой в окно.— У вас их вон сколько. Целая гора... Я в ней воевать буду.

Дядя Семен, сидевший рядом с Алешей, рот раскрыл. Он теперь понял все.

— Так вы не завод хотели поглядеть, а за касками лезли,— сказал он.— А я уши развесил...

Все засмеялись. Уличенные во вранье, ребята покраснели. Посмеявшись, директор выглянул в окно и сказал:

— Зачем вам этот хлам. Да и смеяться над вами будут, если начнете воевать в пожарных касках. Вот что, ребята. Я обещаю вам настоящие, военные. У меня дружок есть, майор. Выпрошу. Ты, наверное, будешь защищать наш завод? — спросил он Алешу.

Алешка до этого не думал, что и кого он защищал. Воевал и все. Но сейчас директор задал ему вопрос, и он должен на него ответить. За что же он воюет? Своим вопросом директор подсказал и ответ.

— Ага. Я буду защищать завод.

— Молодец. Обязательно найду тебе каску.

— И Петьке,— попросил за брата Алешка.

— Достану и ему.

— Тогда уж и третьему,— побеспокоился о Павлике и о себе дядя Семен.— Он такой проныра, все равно пролезет. За тем не углядишь.

— Будет и третьему.

ПЕРЕПОЛОХ

Как ни старался Павлик оттянуть объяснение с отцом за проделки — объясняться пришлось. Отец наказал крепко, и Павлик сбежал из дома.

Рано утром все были на ногах: Алеша, Петька, дядя Семен,

отцы, матери. Пашкина мать плакала. Дядя Миша, Пашкин отец, допытывался:

— Может, он говорил, куда сбежит?

— Говорил, сбегу, а куда не сказал,— отвечал Алеша.

Дядя Семен бранил дядю Мишу.

— Разве так можно? А? Легонько надо наказывать-то.

Дядя Миша хмурился, отворачивался. А Петька сказал:

— Мы его обязательно найдем.

Легко сказать «найдем». А где искать? Дорога у Павлика одна, а у ищущих много дорог. А пока они пошли мимо завода, по старому шлаковому отвалу к реке. У каждого была своя догадка. Дядя Семен был уверен, что Павлик оторвал доску от забора и гуляет по заводу.

— Я в завод пойду,— сказал он.

Дядя Михаил забеспокоился: как бы Павлик не утонул.

— Я на лодочную станцию, к спасателям,— сказал он и побрел к речному вокзалу.

— Нужно искать его на Зеленом острове,— предложил Петя.— Там его труднее найти. Туда он и удрал.

— Пройдитесь по берегу, рыбаков поспрашивайте, а потом на Зеленый,— посоветовал дядя Семен.

— Идет,— согласился Петя.

Он шел по краю обрыва, свистел и кричал:

— Павлик! Павлик!

Алеша соображал по-своему. Если бы он сам убежал, то прятался бы в густом лесу, или в глубоких пещерах. Но на этой стороне Волги леса вообще нет. Есть на пустыре высокий бурьян. В нем тоже можно спрятаться. Может быть и прячется здесь Павлик, кто знает. А, возможно, он в овраге?

Алеша спустился в овраг. На его крутых склонах были старые убежища и блиндажи, оставшиеся после войны. Они давно обвалились, забурьянели.

— Пав-лик! — кричал Алеша. Какая-то сила тянула его в бурьяны, что буйно поднялись у старых блиндажей.

— Пав-лик!

И вдруг Алеша заметил, как шевельнулись тяжелые метелки лебеды. Отчего бы это? Ветра нет. Он направился к блиндажу. Под его ногами осыпалась сухая земля и шурша катилась на дно оврага. Вот и блиндаж. Он был завален, но не совсем. На одной стене бревна еще держались. Раздвинув бурьян, Алеша увидел треугольную дыру, бывший вход. Заглянул внутрь. Блиндаж оказался обитаемым. На его дне лежала искрошенная в труху солома и свежая трава. Страшно Алешке. Огля-

нулся, чтобы крикнуть кого-либо, но не успел. Из темноты блиндажа послышался громкий шепот:

— Алешка!

Алешка хотел заорать от радости, но в это время в треугольном лазе показалась косматая с опухшими глазами Пашкина голова.

— Тише,— приказал Павлик.— Лезь сюда.

В блиндаже было сыро, пахло плесенью и мышамн. Павлик не дал оглядеться гостю, сразу заговорил:

— Дай честное слово, что никому не скажешь, где я.

— Честное слово,— выпалил Алеша и тут же пожалел о том, что поспешил. Ведь было обещано дяде Михаилу разыскать Павлика. Но слово было сказано, отступить нельзя. Алеша спросил:

— А как же быть? Тебя ищут. Мать побежала в милицию. Отец на реке.

— Пускай ищут, а ты молчи... Если хочешь, то приходи ко мне, только чтобы никто за тобой не следил. Договорились?

— Ладно,— пообещал Алеша.

— А теперь иди.

Алеша догнал брата и больше не отставал. Они шли берегом. Подходили к рыбакам, спрашивали о мальчике, у которого густые брови.

— Отец его уже спрашивал,— отвечали рыбаки.— Не было тут такого.

— Не будет его тут. Айда на остров,—скомандовал Петька.

— А я домой хочу,— сказал Алеша.

— Иди. Без тебя будет лучше,—согласился Петька.— Дорогу найдешь домой?

— Найду! —убегая, крикнул Алеша.

ЕСТЬ ТАКАЯ СТРАНА — АФРИКА

Времени у Павлика теперь было вдоволь, чтобы подумать о том, как же быть дальше. Трудно это решать в двенадцать. Возвращаться домой он не хотел. Но и не знал что делать. Он понимал, что без денег в городе не проживешь. Почему, подумал Павлик, для таких, как он, не организуют какие-нибудь мастерские? Детские дома это не то. Надо чтобы как у взрослых. Выучился он, к примеру, токарному делу и ходил бы каждый день на работу, делал детали для разных машин и зарплату получал два раза в месяц. А жил бы в общежитии. Дет-

ский дом Павлика не устраивал. Там дисциплина, вставай вместе со всеми, в столовую иди строем, ложись вовремя. А ему нужна была самостоятельность,— что захотел, то и делай. Хорошо бы уехать в хутор. Там хоть и нет родни, зато все его знают. Не пропал бы. Пришел бы он к бабке Куле Панкратовой, нарубил бы ей дров и ешь до отвала. Бабка Куля добрая, не обидит.

Бабку Кулю, наверно, вспоминают все уехавшие из Андреевки. Она не просто добрая, она лекарка. Лечит разные болезни: заговаривает сибирскую язву, соски (так там называют ангину), глазную щепу и еще много разных болезней. Все к ней ходили. И он, Павлик, ходил. Один раз что-то попало в глаз, замучился, пошел. Бабка прижала его к себе, запрокинула ему голову и, сложив в щепоть пальцы, прислонялась ими то выше, то ниже глаза, то слева, то справа. Это она крестила глаз. Самое страшное, чего особенно боялся Павлик, должно было произойти после молитвы. Он аж задрожал всем телом, когда она, сдавив ладонями его голову, коснулась кончиком языка его глаза. Он хотел зажмуриться и не смог. Глубоко под веком по глазу скользил теплый кончик языка. И совсем оказывается не больно.

Поводила бабка языком под веком, сплюнула и говорит:

— Ну-ка, гляди.

Павлик открыл глаз, он будто бы и не болел.

Павлик еще не успел уйти домой, к бабке Куле приехал председатель сельсовета Михаил Березнев. Вошел в хату, охая и жалуясь. Что-то влетело в глаз. Ходил в амбулаторию, а там девочка-фельдшерица не смогла вытащить соринку. Бабка Куля смеется, говорит:

— Так я же с молитвой лечу, а ты ж...

— Черт с ней с твоей молитвой, — говорит Березнев. — Лишь бы помогло.

А когда вытащила бабка языком соринку, он ругал фельдшерицу, хвалил бабку и просил:

— Ты уж, Кулина Ивановна, никому не говори, что я был у тебя.

Она пообещала, но все равно весь хутор узнал. То ли бабка, то ли сам председатель проболтался, то ли дружки Павлика, которым он под честное слово рассказал, сболтнули.

Конечно, в хуторе ему было бы хорошо. Но ведь там отец быстро найдет.

В Африку! Вот где можно жить хоть тысячу лет и никто не найдет.

В то время, пока Павлик выработывал план своего побега, к нему самыми скрытными путями спешил Алешка, он нес за пазухой кусок маслянистой халвы, белую булку и пару больших красных помидоров. Все это он взял у бабушки.

Услышав шорох, Павлик отодвинулся к задней стене, чтобы не заметили, если кто вдруг заглянет в блиндаж. Он даже затаил дыхание. Облегченно и шумно вздохнул лишь тогда, когда увидел знакомые коричневые сандалии.

— Быстрее, — крикнул Павлик Алешке.

Алешка скатился вниз и напряженно всмотрелся в темноту.

Неуютно в Пашкином блиндаже. Потолок низкий, можно только сидеть. Над головой дерутся и пищат мыши. От мышиной возни то и дело сыплется вниз глинистая земля. Алеша сел подальше от стены — он боялся мышей. Но и там, где сел, было страшно — прямо над головой слышался негромкий хруст. Посмотрел вверх, прислушался. Хрустело внутри дубового бревна, а казалось где-то далеко.

— Что это? — робко спросил Алеша у Павлика.

— Это черви, сверляки.

— А что они делают?

— Дуб точат.

— Чем точат? — удивился Алеша.

— Челюстями. Знаешь, какие у них челюсти, как железные. Крепкие. Вон посмотри.

Алеша присмотрелся. В бревне было узкое отверстие. Из него выпадали серые опилки.

— Не боишься? — спросил Алеша Павлика.

— А чего бояться? — ответил Павлик. — Не страшно, а только очень скучно.

— Я обязательно буду к тебе приходить.

— Приходи. Я долго тут не буду сидеть.

— А куда ж ты денешься?

— Уеду далеко-далеко.

— Куда?

— Есть такая страна — Африка. Туда поеду. Там хорошо. Тепло и жратва всегда есть. Захотел бананов — лезь на дерево, ананасов хочется — рви. А пить захотел — пей. Кокосовый сок прямо на деревьях, в орехах. Орехи во какие! Одному не выпить!

— А как же ты туда поедешь? — замороженно спросил Алеша.

Павлик покопался в соломе и вытащил картонную коробку из-под ботинок. В ней лежал кусок черствого хлеба, школь-

ный атлас и книжка «Кумаонские людоеды» с тигром на обложке. Это был весь Пашкин багаж, который он захватил с собой во время спешного бегства.

Подползли ближе к лазу, разложили атлас.

— Вот это наша река, — показал Павлик на голубую извилистую полосу. — Понял?

— Ага.

— Она течет в море. Вот в это. Понял?

— Понял.

— А вот и страна Африка.

— Это очень далеко?

— Я же говорил, что махну далеко... Вот. По реке можно на плоту добраться до самого моря, — продолжал фантазировать Павлик. — А лучше на лодке. В ней можно и по реке и по морю... Там, в Африке, сейчас война. Бедняки буржуев колотят. Как у нас раньше.

— А если убьют? — встревожился Алеша.

— Пока убьют, знаешь сколько можно наколотить буржуев! У-у!

Алеша проникся к своему другу еще большим уважением.

— Мне бы с тобой, — с легкой завистью сказал Алеша.

— Ты мал еще. Только мешаться будешь... Мне бы денег разжиться.

— Зачем?

— Продукты в дорогу нужны?

— Нужны.

— Ружье обязательно нужно. В Африке жить опасно.

— Буржуев много?

— Буржуев там хватает. А еще всякого зверья много. — Он взял книжку. — Что здесь нарисовано?

— Тигр, — ответил Алеша. — Я видел в зоопарке, живого.

— В зоопарке что, вот в джунглях Африки они на свободе ходят.

— Злые?

— Нет. Тигры хорошие животные, когда их не обижают. Но есть тигры-людоеды. Эти очень злые. На них охотятся самые меткие, самые смелые охотники. Без ружья там никак не обойтись.

— Не обойтись, — согласился Алеша. — Только денег у меня нету. А хочешь я буду носить тебе продукты? Хлеба могу принести, помидоров. Помидоров у нашей бабушки во дворе много. Да, я принес тебе еду, — вспомнил Алеша и вытащил из-за пазухи халву, булку, помидоры.

— Не надо, — великодушно отказался Павлик: — Ушел — значит сам и добывать все должен. Без помощи. А вот лески мне принеси. Я буду рыбалить и продавать рыбу. К плотам каждое утро приходят тетки покупать.

— Лески я принесу, — обещал Алеша.

— Значит, деньги будут.

— Пока денег нету, ты вот сшь. Я еще принесу.

Павлик взял.

На прощание Павлик потребовал от Алешы еще раз сказать честное слово, что он не выдаст его. Алеша пообещал. На этот раз сознательно и всерьез. Потом спохватился:

— А как же «закоперщики»? Значит, не будем их побеждать? Нам директор завода настоящие каски обещал. И тебе.

Павлик задумался: неплохо бы появиться в солдатских касках. «Закоперщикам» тогда не сдобровать. Но он пересилил себя, заставил сказать:

— Это разве война? Игра. Если я захочу, то один со всеми управлюсь... А в Африке все по-настоящему.

КОНСПИРАЦИЯ

Никогда не думал Алеша о том, как трудно сдерживать «честное слово». Встретилась мать Павлика, испуганная и больная. Так хотелось Алеше порадовать ее. Очень сильно переживает она за Павлика. Да что она! Алешкины папа и мама целый день вздыхают, целый день только и говорят о Павлике. Боятся, как бы не попал он в какую-нибудь беду. Только один милиционер был веселый. Он пришел с Павликовой мамой. Разговаривал больше с Петькой. Спрашивал его, где видел Павлика последний раз, где любили они играть, в какие игры, о чем мечтал Павлик? Много разных вопросов задал Пете с Алешей. Под конец улыбнулся и сказал:

— Не горюй, мамаша. С Пашкой твоим ничего не случится. Проголодается — придет. Не придет — мы все равно найдем. Не таких беглецов находили.

Очень трудно сдерживать «честное слово». Но Алеша сдержал. Как только ушел милиционер, он подсел к отцу.

— Ты знаешь страну Африку? — спросил он.

— Немного знаю, — ответил отец.

— Какая она?

— Это большая земля.

— И находится далеко-далеко?

— Очень далеко. Живут в Африке интересные люди. Есть ростом вот такие, как ты, а годами, как я. Пигмеи. Маленькие пигмеи, но отважные люди и выносливые. Они охотятся на слонов. А есть люди очень большие...

— Больше тебя?

— Я перед ними малыш, как ты передо мной. Они тоже отважные люди.

— Они колотят буржуев, — подсказал Алеша.

— Верно. Да ты, я вижу, про Африку тоже знаешь.

— Слышал.

— Позови Петьку. Мне пора на работу.

Петька откликнулся с балкона.

— К бабушке пойдете или будете дома? — спросил отец.

— Дома будем, — сказал Петька.

— А я пойду к бабушке, — заявил Алеша.

— Нет уж, вы давайте вместе.

— Я буду дома, — повторил Петька.

— Не хочу дома быть. К бабушке пойду, — заупрямился Алеша.

— Хорошо, — согласился отец. — Делайте как знаете.

Алеша мимоходом заглянул на кухню. Сунул за пазуху кусок хлеба, прихватил банку «Сайры», проскользнул мимо отца на улицу. Свернул за угол, спустился к заводу, вдоль забора к берегу, по бурьянам к оврагу.

В блиндаже Павлика не оказалось. Алеша разбросал солому, достал коробку, сложил провиант и раскрыл атлас. И обнаружил беду — мыши съели половину Африки. Как же теперь поедет Павлик? Да и знает ли он об этом? Поднялся наверх. Из травы глядела на Алешу веселая Пашкина физиономия.

— Почему ты от меня прячешься?

— Понимать надо. Должна быть конспирация. Может ты предатель? Может быть, ты приведешь кого-нибудь.

— Нет, Павлуша, я не предатель. Самому милиционеру не сказал. Во!

— Приходил?

— Ага. И мама была.

— Плачет?

— Плачет.

Павлик заскучал.

— Может, не нужно ехать в Африку? — спросил Алеша.

Павлик задумался.

— Уеду. Это она с не привычки плачет. Потом привыкнет и перестанет.

Вдруг Павлик схватил Алешу за ворот рубахи и придавил к земле.

— Ложись.

Алеша почуял едкий запах полыни. Во рту стало сухо и горько. А подниматься нельзя. По дороге, что спускалась через старый шлаковый отвал к реке, шли трое: отец Павлика, дядя Семен, милиционер. Они остановились у той лазейки, где дядя Семен поймал Павлика с Алешей. Дядя Семен долго рассказывал что-то своим спутникам, видимо, ту старую историю.

— Ищут, — прошептал Павлик.

ПРОДЕШЕВИЛ

Очень часто вниз по реке плывут неуклюжие ленты плотов. Иногда они останавливаются у берега, напротив завода.

Плотам рады рыбаки. Днем и ночью сидят они на плавающих бревнах. Рыба тут ловится отменная. Сазаны под плоты заходят полакомиться приманкой, сомята водятся. Больших сомов не бывает, а сомята гости частые, и лещи крупные попадают. Рыба каждому на вкус. В моде больше закидные лески и потому здесь часто слышится легкое посвистывание брошенных снастей и бултыхание свинцовых грузил.

На плоту и примостился поздним вечером Павлик. Завидная рыбалка была вокруг. Особенно везло соседу в клетчатой кепке. Он и судака вытащил, и жереха на спиннинг подхватил. А чуть подалее рыбак на закидную удочку поймал соменка и жирного сазана.

Павлик с завистью глядел на счастливых соседей и ему тоже хотелось поймать сазана или соменка. Желание росло, а ловили те, кому деньги, может быть, не очень нужны.

В нетерпеливом ожидании сидел он, глядя на проволочный сторожек, ждал сигнала со дна реки. Ждал, когда рыба возьмет и потянет крючок с приманкой. Привязанная за сторожек леса натянется. Сторожек качнется и помашет рыбаку прикрепленным на конце клочком белой бумаги.

Рыба почему-то медлила. Павлик перевел уставший взгляд на реку. Вдали тихо плыли одинокие огни. Это проходили мимо плоты. Куда они идут? Если бы знал, что до самого моря, поплыл бы на них, а там... Там видно было бы.

Павлик вздрогнул, услышав позади знакомый кашель. Резко повернулся и увидел человека, осторожно пробиравшегося по плавающим бревнам. Павлику стало жарко. Он узнал отца.

Долго не раздумывая, сорвал со сторожка бумагу. Без бумажки сторожка ночью не заметить. Лег на живот и быстро пополз к безлюдному краю плота. Отец подошел к рыбакам, спросил о сыне.

— Были тут пацаны,— ответили отцу.— Да ведь они рыбаки какие? На месте не сидят. Ушли.

Отец подходил все ближе. Павлик опустил в воду, между бревен. В темноте отец не мог его увидеть, потому что было наверху только Пашкино лицо. Заложив руки за спину, широко расставив ноги, отец, казалось, остался на вечность. Павлика пробирал холод, вода плескалась, захлестывала рот и глаза. Однако нужно было терпеть. Он вытерпел.

Когда скрылся из виду отец. Павлик выбрался из

воды, выжал рубаху и штаны, начал приспосабливать бумагу. Взявшись за сторожек, почувствовал сигналы со дна реки. Сторожек так и рвался из рук. «Хорошо зацепилась. Тяни!» — сообщила со дна реки какая-то рыбина.

— Есть! — радостно воскликнул Павлик и со страхом подумал, что рыбина может сорваться.

Он взялся руками за лесу и, стал подтягивать рыбину к себе. Леса натянулась позванивая, потом метнулась в одну сторону, в другую. Павлика охватила азартная дрожь.

Сомик! Да еще какой!

За большое терпение рыбак был щедро вознагражден.

Начинало рассветать. Над рекой поднимался пар. Он затуманил другой берег Волги, и река стала походить на море. Проходившие мимо суда казались больше, чем они есть на са-

мом деле. Но так было недолго. Над космами тумана скользнул солнечный луч, проснулся дремлющий на том берегу ветер. Он смахнул с реки молочную пелену, и река заиграла волнами. Все стало настоящим. Павлик рыбачил, пока было тихо. Подул ветер и стало холодней, его пробирал озноб. Одежда сохла на нем очень медленно. Павлик смотал лески, закинул за спину добычу и пошел на берег. Там уже стояла старуха.

— Продаешь? — спросила покупательница.

— Купи, если хочешь.

— Сколько же ты за такого?..

Павлик попал врасплох. Одно дело ловить рыбу, другое дело — продавать ее. Он не знал, сколько запросить, как-то не подумал об этом раньше. Но он малый сообразительный. Слышал, как люди торгуются. Чтобы не продешевить, надо на вопрос отвечать вопросом:

— А сколько дашь?

Бабка взяла в руки соменка, прикинула вес и зачем-то полезла крючковатыми пальцами сому в рот и, будто нащупав там цену, сказала:

— Рупь, так и быть, дам.

«Значит, половину дает», — смекнул продавец.

— Мало...

— Продавцу воля, покупателю другая, — сказала бабка.

— Что ты сказала? — не понял Павлик.

— Как хочешь, говорю. Хорошо даю.

— Мало. Давай два рубля.

— Два много... Так уж и быть: не по-твоему, не по-моему— рупь с полтиной бери.

Павлик сунул старухе соменка. Она отдала деньги и лихо засеменила в гору.

— За сколько сплавил? — спросил сосед в клетчатой кепке.

Павлик раскрыл ладонь.

— На целый рубль обжала.

Эх, ты! КУМАОНСКИИ ЛЮДОЕД!

За последние дни Алеша будто повзрослел. Больше не ходил он за Петькой. Даже если старший брат приглашал с собой. Домой приходил тихим, присмирившим. Садился на табуретку и думал о своем. Иногда, неожиданно для Пети, спрашивал о кумаонских людоедах. Петя тарачил на младшего брата глаза. Он никогда не слышал о них.

— Кто тебе про них говорил? — спрашивал он Алешу.

Алеша не отвечал, потому что это связано с «честным словом», которое он дал на днях в старом блиндаже. Не рассказывать же о том, как много разных историй об Африке он слышал от Павлика. А знать хотелось все больше. Алеша смотрел на Петьку, а думами был в далекой стране Африке, брел по джунглям вслед за храбрым охотником Павлом Соколовым.

У Пашки настоящая винтовка. И ему не страшны никакие людоеды. Тигры-людоеды охотятся за Пашкой, Пашка за тиграми. Они ловкие и хитрые, но он ловчее и хитрее тигров. Таким и должен быть Павел Соколов. Он перебьет всех людоедов, а потом пойдет колотить буржуев.

— Никаких людоедов на земле нет,— авторитетно заявлял Петя.

— Есть, — говорил Алеша и уходил слушать новые истории об Африке.

Однажды Алеша пришел домой заплаканный.

— Тебя кто-нибудь обидел? — обеспокоился Петька.

— Нет, — тихо ответил Алеша и, приложив кулаки к глазам, зарыдал.

— Да что с тобой?

— Я обещал никому не говорить о нем. Честное слово дал. А он заболел.

— Кто заболел?

— Павлик.

Петька подхватил Алешу на руки.

— Да не реви же ты! Говори, где он? Ну! Быстрее.

— Там! — Алеша махнул рукой в сторону реки.

...Павлик лежал на соломенной трухе. Часто дыша, он постанывал и просил пить. Петька оставил в блиндаже ребят и побегал домой. Пробегая мимо милиции услышал, как его кто-то окликнул. Оглянулся и увидел знакомого милиционера.

— Ну, как не нашелся беглец? — спросил он, высунувшись из окна.

— Нашелся, — сообщил на ходу Петька. — В старом блиндаже, больной лежит.

— Стой, Петька, — приказал милиционер. — Вместе пойдём.— Милиционер остановил проходящую мимо машину, посадил Петьку в кабину, и они поехали к оврагу...

Милиционер взял на руки Павлика, сел с ним в кабину грузовика.

— В больницу. Быстрее, — приказал водителю.

Петя и Алеша сидели в больничном дворе и ждали милиционера. Он вышел и грустно сказал:

— Воспаление легких. Двустороннее...
Петька уничтожающе глянул на Алешу:
— Честное слово дал. Эх, ты! Кумаонский людоед! Соображать надо!
— Мал еще, — заступился за Алешу милиционер. — Подрастет, будет соображать.

ЗАВОЕВАТЕЛИ

Лечили Павлика хорошие врачи. Приходили к Павлику в больницу хорошие друзья: Алешка, Петька, дядя Семен и даже малознакомый милиционер.

— Теперь не удерешь в Африку? — беспокоился Алеша.

— Погляжу, — неопределенно отвечал Павлик.

— Не удирай. Без тебя мы не одолеем «закоперщиков».

— Ладно, — согласился Павлик.

— А меня не будешь прогонять с войны?

— Ладно, воюй. Ты смелый...

Петька сообщал другу:

— А мы теперь каждый день тренируемся. И на шпагах, и на мечах, и вообще... здорово выходит.

Дядя Семен виновато глядел на больного, оправдывался:

— Не знал, что так выйдет. Разве я сказал бы твоему отцу.

Хотел, как лучше, а вышло вон как... Да ты не держи на сердце зло. Дело пошло на поправку.

Милиционер посоветовал:

— В другой раз иди сразу ко мне, если что...

Лечили Павлика хорошо, и он скоро выздоровел. И вот уже сняли с него больничную пижаму, одели во все новое, принесенное отцом, и сказали:

— Больше не болей.

— Не буду, — пообещал Павлик и вышел на больничный двор.

Во дворе стояла автомашина «Волга» с черными кубиками на боках. Около «Волги» ждал Павлика отец.

А во дворе встречали Павлика так, словно он вернулся не из больницы, а из самой Африки, словно президента какого. Он с машины, а ему навстречу войны: на голове у каждого зеленая каска, настоящая солдатская, в руках по мечу и щиту. Мечи и щиты деревянные, но сделанные, как настоящие и выкрашенные словно стальные.

— Были на заводе? — удивился Павлик.

— Нет, — ответил Петька. — Это дядя Семен для нас сде-

лал. — И на ухо по секрету сказал: — А каски — подарок от директора.

Дядя Семен стоял тут же в подъезде. В руках у него был мешок. Он поздоровался с Павликом за руку, как с другом.

— Я же говорил, что дела идут на поправку, — сказал дядя Семен и достал из мешка еще одни доспехи. — Вот... и для тебя принес.

Обрадованный Павлик, не раздумывая долго, напялил каску на голову, щит в одну руку, меч в другую.

— Спасибо, дядя Семен.

— Не за что, — отмахнулся дядя Семен. — Надо бы сразу сказать, что вам нужно. А вы начали самоуправничать, обманывать.

Павлик засмутился, а дядя Семен, словно оправдываясь, продолжал:

— Это я так сказал, чтобы наперед знали. Лучше спросите. Не жалко.

Готовились к встрече с противником обстоятельно. Было запрещено хвастаться подарком директора и рассказывать о возвращении Павлика. До самого полдня гудела в подъезде лестница — воины тренировались. Надо было победить обязательно, иначе будет большой конфуз.

Перед вечером Алеша объявил «закоперщикам»:

— Выходите! Будем вас завоевывать!

Лева Дубинин посмеялся над Алешей и спросил:

— Сколько вас таких в бутылке умещается?

— В какой бутылке? — не понял Алеша.

— В молочной, — захохотал Дубинин.

— Бойтесь, — подзадорил Алеша.

— Боймся? Вас боймся? — возмутился Левка. — Скажи своим слабакам — мы готовы!

Они, как всегда, первыми заняли гору. Команда Павлика не пошла к оврагу. Шеренгой вышла из-за дома, подняла мечи и разом ударила по щитам. Ударила и закричала: «Ура!». Стук мечей и звонкий крик раскатисто отозвались в домах. Мальчишки побежали к горке. Противники даже не сдвинулись с места. Такое поведение «закоперщиков» смутило Павлика. Он привык драться только с теми, кто нападает или обороняется. А они стояли и смотрели, как заколдованные. Горевший желанием сразиться, Алешка подскочил к Левке Дубинину. Подскочил и ткнул мечом в грудь. Левка пренебрежительно отодвинул рукой Алешку и сказал:

— Чего лезешь? Завоеватель. А то надаю подзашени, — ска-

зал и, ткнув мечом в Алешкину каску, спросил Павлика:

— Где вы достали все это?

Павлик не ответил, спросил в свою очередь:

— Что, сдаетесь?

— Скажите сначала, где достали. Потом будем воевать.

— Это военная тайна, — не согласился с предложенным условием Павлик. — Сдаетесь?

— Нет, — ответил Дубинин.

На Павлика снова напали двое. Но ему на помощь пришел верный, смелый и мужественный друг Алеша. Он рванулся навстречу самому Дубинину. Стремительно взмахнул мечом и хотел опустить его на плечо противника. Дубинин ловко увернулся от Павлика и скрестил свой меч с Алешкиным. Сильная рука у Дубинина. Нажал и Алешкин меч опустился к земле. Дубинин быстро отскочил и опустил свой меч на Алешкину каску.

— Ложись! — приказал Алешке Дубинин. — Тебя уже нету. Я тебя убил.

Алешка не мог с этим согласиться. Еще и не воевал, а уже должен лежать. Он не имеет права на это. Ведь он не просто воюет. Он защищает завод.

— Нет, — крикнул в лицо Дубинину Алешка. — Я не убитый, я только раненый.

Дубинин уже бился с Пашкой. Алешка снова ринулся в бой.

— Теперь ты уже точно убитый! — крикнул Дубинин.

Алешка даже через каску почувствовал силу удара, он даже покачнулся, едва не упал. Но крикнул опять:

— Нет. Я снова раненый!

На пустыре звон мечей. Алешку сбили с ног. Теперь-то он не имел никакого права прикидываться раненым, он убит. И он лежал и глядел, как смело насаждают на противника Павлик и его брат Петька.

1968 г.

Волгоград

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Румба	6
Победы и поражения «рыцарей»	76

Николай Федорович Терехов

ДВА МАЛЬЧИШЕСКИХ ЛЕТА

П о в е с т и

Для среднего школьного возраста

Редактор А. И. Шадрин
Художник Н. Д. Будников
Художественный редактор В. А. Гусев
Технический редактор С. В. Горюшина
Корректоры Т. Н. Комарова,
Л. П. Ильяшенко

НМ 09641. Сдано в набор 13/III 1972 г. Подписано
к печати 15/IX 1972 г. Бумага тип. № 2. Формат
60×84/16. Печ. л. физ. 7,5. Печ. л. усл. 6,97. Уч.-изд.
л. 7,14. Авт. л. 6,63. Тир. 65 000. Зак. 75. Цена 22 коп.
Темплан 1972 г.

Нижне-Волжское книжное издательство, Волгоград.

КИМ, 6. Типография издательства

«Волгоградская правда»

Волгоград, Привокзальная площадь

Цена 22 коп.

Дорогие ребята!

Автору и книжному издательству хочется знать: понравилась ли вам эта книга. Свои отзывы и пожелания шлите по адресу: г. Волгоград, ул. КИМ, 6. Нижне-Волжское книжное издательство.